

Записки Іосифа Петровича Дубецкаго.

МОИМЪ ДѢТЯМЪ.

азставаться съ міромъ, не оставивъ по себѣ памяти, не утѣшительно для человѣка, занимавшаго нѣкоторую степень въ обществѣ и предназначавшаго себя для высшей сферы. По крайней мѣрѣ я желаю оставить вамъ, милыя дѣти, хотя краткое свѣдѣніе о пути, по коему я прошелъ трудное поприще моей мятежной жизни.

Вы теперь юны и не можете понимать разсказовъ о происшествіяхъ, обуревавшихъ мою жизнь и имѣвшихъ на нее вліяніе. Но придетъ время, когда вы, въ зрѣломъ возрастѣ, будете съ удовольствіемъ читать эти записки и будете, такъ сказать, бесѣдовать со мною, когда меня уже не будетъ.

Проживши болѣе полувѣка, и я имѣлъ на сценѣ государственной жизни свою роль,—не важную,—это правда; за-то былъ современникомъ событій и въ нѣкоторыхъ или участвовалъ самъ, или былъ очевидцемъ. Но кто вамъ объ этомъ разскажетъ?..

Изъ официальныхъ документовъ вы узнаете, что отецъ вашъ, проведши большую часть жизни на службѣ, былъ 16 лѣтъ на военномъ поприщѣ и въ эту эпоху участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горами за Кавказомъ и въ турецкую войну, а въ продолженіе гражданской службы былъ совѣтникомъ, прокуроромъ, предсѣдателемъ и наконецъ въ вице-губернаторскомъ званіи окончилъ длинный періодъ служенія.

Но эти указанія будутъ далеко неудовлетворительны. Вы вѣроятно пожелаете знать, какими судьбами брошенъ я былъ изъ Россіи во Францію, изъ Франціи въ Грузію, изъ Грузіи въ Европейскую Турцію, опять въ Грузію, въ Эривань, изъ Эривани въ Вильну, изъ Вильны

въ Сибирь, изъ Сибири въ Петербургъ, въ Одессу и наконецъ въ Тамбовъ. Кто разскажетъ подробности этихъ переходовъ? кто вамъ разскажетъ про мою частную жизнь, которая то весела и беззаботна, то горестна и несчастлива, постоянно сопровождалась строгою нравственностію?

Все это вы узнаете хотя вкратцѣ изъ моихъ повѣствованій, Любовь моя къ вамъ такъ велика, что я и за гробомъ хочу бесѣдовать съ вами.

Въ этой идѣѣ я рѣшился написать эти записки не для печати и не для свѣта, но собственно для васъ, мои милыя дѣти, на тотъ предметъ, дабы вы, читая ихъ, могли видѣть, по какому длинному и трудному пути шла моя жизнь вездѣ и всегда неразлучно съ честію и благородствомъ. Послѣдуйте въ семъ отношеніи божественному глаголу: «Будите мудры яко змѣи и цѣли яко голуби». Заповѣдую вамъ честность, трезвость, цѣломудріе и вѣрность государю и отечеству. Исполните этотъ положительный мой завѣтъ. Это будетъ для меня наилучшею наградою моихъ объ васъ попеченій и неограниченной моею къ вамъ любви.

Иосифъ Дубецкій.

1850 года
декабря 25-го дня.
Тамбовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Отъѣздъ за границу. — Пребываніе во Франціи. — Возвращеніе въ Россію. — Походъ въ Грузію. — Мугамская степь.

Въ 1815 году, послѣ Ватерлооской битвы, положившей предѣлъ воинственному гению героя-вождя, 15 лѣтъ потрясавшаго Европу своимъ грознымъ оружіемъ, — первостепенныя державы: Россія, Австрія, Пруссія и Англія предположили оставить на три года во Франціи свои корпуса, для удержанія въ спокойствіи сильнѣйшей партіи Наполеона, коего одно имя могло поднять сотни тысячъ приверженцевъ, сѣтовавшихъ въ тиши.

Четыре союзные корпуса съ бригадою датчанъ были подчинены Ватерлооскому побѣдителю, генералъ-фельдмаршалу герцогу Веллингтону, коего гофъ-квартира была въ Камбре, а отъ этой крѣпости по всей сѣверной Франціи расположены были помѣнутыя войска.

Россійскій корпусъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской, корпусная квартира была въ кр. Мобежѣ ¹⁾).

Артиллерія пѣшая и конная по комплекту.

Командиромъ этого корпуса былъ генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, — вельможа въ полномъ значеніи слова. Онъ былъ ласковъ, милостивъ, щедръ, доступенъ и не гордъ. Зато онъ былъ необыкновенно любимъ войсками.

Войска эти, потерпѣвшія разстройство отъ войны, были укомплектованы людьми изъ другихъ полковъ, а за лошадьми велѣно послать ремонтеровъ въ Россію.

Старшій братъ мой Григорій Петровичъ, занимавшій значительное мѣсто въ корпусѣ ²⁾ и пользовавшійся расположеніемъ графа Михаила Семеновича, по особенной заботливости объ насъ, рѣшилъ воспользо-ваться благопріятными обстоятельствами и выписать во Францію меня и брата Василя Петровича для окончанія наукъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній. Посему съ однимъ изъ ремонтеровъ, поручикомъ Смоленскаго полка Яковлевымъ, я и братъ отправлены были за границу 8 сентября 1816 года.

Графъ М. С. Воронцовъ, одобрившій этотъ поступокъ брата Григорія Петровича, оказалъ въ семъ дѣлѣ особенное покровительство своимъ сильнымъ содѣйствіемъ. Намъ дозволено было отправиться во Францію для окончанія наукъ; а если пожелаемъ опредѣлиться на службу, то разрѣшено было обучаться въ какомъ-либо учебномъ заведеніи въѣ-

¹⁾ 9 пѣхотная дивизія:

Аншеронскій.

Нашембургскій.

Якутскій.

Рязскій

10) Егерскіе.

35) Егерскіе.

Пѣхотные пол.

Начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Удомъ. Дивизионная квартира въ кр. Авелъ.

12 пѣхотная дивизія:

Смоленскій.

Нарвскій.

Новоингерманландскій.

Алексопольскій

41) Егерскіе.

6) Егерскіе.

Пѣхотные пол.

Начальникъ дивизіи генер-лейт. Лисаневичъ. Дивизионная квартира въ кр. Мобежѣ.

Драгунская дивизія:

Смоленскій.

Тверской.

Курляндскій.

Книбургскій.

Два донскіе казаціе.

Конные пол.

Начальникъ дивизіи генер-лейт. Алексѣевъ. Дивизионная квартира въ кр. Ретелъ.

²⁾ Корпусный оберъ-провіантмейстеръ.

полка до производства въ офицеры, съ тѣмъ, что юнкерская служба наша будетъ считаться за дѣйствительную.

Дорога наша, хотя продолжительная, была весьма пріятна и полезна. Мы ѣхали въ легкомъ собственномъ экипажѣ (въ бричкѣ) на тройкѣ прекрасныхъ лошадей, съ отставнымъ гусаромъ Павломъ (фамиліи не помню), который былъ и кучеръ, и поваръ, и дядька. Этотъ превосходный человекъ смотрѣлъ и ухаживалъ за нами, какъ за родными дѣтьми.

Слѣдовали мы чрезъ: Брестъ-Литовскъ, Варшаву, Калишъ, Глогау Кенигсбергъ, Веймаръ, Бамбергъ, Мангеймъ, Мецъ, Седанъ и Мобежъ.

Въ концѣ ноября 1816 года мы прибыли въ г. Баве, къ брату Григорію Петровичу.

Погостивъ нѣсколько дней, я и братъ Василій помѣщены были въ лицей въ г. Дув; а чтобы время для службы не было потеряно, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы были опредѣлены юнкерами въ 41 Егерскій полкъ.

Получивъ въ Россіи коллегіальное образованіе, я могъ почти держать экзаменъ на степень студента, но въ лицей была для меня остановка за незнаніемъ французскаго языка. Отличныя способности и неуспынно-трудолюбіе подвинули меня такъ быстро, что менѣе, чѣмъ въ годъ я говорилъ и писалъ по-французски лучше, нежели по-русски.

Вскорѣ оказалось, что кругъ лицейскаго образованія былъ для меня недостаточенъ. Посему братъ Г. П. рѣшился взять меня въ Парижъ для изученія математическихъ наукъ, если невозможно-будетъ помѣстити въ политехническую школу. Ибо предположеніе было служить въ артиллеріи или въ генеральномъ штабѣ. Въ семъ намѣреніи въ сентябрѣ 1817 года, я оставилъ лицей, а въ октябрѣ прибылъ съ братомъ въ Парижъ. Въ политехническую школу поступить было невозможно, и по слабости познаній въ математикѣ, и потому, что я былъ не французскій подданный. По этой причинѣ братъ рѣшился оставить меня въ частномъ домѣ, съ тѣмъ чтобы я занимался науками приватно. Были отысканы и договорены отличные люди и по нравственности, и по познаніямъ. Литературѣ обучалъ меня профессоръ Манье; математикѣ—славный воспитанникъ политехнической школы Комтъ, и музыкѣ—первый скрипачъ королевскаго оркестра Картье. Помѣстился я въ части стараго Парижа, Rue de Lahagre, № 85, Hôtel de Nassau. Квартира моя была въ бельэтажѣ, состояла изъ двухъ просторныхъ и опрятныхъ комнатъ съ мебелью и постелью и стоила 20 франковъ въ мѣсяцъ. Столъ я имѣлъ по билетамъ. Обѣдъ былъ изъ четырехъ блюдъ съ десертомъ безъ кофе и вина. За 30 билетовъ я платилъ впередъ 45 фр. и каждый разъ, когда обѣдалъ, отдавалъ, вмѣсто денегъ, билетъ. Этотъ самый столъ, безъ абони-ровки, стоилъ два франка. За завтракъ, заключавшійся въ большой чашкѣ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ и масломъ, я платилъ 15 су. Двумъ учителямъ платилъ по 100, а одному 50 фр. въ мѣсяцъ. Такимъ обра-

зонтъ бюджетъ моихъ расходовъ простирался до 337¹/₂ фр. въ мѣсяцъ. А какъ братъ ассигновалъ мнѣ ежемѣсячно по 400 франковъ, то изъ остатка употреблялось на книги, бумагу, театры и прочіе расходы. Хозяинъ дома, отставной раненый капитанъ, и его сестра были честные и предобрые люди. Они содержали на откупъ цѣлый отель, отдавали номера квартиръ и тѣмъ жили. На этой квартирѣ, очень для меня удобной и выгодной, я жилъ во все время пребыванія моего въ Парижѣ.

Для развитія въ обращеніи я былъ отрекомендованъ и введенъ въ нѣкоторые дома, какъ-то: маркиза Ле-Нормана, графа Клермона, королевскаго прокурора Жакино, но наилучше я былъ принятъ и обласканъ въ знаменитомъ коммерческомъ домѣ Бодени и Жюли.

Мнѣ было тогда 19 лѣтъ. Я былъ здоровъ, силенъ, статенъ и весьма пригожъ. Богъ одарилъ меня сильною волею и добрымъ сердцемъ, а связи съ людьми благородными утвердили въ строгой нравственности.

Братъ Григорій Петровичъ, оставляя меня въ Парижѣ, дѣлалъ много поучительныхъ наставленій, относительно опасности парижскихъ женщинъ и, наконецъ, какъ бы съ неудовольствіемъ выразилъ сомнѣніе къ моему поведенію въ будущемъ. Конечно, въ этомъ видна была его заботливость, за всѣмъ тѣмъ, это было слишкомъ строго съ его стороны. Мнѣ кажется, ему слѣдовало внушить мнѣ, чтобы я гнушался распутства съ публичными женщинами, но чтобы, при случаѣ, не удалялся отъ любовныхъ интригъ, но былъ бы въ этихъ дѣлахъ благоразуменъ, скрытенъ и остороженъ. Между тѣмъ его неумѣстный упрекъ задѣлъ сильно мое пылкое самолюбіе, и я съ достоинствомъ отвѣчалъ: «Братъ, вы меня худо знаете;—вогъ моя рука и слово честнаго человѣка, что въ нравственномъ отношеніи я явлюсь къ вамъ такимъ же, какимъ вы меня оставляете, хотя бы это стоило мнѣ жизни». Этотъ безразсудный обѣтъ стоилъ мнѣ весьма дорого. Былъ одинъ случай, касательно сердечной связи, которымъ умѣй я воспользоваться пошелъ бы далеко и жизнь моя приняла бы совсѣмъ другое направленіе. Въ домахъ, въ кои я былъ вхожъ, были прелестныя женщины, да сверхъ того были и другіе увлекательные случаи, и я долженъ былъ бороться съ усиліемъ, чтобы противустоять искушеніямъ и побѣдить себя. Богъ услышалъ мою мольбу, утвердилъ меня, и никакіе соблазны не могли поколебать моей рѣшимости. Я сдержалъ мое слово и явился къ брату такимъ, какимъ онъ меня оставилъ. Но подобная борьба была для меня столь тягостна, что въ одно время я схватилъ бѣлую горячку, былъ въ помѣшательствѣ около сутокъ и пролежалъ больной нѣсколько дней.

Въ іюлѣ 1819 года пріѣхалъ ко мнѣ братъ Василій Петровичъ, а 30 августа мы оставили Парижъ.

Мы вѣхли съ братомъ въ дилижансѣ до Сенкантена, гдѣ ожидала насъ коляска съ лошадьми брата Григорія Петровича. Едва вышли мы

изъ дилижанса, съ гостинницѣ «Cérf d'or», какъ кучеръ Феликсъ отдать намъ письмо брата, въ коемъ онъ извѣщаетъ и поздравляетъ насъ съ производствомъ въ офицеры. (Мы произведены въ прапорщики 3 августа 1818 года). Эта пріятнѣйшая вѣсть надѣлала намъ такой бѣды, что мы отъ радости были какъ сумасшедшіе и не спали цѣлую ночь; а полбутылки шампанскаго (другую половину отдали Феликсу) разстроило еще болѣе наше воображеніе. На другой день мы ѣхали въ пріятнѣйшихъ мечтахъ, и все казалось намъ раемъ. Обмундировавшись какъ наилучше, мы прибыли въ полкъ, а чрезъ мѣсяцъ я былъ сдѣланъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Императоръ Александръ I съ союзными государями, послѣ Ахенскаго конгресса, произвелъ смотръ и маневры всѣмъ корпусамъ, кромѣ Австрійскаго, подъ Валансиеномъ, а въ октябрѣ весь корпусъ тронулся въ походъ въ Россію.

41 Егерскій полкъ, квартировавшій во Франціи въ г. Като де Камбрези, выступилъ съ мѣста 4 ноября и шелъ по слѣдующему маршруту: Шато, Живе де Шарлемонъ, Рокроа, Гуйль, Лиежъ, Намюръ, Ахенъ, Кельнъ (на Рейнѣ), Кассель, Галле, Лейпцигъ, Калишъ, Варшава, Бѣлостокъ, Слонимъ, Слуцкъ, Бобруйскъ, Рогачевъ, Гомель, Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Кролевецъ, Ромны, Ахтырка, Харьковъ, Чугуевъ, Изюмъ, Славяносербскъ, Аксай (на Дону), Ставрополь, Георгіевскъ, Екатериноградъ, Моздокъ, кр. Владикавказъ, и переходъ чрезъ Кавказскія горы до Душета.

У Казбека переходиличъ чрезъ ужаснѣйшій снѣговой заваль, подымавшійся надъ Тереконъ, выше 100 сажень, и завалившій Дарьяльское ущелье болѣе нежели на 7 верстъ.

Въ г. Тифлисъ полкъ пришелъ 12 октября 1819 года.

Главнoкомандующимъ въ Грузіи былъ тогда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, генералъ-знаменитый, какихъ въ Россіи было немного, а Грузія, послѣ князя Циціанова, не имѣла и, кажется, не скоро будетъ имѣть подобнаго. Послѣ его, въ продолженіе 23 лѣтъ, было шесть главнoкомандующихъ, но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ для Грузіи и сотой доли того, что сдѣлалъ онъ. Я былъ въ Грузіи во время военной службы 7 лѣтъ и во время гражданской 4½ года; въ эти двѣ разновременныя и продолжительныя эпохи я узналъ край въ подробности и видѣлъ всѣ недостатки правительственной системы. Могу смѣло сказать, что эта превосходная и богатѣйшая страна заслуживаетъ лучшей участи и достойна особеннаго вниманія правительства; но, судя по состоянію Россіи, можно безошибочно предсказать, что много, много протечетъ еще времени, пока она станетъ на ряду съ благоустроенною Европою.

Полковая штабъ-квартира 41 Егерскаго полка была тогда въ с. Кве-

махъ, въ Самхетин, полковымъ командиромъ былъ полковникъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, а я былъ полковымъ адъютантомъ.

1820 года марта 2 дня одинъ баталіонъ 41 Егерскаго полка выступилъ въ походъ въ Казакумыкское ханство. При этомъ баталіонъ находился и я. Мы шли чрезъ Елизаветполь (Ганжи), гдѣ и провели всю святую недѣлю Пасхи.

На Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру былъ въ то время богатѣйшій рыбный промыселъ. Осетры ловились въ такомъ множествѣ, что болѣе 300 человѣкъ рабочихъ едва успѣвали вынимать икру, а рыбу отдавали почти задаромъ, или бросали въ воду.

Проходя Елисуйское ханство, мы захватили оконечность Мугамской степи, изобилующей невѣроятнымъ количествомъ змѣй и разнаго рода гадовъ. Въ этомъ змѣиномъ царствѣ есть мѣста, чрезъ кои въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы никакое животное пройти не можетъ. Оконечность, чрезъ которую мы проходили, была дотого покрыта черепахами и жабами, что трудно было найти чистое мѣстечко, чтобы послать бурку, и во всю ночь почти никто не ложился.

Мугамская степь замѣчательна смертію Надыръ-шаха.

Побужденный невѣдомымъ ему самому геніемъ, Надыръ быстро прославился завоеваніями и мечемъ проложилъ себѣ путь къ шахскому трону. Покоривъ весь Иранъ и завоевавъ Индію, онъ забросилъ російскому двору сватовство на великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, знаменитой того времени красавицѣ. Слабая и малодушная Анна, работавшая вмѣстѣ съ Россією подъ гнетомъ жаднаго и свирѣпаго Бирона, нашла въ затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что посольство, или сватовство побѣдоноснаго жениха явилось внезапно въ Астрахани съ 10 тыс. конвоемъ, а самъ онъ съ полмилліономъ войска ожидалъ отвѣта на Мугамской степи. Некогда было разсуждать. Оставалось одно средство прибѣгнуть къ всемірному побѣдителю,—и средство это удалось. 30 тыс. голландцевъ положили предѣлъ замысламъ великаго завоевателя. Надыръ-шахъ былъ убитъ ночью въ своемъ шатрѣ. Онъ былъ исполинскаго роста и силы нечеловѣческой, но кинжалъ уравнилъ бой.

II.

Бунтъ въ Имеретіи.—Личный подвигъ.

Въ началѣ 1820 года въ Имеретіи сдѣлся бунтъ. Бывшій правитель Имеретіи ген.-м. Курнатовскій, по ограниченности ума и по малодушію, довелъ народъ до возстанія. Вотъ про него анекдотъ.

Оеофилактъ, экзархъ Грузіа, мужъ замѣчательный по своимъ великимъ дарованіямъ, возвращался изъ Кутаиса въ Тифлисъ въ началѣ бунта. Курнатовскій сопровождалъ его съ баталіономъ пѣхоты, съ 200 казаковъ и съ 2 орудіями. Оеофилактъ, увидѣвши у Квирильскаго поста стоявшую недалеко массу вооруженнаго народа, вышелъ изъ экипажа, сѣлъ на урядницкую лошадь и, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, офицера и переводчика, несмотря на ужасъ, объявшій генерала Курнатовскаго, поѣхалъ къ толпѣ. Князья, дворяне и множество простаго народа ринулись къ нему, брали благословеніе съ благоговѣніемъ и даже цѣловали его платье; поговоривъ съ ними довольно долго, онъ возвратился благополучно къ отряду и, отвѣдя Курнатовскаго немного въ сторону, сказалъ ему очень громко: «Генералъ, этотъ грозный конвой не опасности ради, но ради вашего страха. Трусъ ненавистенъ и людямъ, и Богу. Дайте мнѣ вашу шпагу, а возьмите мой клубокъ,—и я вамъ покажу, какъ должно дѣйствовать съ негодяями, возмущающими народъ кроткій и мирный. Съ отрядомъ войскъ, съ которыми вы меня конвоируете, я покорю всю Имеретію. Прощайте, генералъ, мнѣ не нужно никакого конвоя, я доѣду благополучно одинъ».

Генералъ Курнатовскій былъ смѣшавъ, а поступившій на его мѣсто полковникъ Пузыревскій, молодой человѣкъ съ умомъ и энергіею, былъ застрѣленъ изъ ружья на переговорахъ. Тогда назначенъ былъ правителемъ Имеретіи полковникъ князь П. Д. Горчаковъ, который потребовалъ меня къ себѣ въ адъютанты. Получивъ о семъ предписаніе, я отправился изъ похода и прибылъ въ Кутаисъ 5 мая, гдѣ уже былъ генералъ А. А. Вельяминовъ съ сильнымъ отрядомъ войскъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть вкратцѣ о причинѣ, произведшей бунтъ въ Имеретіи.

Грузія, принявшая христіанство еще въ III вѣкѣ, въ началѣ XIX столѣтія въ отношеніи религіи находилась въ самомъ грубомъ и закоснѣломъ невѣжествѣ. Всякій помѣщикъ дѣлалъ въ своихъ имѣніяхъ священниковъ и діаконъ по своему произволу, собирая ихъ изъ бѣдныхъ дворянъ и даже изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей, не заботясь нисколько о ихъ нравственности и грамотности; отъ чего оказывались такіе духовные пастыри, которые не только не умѣли писать, но даже не знали и читать; высшія же духовныя должности, какъ-то: митрополіи, епископства, отдѣльные монастыри и т. п., имѣвшіе значительныя удѣльныя имѣнія и слѣдовательно весьма доходныя, замѣщались дворянами изъ первыхъ фамилій. Въ 1820 году мнѣ случилось видѣть въ монашеской рясѣ прекраснаго мужчину 27 лѣтъ отъ роду, который въ эти лѣта былъ уже митрополитомъ ¹⁾. Онъ жилъ въ одномъ отдѣльномъ мона-

¹⁾ Митрополитъ Давидъ.

стырь въ Рачинскомъ округѣ, коему принадлежало огромное имѣніе. Этотъ митрополитъ, изъ могущественнаго дворянскаго рода въ Имеретіи,—урожденный князь Цертель. Съ его старшимъ роднымъ братомъ, княземъ Григоріемъ Цертелемъ, я у него обѣдалъ и гостилъ. Такимъ образомъ въ Гелатскомъ монастырѣ былъ митрополитъ изъ рода князей Яшвилей, въ Укопи—изъ рода князей Дадиановъ, въ Кутансѣ—Софроній, урожденный князь Цулукидзе, и однимъ словомъ, всѣ высшія духовныя должности въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи заняты были высшимъ дворянствомъ. Для измѣненія столь вредной монополіи, увѣковѣченной временемъ, нуженъ былъ человѣкъ съ умомъ, сильною волею и съ властію не стѣсненною. Притомъ же подобный переломъ въ народѣ полудикомъ и невѣжественномъ не могъ произойти безъ кровавыхъ усилій.

Въ это время явился подобный человѣкъ, какъ бы посланный свыше. То былъ архіепископъ Теофилактъ, экзархъ Грузіи и Имеретіи, въ полной мѣрѣ достойный современникъ Ермолова. Великій умъ, обширное образованіе и энергическій характеръ явили въ немъ замѣчательнаго государственнаго мужа, коему подобнаго, быть можетъ, и не было въ Россіи на поприщѣ духовной іерархіи. Онъ смѣло и повелительно приступилъ къ преобразованію и встрѣтилъ сильныхъ противниковъ въ имеретинской іерархіи. Посему рѣшено было отправить въ Россію двухъ главныхъ сановниковъ митрополитовъ: Гелатскаго и Кутанскаго. При арестованіи ихъ поступлено было не деликатно: ибо противъ сопротивленія одного изъ нихъ употреблены въ дѣло приклады и штыки, такъ что архипастырь, избитый и окровавленный, былъ связанъ и посаженъ на лошадь силою.

Для князей, не искренне расположенныхъ къ русскимъ, причины этой было достаточно для поднятія знамени бунта.

Въ шесть или семь мѣсяцевъ спокойствіе было восстановлено. Человѣкъ 10 было повѣшено, нѣкоторые пали подъ ударами штыковъ, а другіе удалены въ Россію.

Главнocomандующій А. П. Ермоловъ, отправляя начальника штаба своего, генерала Алексія Александровича Вельяминова, для усмиренія бунта въ Имеретіи, поставилъ въ непремѣнную обязанность шадить народъ, употреблять строжайшую справедливость въ разбирательствѣ участниковъ и непремѣнно открыть главныхъ виновниковъ.

Сообразно сему во всемъ употребляемы были кроткія и ласковыя мѣры, слѣдствіемъ коихъ было то, что генералъ Вельяминовъ и князь Горчаковъ постоянно были окружены имеретинскою, мингрельскою и гурійскою аристократіею, но никакими средствами не могли добиться, кто главные зачинщики и руководители бунта, между тѣмъ какъ буйства и варварства происходили вокругъ насъ.

Послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій, въ одномъ небольшомъ сраженіи, быв-

шемъ въ Рачинскомъ округѣ при переходѣ войскъ чрезъ горный хребетъ, былъ взятъ въ плѣнъ раненый дворянинъ, по имени Ломкаце Лежава ¹⁾, начальникъ бунтовщичьяго отряда. Онъ находился подъ арестомъ при отрядѣ, въ коемъ я былъ адъютантомъ.

Отрядъ расположенъ былъ бивуаками на прелестнѣйшей равнинѣ, между горъ, орошаемой родниками и перерѣзываемой величественнымъ Ріономъ. Когда получено было предписаніе главнокомандующаго повѣсить Лежаву, какъ главнаго бунтовщика, то, при объявленіи ему смертнаго приговора, онъ просилъ меня принять отъ него послѣднюю волю и привести ее въ исполненіе.

По удаленіи постороннихъ зрителей и часовыхъ, когда остался я при немъ съ однимъ переводчикомъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ никогда не былъ главнымъ зачинщикомъ, но былъ одно лишь орудіе людей сильныхъ, главныхъ двигателей возмущенія, что вопреки его желанію онъ былъ избранъ и назначенъ начальникомъ войска, что онъ не смѣетъ и думать о пощадѣ, но проситъ милосердія у Бога, а у государя императора испрашиваетъ милости для бѣдныхъ сиротъ: жены и маленькихъ двухъ его дѣтей, кои ни въ чемъ не виновны. Я началъ его уговаривать открыть главныхъ зачинщиковъ бунта и объявилъ ему отъ имени генерала, что чистосердечное во всемъ признаніе и раскаяніе спасетъ его жизнь, въ чемъ завѣрилъ его клятвенно.

Долго боролся въ немъ разсудокъ съ желѣзною волею, наконецъ, побѣжденный увѣщаніями и нѣжностію къ женѣ и дѣтямъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ вздохнулъ тяжело и заговорилъ протяжно:

«Въ раскаяніи моемъ нѣтъ сомнѣнія, но средство доказать истину моихъ словъ такъ трудно, такъ трудно, что едва-ли возможно исполнить его удачно. Впрочемъ, да будетъ воля Божія. Я обязанъ вамъ благодарностію за ваши ко мнѣ милости. Я исполню вашу волю, слушайте со вниманіемъ, ибо мнѣ отъ боли въ ранѣ тяжело говорить. (Онъ былъ раненъ въ самый пахъ, и пуля оставалась въ немъ). На сей равнинѣ ²⁾, тамъ на берегу Ріона, подъ этими деревьями, было, въ прошломъ годѣ, чрезвычайное собраніе князей, дворянъ, духовенства и нѣсколько тысячъ народа. Въ этомъ собраніи положено истребить всѣхъ русскихъ и

¹⁾ Лежава былъ типъ азіатцевъ. Средняго роста, грудистъ, широкоплечъ, строенъ во всемъ корпусѣ, фисіономія умная, большіе черные глаза, носъ и ротъ пропорціональны и огромные черные усы. 27 лѣтъ отъ роду, онъ былъ извѣстенъ въ горахъ, какъ наѣздникъ и удалой въ дѣлахъ. Я принималъ въ немъ искреннее участіе и всемірно старался облегчить его участь во все время вхожденія его при отрядѣ. Онъ чувствовалъ это вполне, ибо сказалъ мнѣ однажды: «Адъютантъ, я сокрушаюсь, что не могу отблагодарить васъ за ваше ко мнѣ милостивое вниманіе. Богъ видитъ это, Онъ васъ наградитъ».

²⁾ На этой самой равнинѣ мы стояли въ то время на бивуакахъ.

избрать своего царя. Положеніе это написано на бумагѣ, утверждено подписомъ и печатами главныхъ, а клятва запечатлѣна торжественною присягою на крестѣ и евангеліи. Послѣ сего избраны были начальники войскъ. Я назначенъ командовать въ Рачѣ. Я отказывался отъ этого назначенія, ибо увѣренъ былъ и доказывалъ, что это предпріятіе безразсудно и кромѣ гибели многихъ ничего не обѣщаетъ. Но меня и слушать не хотѣли. Къ моему несчастію, я былъ извѣстенъ въ народѣ и приобрѣлъ славу храбраго наѣздника, да при томъ я былъ въ связяхъ съ горцами въ Сванетахъ, Леччумъ и даже въ Цебельдѣ и Абхазіи. По этой причинѣ мнѣ вручена была помянутая грамота для дѣйствій при наборѣ войскъ. А какъ я неохотно за это дѣло брался, то, для обезпеченія вѣрности съ моей стороны, жену мою и двухъ маленькихъ дѣтей задержали въ замкѣ князя Георгія Цулукидзе, какъ аманатовъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ моей измѣны эти несчастные должны быть преданы смерти; такимъ образомъ я долженъ былъ покориться моему жребію, ибо не могъ воспротивиться. Предвидя послѣдствія этой безумной и несчастной войны, при прощаньи съ женою, это было недавно, когда я отправлялся съ войсками защищать переходъ чрезъ горы, я вручилъ ей помянутую грамоту в, объяснивъ всю ея важность, я приказалъ беречь ее наравнѣ съ жизнію и отдать оную мнѣ, если вернусь живъ, или тому, кто предъявитъ ей условленный знакъ. Жена моя, какъ я уже сказалъ, содержится и теперь въ замкѣ князя Георгія Цулукидзе, въ 8 или 9 верстахъ отсюда, поѣзжайте къ ней; увидѣвши безъ свидѣтелей, возьмите лѣвую ея руку и скажите по-русски: здравствуй! она васъ спроситъ: винъ-аршъ? (кто?) вы ей отвѣчайте по-грузински. Лежава тхвени мегобари (Лежава твой другъ), и отдайте ей эту куди ¹⁾; тогда она вручитъ вамъ ту грамоту. Таковъ былъ мой съ нею уговоръ,—она исполнить его свято. Тогда вы узнаете все. Но, прошу васъ, дѣйствуйте осторожно. Силою оружія ничего не сдѣлаете, повѣрьте мнѣ. Напротивъ, при малѣйшей неосторожности, князья Цулукидзевы, Абашидзевы, Яшвили и Эристовы, находящіеся при отрядѣ, догадаются, въ чемъ дѣло,—и тогда жена моя и дѣти падутъ подъ ударами кинжала, все подымется и,—кто знаетъ, можетъ быть, гибель постигнетъ всѣхъ васъ. Не забудьте, что вблизи въ горахъ много народа, вооруженнаго въ сборѣ и ожидаютъ лишь сигнала. Никогда не должно слишкомъ полагаться на силу оружія. Счастіе и въ войнѣ такъ же обманчиво, какъ и во всѣхъ дѣлахъ. Не оставляйте моей жены и дѣтей».

Доложивши обо всемъ генералу, мы начали совѣщаться и рѣшили,

¹⁾ Куди, суковный кружокъ, вершковъ въ 5 или 6 въ діаметрѣ, подшитый матерію, который составляетъ нмеретинскую шапку, накидывается на голову и прикрѣпляется шелковымъ шнуркомъ подъ подбородкомъ.

что безъ этого важнѣйшаго документа арестовать князей невозможно, ибо Цулукидзевыхъ, Яшвилей, Эристовыхъ и прочихъ очень много, и всѣ они увѣряютъ въ преданности къ Россіи, но кто изъ нихъ другъ, кто недругъ—разгадать трудно, а на одномъ голословномъ показаніи Лежавы основаться нельзя. Намъ извѣстно было, что азіатцы дорого продаютъ свою свободу и что поэтому арестъ считается у нихъ наравнѣ со смертію. Слѣдственно, подвергнуть при арестованіи убійству невинныя жертвы значило подвергнуть себя самого величайшей отвѣтственности, особенно предъ такимъ строгимъ и справедливымъ главнокомандующимъ, каковъ Ермоловъ. По этой причинѣ нужно было добыть поманутую грамоту во что бы то ни стало. Но какъ ее добыть?.. Добратъ до жены Лежавы, содержавшейся у главныхъ зачинщиковъ, не давъ ниъ никакого подозрѣнія, было дѣло весьма и весьма не легкое,—несмотря на то, что князь Георгій Цулукидзе нашей службы полковникъ, съ брильянтовою Анною на шеѣ, и получалъ пенсіона 1000 р. сер., несмотря на то, что онъ, сынъ его Симонъ и братъ Леванъ находились при отрядѣ. Съ одной стороны, мы крайне были озадачены тѣмъ, что большая часть князей, находившихся при отрядѣ, главные зачинщики бунта; мы этого никакъ не подозрѣвали; но Лежава навелъ насъ на эту мысль, а онъ былъ не такой человекъ, которому можно не вѣрить; тѣмъ болѣе, что это было его предсмертное показаніе. Слѣдовательно, предсказаніе его, что малѣйшая неосторожность погубитъ его жену и дѣтей, повредить отряду и испортитъ все дѣло, было совершенно справедливо. Съ другой стороны, самое состояніе отряда, при таковыхъ обстоятельствахъ, было не безопасно. Ибо въ отрядѣ было 6 ротъ 7-го карабинернаго полка, 2 роты Херсонскаго гренадерскаго, 2 Мингрельскаго, двѣ 44-го Егерскаго, два орудія артиллеріи и сотня донскихъ казаковъ, всего подъ ружьемъ 2 т. чел., между тѣмъ какъ князей, дворянъ и при нихъ пѣшаго и коннаго вооруженнаго народа находилось при отрядѣ до 500 чел., а нѣсколько тысячъ залегали въ горахъ въ самомъ близкомъ разстояніи, такъ что при внезапномъ ночномъ нападеніи борьба была бы очень невыгодна, а можетъ быть и гибельна для отряда.

Было о чемъ подумать, но и задумываться долго не было времени, ибо столь затруднительное положеніе требовало мѣръ быстрыхъ, рѣшительныхъ и величайшей осторожности. Наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, мое мнѣніе принято и по немъ составленъ былъ планъ дѣйствія, для исполненія коего нуженъ былъ офицеръ, смѣтливый (хитрый) и особенно неустрашимый. Жребій палъ на меня, и дѣло состоялось такъ: Мы дали сильныхъ отборнѣйшихъ 25 карабинеровъ, при 2 унтеръ-офицерахъ и барабанщикѣ съ прапорщикомъ княземъ Тумановымъ и 10 донскихъ казаковъ при урядникѣ. 2 роты карабинеровъ, съ капитаномъ Индутнымъ, придвинуты были къ самому ущелью, по коему

мнѣ надлежало идти,—и наконецъ, весь отрядъ приготовился къ бою, облегчившись отъ ранцевъ, мундировъ и прочаго. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы въ тайнѣ; мнѣ же дано было, для отвлеченія вниманія, предписаніе отправиться съ 25 ряд. и сжечь одау, покинутую бунтовщиками деревню, лежавшую верстахъ въ 20 отъ дома князя Цулукидзе. Въ это время дома бунтовщиковъ жглись, а скотъ ихъ забирали для войскъ.

Для большей ясности разсказа здѣсь я долженъ упомянуть о себѣ. Говоря по строгой справедливости, въ оное время, 22 лѣтъ отъ роду, бывъ удалымъ наѣзникомъ и охотникомъ къ лошадямъ, оружію и женщинамъ, я былъ весьма любимъ тамошнею молодежью, ибо сходился съ ними во вкусахъ; а пріятельная наружность и особенно вѣжливое и ласковое обращеніе съ откровеннымъ радушіемъ еще болѣе скрѣпляли наши связи. На семъ основаніи палатка моя почти всегда была набита пріятелями-имеретинами, въ числѣ коихъ и князь Симонъ Цулукидзе, сынъ князя Георгія, почти ежедневно пилъ у меня чай, пуншъ и проч. и проч.

Въ 8 часовъ утра прелестнаго лѣтняго дня ¹⁾ я выступилъ изъ лагера. Молодой князь Симонъ Цулукидзе съ двумя конными имеретинами былъ со мною въ видѣ проводника. Въ двухъ верстахъ отъ отряда расположился капитанъ Индутный, а отъ него по дорогѣ, до дома князя Цулукидзе на разстояніи или 7 верстъ, я оставилъ 6 конныхъ казаковъ, не въ дальнемъ одиѣ отъ другаго разстояніи, скрытыми въ кустахъ, дабы въ случаѣ тревоги они ту же минуту дали знать отряду выстрѣлами изъ пистолетовъ. Казаки эти по условленному знаку оставались по дорогѣ сами, какъ будто остаются поправить что-либо у сѣдла или для нужды.

Часа черезъ два пути, я вышелъ съ моимъ маленькимъ отрядомъ изъ ущелья на равнину, на коей влѣво отъ дорогъ красовался небольшой домъ князя Цулукидзе, а вправо, у самой подошвы крутыхъ горъ, возвышалась древняя каменная башня на обрывистой скалѣ. На полянѣ, отгѣняемой изрѣдка огромными чинарами и орѣхами, было болѣе 300 человекъ вооруженнаго народа, изъ коихъ одни стояли въ кучкахъ, облокотясь на ружья, другіе сидѣли и курили трубки.

Я остановился съ людьми у самой дороги, близъ двухъ деревьевъ и двухъ большихъ кустовъ какого-то растенія. Тотчасъ явился ко мнѣ князь Сико Цулукидзе, братъ князя Георгія, и, поздоровавшись, просилъ въ домъ. Я пошелъ, и князь Симонъ отрекомендовалъ меня и князя Туманова княгинѣ, своей матери. Эта женщина по уму и красотѣ извѣстна была во всей Имеретіи. Въ молодости славилась интригами, а

¹⁾ Не могу сказать навѣрное число, но кажется, что это было въ августѣ

подъ старость, ей было лѣтъ 40, ворочала какъ хотѣла и своимъ мужемъ, и чужими. Она приняла меня чрезвычайно ласково и, признаюсь, поразила меня своею проникающею. Вопросы ея о Лежавѣ были такъ хитры и такъ быстры, что мнѣ трудно было уничтожить ея подозрѣнія. Хотя положительный отвѣтъ мой, что Лежава приговоренъ къ смерти, а жена его къ ссылке въ Сибирь, и былъ ей очень по сердцу, за всѣмъ тѣмъ эта хитрая женщина чувствовала другое.

Есть предчувствія вѣрныя, непостижимыя для насъ самихъ. Это удивительный феноменъ въ природѣ человѣка.

Княгиня находилась въ такомъ безпокойствѣ, что я, при всемъ моемъ краснорѣчїи, и князь Тумановъ, отличный и умный переводчикъ, не могли вполнѣ ее успокоить. Обстоятельство это весьма было кстати; оно невидимо навело меня на новую дорогу и дало совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Мысль мелькнула, и я сказалъ: «теперь жена Лежавы другого безъ вины вовлечетъ въ бѣду». — «Какъ такъ?» — спросила княгиня. — «Какъ государственная преступница, приговоренная въ Сибирь, она никакъ не должна быть укрываема. За укрывательство даже простыхъ преступниковъ полагается строгое наказаніе». — «Ахъ, Боже мой!» — сказала княгиня, — «да она жила въ нашей деревнѣ. Вотъ еще новыя хлопоты. Что съ ней дѣлать?» — «Отдайте мнѣ, я доставлю ее князю Горчакову, и завтра она отправится въ Сибирь», — отвѣчалъ я.

При этихъ словахъ княгиня вытаращила свои большіе черные глаза на сына, смотрѣвшаго на нее въ задумчивости. Я схватилъ его за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ чрезъ Туманова: «По обязанности службы, я долженъ сказать князю Горчакову, что я слыхалъ отъ княгини вашей матери, что эта преступница живетъ или скрывается въ вашей деревнѣ. Прошу васъ, князь, избавить меня отъ этой непрїятной обязанности, а себя и родителей вашихъ отъ значительной отвѣтственности. Дайте проводника и ваше приказаніе, а я пошлю за этою женщиною казака; скажите это княгинѣ и уговорите ее». А князь Тумановъ прибавилъ: «да зачѣмъ вамъ утруждать княгиню, развѣ вы и того, что повелѣваетъ законъ, не можете сдѣлать безъ спроса княгини?» Князь Симонъ, какъ пылкій азіатецъ, вспыхнулъ отъ этого упрека и отвѣчалъ громко и съ гнѣвомъ князю Туманову: «Да съ чего вы взяли, чтобы я не могъ отправить эту дрянъ? Ужели вы полагаете, что княгиня вадумаетъ защищать»... «Что такое, что такое?» — спросила княгиня, и когда рассказали подробно нашъ разговоръ, она сказала сыну: «Сей же часъ пошли за нею, и чтобы ни ея, ни ея дѣтей и на землѣ нашей не было!».

Приказаніе было исполнено немедленно.

Чрезъ часъ эта женщина съ служанкой и двумя дѣтьми, одинъ лѣтъ 4-хъ, а другой грудной, была приведена и сдана солдатамъ. Ее ввели между двухъ огромныхъ кустовъ, у коихъ стояли карабинеры; я съ

княземъ Тумановымъ остался съ нею, а солдатамъ приказалъ стать и заслонить пустое мѣсто. «Здравствуй»,—сказалъ я ей, взявъ ея лѣвую руку. — «Винъ-аршъ?»—отвѣчала она, вздрогнувъ и утирая слезы. — «Лежава тхвени мегобари»,—сказалъ я, показывая изъ кармана кудinea мужа. Она ее схватила, прижала къ груди, поцѣловала и зарыдала съ воплемъ. Но въ ту же минуту опомнилась, мигнула служанкѣ, которая тотъ же мигъ присѣла на землю, оторвала зашитый въ рубашкѣ подъ мышкою пакетъ и подала его мнѣ. Мы успокоили бѣдную женщину, сколько позволяло время, и отдали ее въ кружокъ грозныхъ усачей карабинеровъ, приказавъ беречь какъ наилучше. Тутъ же, въ кустахъ, я и князь Тумановъ, удостовѣрились, что въ пакетѣ дѣйствительно содержится та самая грамота, о коей говорилъ Лежава.

Князь Симонъ еще дорогой просилъ меня отобѣдать у него въ домѣ, и я ему обѣщалъ. Посему мы поспѣшили обѣдать.

Подъ огромнымъ вѣтвистымъ деревомъ разостланы были ковры, и вмѣсто стола поставлена низенькая, длинная и широкая скамейка, по одной сторонѣ коей раскинуты были шелковыя плоскія подушки, на коихъ мы усѣлись, поджавши ноги, я, князь Тумановъ, два князя Чулукидзевы, и нѣсколько челоуѣкъ старшинъ изъ толпы вооруженныхъ людей ¹⁾).

Обѣдъ, довольно продолжительный, состоялъ изъ жареныхъ куръ, разварной форели, фазановъ съ лукомъ и шашлыковъ изъ баранины и дикой козы ²⁾). Княгиня прислала собственно для меня кувшинчикъ превосходнаго вина шаптисъ (царское вино).

Во время обѣда княгиня два раза прислала сказать, что желаетъ со мною говорить. Это мнѣ весьма не нравилось, ибо я, съ моимъ пріобрѣтеніемъ, желалъ летѣть въ лагерь.

Увидѣвшись съ княгиней, я не могъ разсѣять ея страха и волненія. Не могу изложить теперь всѣхъ подробностей этого свиданія, помню только твердо то, что она, ломая руки съ плачемъ, предлагала быть ея сыномъ, указывая на ребенка, лѣтъ 9 или 10, сидѣвшаго возлѣ ея. Наконецъ распростившись съ этою странною женщиною, бывшею причиною несчастія, постигшаго ее и ея мужа и родныхъ, я вышелъ и не-

¹⁾ Умѣніе мое садиться и вставать съ ловкостью, поджавши ноги, чему я научился въ Дуэ, обучаясь фехтованію и гимнастикѣ, склоняли ко мнѣ всегда особенное вниманіе азіатцевъ, кои, зная изъ опыта, что русскіе не умѣютъ сидѣть иначе, какъ на стульяхъ и скамьяхъ, считали меня происхожденія азіатскаго; а мой пріятель, знаменитый Саралопъ Маршаній, Цебельдинскій старшина, красота черкесскихъ удалцевъ, вѣрилъ въ душѣ, что я изъ крымскихъ татаръ, уважалъ и любилъ меня какъ своего единовѣрца.

²⁾ Курицу, форель и фазана приготавливаютъ въ Имеретіи такъ мастерски, что я нигдѣ не встрѣчалъ лучше.

медя отправился въ обратный путь, увѣривши князя Симона и его дядю, что по причинѣ чрезмѣрной головной боли, внезапно приключившейся, не могу идти жечь деревню.

Едва успѣли мы сойти на дорогу, какъ вдругъ проскакалъ мимо насъ въ домъ князя Цулукидзе нарочный изъ лагеря, и въ то же мгновеніе все поднялось ¹⁾. Крики огласились въ горахъ, и сотни вооруженнаго народа показались на высотахъ, влѣво отъ насъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не замѣтили мы ни одного человѣка.

Я приказалъ посадить обѣихъ женщинъ съ дѣтьми на лошадей сзади казаковъ и ускорить маршъ. Не прошли и двухъ верстъ, какъ посыпались выстрѣлы сбоку; но пули или пролетали надъ нами, или не доходили до насъ по причинѣ деревьевъ, кои насъ съ этой стороны заслоняли. Въ это же время человѣкъ сто пробѣжали мимо насъ по глубинѣ оврага, пролежавшаго направо, въ намѣреніи остановить насъ на весьма дурномъ проходѣ версты за двѣ впереди,—гдѣ дорога, сажени полторы шириною, лежала между двухъ обрывистыхъ утесовъ и подымалась на чрезвычайную кручъ. Сметнувши, въ чемъ дѣло, я послалъ бѣгомъ 6 карабинеровъ занять это мѣсто, а казакъ поскакалъ къ Индутному, чтобы поспѣшилъ подвинуться ко мнѣ. Сзади мы не очень боялись нападенія, ибо дорога, глубоко врѣзанная въ землю, была такъ узка, что болѣе трехъ конныхъ рядомъ по ней ѣхать не могли, къ тому же разставленные казаки ко мнѣ присоединились и составили арьергардъ. Карабины послѣ сытнаго обѣда и отличнаго краснаго вина, имѣя онаго запасъ въ манеркахъ, весело затянули любимую пѣсню: «Гей у броду, гей у броду, брала дивчина воду, тамъ казаченько кони напувая... ²⁾».

Вскорѣ мы прибыли благополучно въ лагерь, гдѣ князь П. Д. Горчаковъ ожидалъ меня съ величайшимъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ.—«Что? есть грамота?»—«Есть».—«Та самая?»—«Та». И онъ бросился обнимать меня. За всѣмъ тѣмъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ за то, что остался обѣдать. Полчаса медленности,—и можетъ быть все погибло бы-³⁾»).

¹⁾ Послѣ намъ извѣстно было, что этотъ же нарочный привезъ приказъ отъ князя Левана Цулукидзе убить жену Лежавы и ея служанку, а меня съ моимъ отрядомъ задержать дня на два подъ какимъ-либо предлогомъ, не дѣлая впрочемъ ничего враждебнаго.

²⁾ Всѣ почти карабины, бывшіе со мною, были малороссіяне, поступившіе изъ карабинерныхъ ротъ 41 Егерскаго полка; они были старые воины съ медалями 1812 и 1814 годовъ; тутъ же былъ и лихой унтеръ-офицеръ Гуменюкъ, коего я зналъ давно, еще во Франціи.

³⁾ Дорогой, во время слѣдованія, отъ жены Лежавы я узналъ, что ее и ея дѣвку били и мучили, допрашивая, не знаетъ ли она, гдѣ грамота. А какъ бумага эта была зашита въ рубахѣ подъ лѣвой рукой, то рубаху эту она на дѣла на свою дѣвку и тѣмъ спасла ее.

Въ числѣ главныхъ, утвердившихъ хартію возстанія, были три князя Цулукидзе, четыре князя Эристовы, четыре князя Яшвили и два князя Абашидзе, находившіеся при отрядѣ. Посему для арестованія ихъ назначенъ былъ слѣдующій день. Разставлена была двойная цѣпь и приготовлено 25 человекъ съ заряженными ружьями въ караулъ. Въ 8 часовъ утра, когда все было готово, потребовали князей къ правителю Имеретіи, князю Горчакову. Когда князья проходили, то въ цѣпи свита ихъ была задержана. Это ихъ не удивило, ибо дѣлалось иногда и прежде. На среднѣй лагеря, они были окружены приготовленнымъ карауломъ,— и когда артиллерія поручикъ Друконцовъ, на коего возложено было исполненіе, объявилъ имъ, что они именемъ главнокомандующаго арестуются за участіе въ бунтѣ, а потому отдали бы свое оружіе и слѣдовали бы подъ стражу, тогда первый князь Леванъ Цулукидзе, обнаживъ саблю, закричалъ: «жизнь и свобода одно и то же»; ему послѣдовали другіе, и завязался страшный рукопашный бой. Князь Леванъ Цулукидзе и еще двое были заколоты штыками, а прочіе болѣе или менѣе ранены.

Князь Мирабъ Абашидзе, прорвавшись сквозь цѣпь, бросился съ капраломъ на князя Горчакова, но, шагахъ въ трехъ или четырехъ отъ него, былъ пораженъ двумя сабельными ударами; переводчикъ Аразовъ снесъ у него кусокъ кожи съ головы, а я, ударивъ по правому плечу, разрубилъ цѣпочку, на коей висѣла пороховница, и ключевую кость. Ударъ этотъ былъ такъ тяжелъ и неловокъ, что моя харосинская сабля, встрѣтивъ сопротивленіе въ серебряной цѣпочкѣ, согнулась въ сторону въ видѣ полумѣсяца.

Впослѣдствіи всѣ князья и дворяне (до 70-ти), подписавшіе хартію возстанія, были удалены въ Россію, въ числѣ конхъ полковникъ князь Георгій Цулукидзе, а жена его—въ монастырь. Молодые Эристовы и Яшвили отданы въ солдаты. Мирабъ Абашидзе и Лежава прощены; послѣднему, сверхъ прощенія, подарена небольшая деревня въ 18 дворовъ.

Такъ кончилось усмиреніе бунта въ Имеретіи. Не описываю военныхъ дѣйствій и правительственныхъ распоряженій, ибо это не входитъ въ планъ моихъ записокъ, кои я пишу собственно для моихъ дѣтей, а не для публики. За всѣмъ тѣмъ я нашелся въ необходимости изложить подробно этотъ личный подвигъ и точь въ точь такъ, какъ онъ былъ, для того, что онъ занесенъ въ мой формулярный списокъ не ясно и не удовлетворительно. Тамъ сказано такъ: «а при арестованіи главныхъ бунтовщиковъ былъ посланъ съ 25-ю егерями, для взятія важныхъ документовъ, въ домъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, въ коемъ находилось болѣе 150 человекъ вооруженныхъ. Исполнить порученіе это съ неустрашимостію и доставленіемъ бумагъ сихъ открылъ всю нить заго-

вора. За что и награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени». Во-первыхъ, не при арестованіи, а до арестованія; ибо арестованіе бунтовщиковъ было послѣдствіемъ этого дѣйствія; а во-вторыхъ: возлѣ дома князя Цулукидзе было тогда гораздо болѣе 300 человекъ вооруженныхъ; самъ князь Горчаковъ спрашивалъ объ этомъ солдатъ и казаковъ, кои показали до 400 человекъ, а князь Симонъ Цулукидзе показалъ, что всѣхъ вооруженныхъ людей было тогда у его дома болѣе 500 человекъ, но что полтораста человекъ были въ башнѣ. Написали полтораста потому, что это огромное число противъ столь малой команды можетъ въ глазахъ высшаго начальства показать фактъ невѣроятнымъ.

За сѣмъ мнѣ остается упомянуть, что на этомъ личномъ подвигѣ основано составленіе моего дворянскаго герба: «Въ щитѣ, подъ дворянскою короною, полуразвитый свитокъ, прикрытый обнаженнымъ мечемъ остріемъ вверхъ».

III.

Экспедиція въ Абхазію въ 1821 году.—Взглядъ на Абхазію въ политическомъ отношеніи.

Во время нахожденія моего въ Имеретин болѣе пяти лѣтъ, были двѣ экспедиціи въ Абхазію, первая, 1821 года съ 1 октября по 21 декабря, для водворенія владѣтельнаго князя Дмитрія Шервашидзе, старшаго сына умершаго князя Сифиръ-бея,—и вторая 1824 года іюля съ 1-го по 1-е октября, для освобожденія двухъ ротъ Мингрельскаго пѣхотнаго полка, оставленныхъ въ селеніи Соукъ-су при домѣ владѣтельнаго князя. Но чтобы повѣствованіе объ этихъ дѣлахъ было понятно, я долженъ начать издалека и упомянуть, хотя вкратцѣ, о политическихъ началахъ Абхазіи къ Россіи и о причинѣ смутъ, долго терзавшихъ эту страну.

Въ 1824 году было составлено мною отчетливое и весьма интересное описаніе по этому предмету, основанное на положительныхъ преданіяхъ очевидцевъ, вполнѣ заслуживающихъ вѣры, съ коими я былъ лично знакомъ. Оно заключило исторію абхазскаго владѣтельнаго дома и было читано мною князю Дмитрію Шервашидзе, который не только подтвердилъ правдивость фактовъ, во даже на нѣкоторые далъ свои поясненія. Къ сожалѣнію, всѣ записки мои съ нѣкоторыми документами, книгами и вещами, остававшіяся, на время турецкой войны, въ казенномъ складѣ въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, во время польскаго возму-

щенія въ 1831 году, погибли безъ вѣсти. По этой причинѣ настоящій рассказъ будетъ содержать одну сущность и то безъ хронологіи.

Въ исходѣ послѣдняго столѣтія, владѣтельный абхазскій князь Ростомъ-бей во всемъ Закавказскомъ краѣ могъ считаться одинъ самостоятельнымъ владѣтелемъ. Его Абхазія, окруженная съ трехъ сторонъ горами, со стороны моря имѣла нѣсколько укрѣпленій, среди коихъ Сухумъ-Кале, древняя генуэзская каменная крѣпость, съ четырьмя бастіонами и 20 орудіями, резиденція абхазскихъ владѣтелей, была не только для горцевъ неприступнымъ оплотомъ, но даже не боялась и самой Порты. Славный умомъ и сильный оружіемъ Ростомъ-бей, по всѣмъ прежнимъ отношеніямъ, нисколько не считалъ себя въ зависимости отъ Порты, но не могъ не быть подъ ея начальственнымъ покровительствомъ уже потому, что былъ магометанинъ, не говоря о соседствѣ двухъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей Анапы и Трапезунда.

Съ другой стороны, родъ Шервашидзеовъ, происходя отъ христіанскихъ началъ и утратившій христіанство свое во времена отдаленныя, не переставалъ поддерживать знаменитую древность своего рода брачными узами съ христіанками, дочерями первѣйшихъ княжескихъ фамилій Мингреліи, Самурзахани и другихъ. Въ этомъ порядкѣ сынъ и преемникъ князя Ростомъ, Келишъ-бей, извѣстный умомъ, характеромъ и оружіемъ, былъ рожденъ отъ христіанки; а когда, второй по первородству, сынъ Келишъ-бея, Сифиръ-бей, коего мать была тоже изъ княжескаго дома Дадіановъ, влюбился въ княжну Дадіанову, родную сестру владѣтеля Мингреліи, князя Левана Григорьевича Дадіана ¹⁾, то Келишъ-бей не только не противился этому союзу, но напротивъ всемирно желалъ его. Однако мать юной красавицы, владѣтельница мингрельская княгиня Нина, женщина замѣчательнаго ума, сильнаго характера, знаменитая въ свое время красавица, согласилась на этотъ бракъ съ условіемъ, чтобы Сифиръ-бей принялъ христіанство и былъ владѣтелемъ Абхазіи, минуя старшаго своего брата Асланъ-бея. Келишъ-бей принялъ условіе и для приведенія онаго въ исполненіе обратился къ покровительству Россіи ²⁾.

Между тѣмъ какъ происходили о семъ секретныя съ дворомъ нашимъ сношенія, Асланъ-бей, провѣдавъ о таковой конвенціи, началъ дѣйствовать тоже въ тайнѣ и прибѣгнулъ къ покровительству Порты, которая не замедлила снабдить его инвеститурою или фирманомъ и нѣкоторымъ пособіемъ. Келишъ-бей, подозрѣвавшій Асланъ-бея въ непріязненныхъ замыслахъ, не предполагалъ, впрочемъ, чтобы виды этого не-

¹⁾ Обоихъ ихъ, — и князя Левана, и его сестру, — я зналъ лично съ 1821-го по 1826 годъ.

²⁾ Это событіе, судя по сопровождавшимъ его фактамъ, было въ 1801 или въ 1802 году.

покорнаго сына пошли такъ далеко. Асланъ-бей, имѣвшій свои связи съ знатными черкесскими старшинами, чрезъ родство по матери, имѣлъ въ нихъ сильную поддержку и умѣлъ вести свои дѣйствія въ тайнѣ. Наконецъ, когда прибыло военное турецкое судно къ Сухуму, онъ не могъ далѣе скрываться и въ первую ночь убійствомъ отца своего и истребленіемъ всѣхъ его, бывшихъ въ крѣпости, приверженцевъ проложилъ себѣ путь и провозгласилъ себя владѣтелемъ.

Это была кровавая ночь для дома Шервашидзеовъ. Разсказъ объ ней ужасенъ. Сифиръ-бей спасся тѣмъ, что не былъ въ это время въ Сухумѣ.

Недолго продолжалось владѣніе Асланъ-бея. Вскорѣ нѣсколько русскихъ военныхъ кораблей явилось предъ Сухумомъ, и Сифиръ-бей былъ введенъ во владѣніе. Ему вручена была торжественно грамота государя императора, принявшаго его съ Абхазіею въ вѣчное покровительство Россіи, въ знакъ коего онъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора, Анненскою лентою, императорскимъ знаменемъ, богатѣйшими дарами, великолѣпною церковною утварью и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. р. сер.

Асланъ бѣжалъ въ Турцію и поселился въ Трапезундѣ; отколь во все время жизни своей не переставалъ возмущать Абхазію всѣми кознями и происками.

Въ началѣ 1821 года Сифиръ-бей умеръ. Старшій сынъ его, князь Дмитрій, лѣтъ 18-ти въ то время, взятъ былъ изъ Пажескаго корпуса, въ коемъ онъ воспитывался, произведенъ въ полковники и назначенъ владѣтелемъ ¹⁾. Для водворенія его отрядъ войскъ, подъ начальствомъ генерала князя Горчакова, ходилъ въ Абхазію и имѣлъ дѣло съ абхазцами партіи Асланъ-бея, довольно трудное. Изъ 600 человекъ, бывшихъ въ строю, убитыхъ и раненыхъ было 222 человека, въ томъ числѣ 3 оф. убито и 2 ранено.

IV.

Экспедиція въ Абхазію въ 1824 году.—Рача.—Нора съ удушливымъ запахомъ.

Въ началѣ 1824 года, князь Дмитрій, по наущенію Асланъ-бея, былъ отравленъ абхазцемъ Урусомъ. Злодѣй этотъ былъ схваченъ, сознался со всею откровенностію и былъ за то повѣшенъ на сухумскихъ стѣнахъ.

¹⁾ Я былъ очень коротко съ нимъ знакомъ. Это былъ рѣдкій юноша. Чрасавецъ по наружности, кроткаго нрава и добрейшей души. Миръ праху его!

Послѣ Дмитрія возведенъ былъ на владѣніе второй братъ его, князь Михаилъ (Гамидъ-бей) ¹⁾.

По смерти князя Дмитрія, мнѣ поручено было сопровождать въ Тифлисъ князя Михаила Шервашидзе и представить главнокомандующему. По этому случаю я былъ при немъ неразлучно болѣе трехъ мѣсяцевъ и имѣлъ случай сблизиться съ нимъ и даже подружиться. Этотъ юноша, образецъ черкесской красоты, былъ строенъ, ловокъ, веселаго нрава, благороденъ въ поступкахъ и добрѣйшей души; а его смуглое, прекрасное лицо выражало умъ и пылкость характера. Онъ ѣздилъ и стрѣлялъ, какъ удалой горецъ, и былъ чрезвычайно любимъ абхазцами. А. П. Ермоловъ, при первомъ представленіи, говорилъ съ нимъ о многомъ ²⁾ и, замѣтивъ въ немъ быстрый умъ, правильное сужденіе и отличныя способности, въ тотъ же день сдѣлалъ представленіе государю объ утвержденіи его владѣтелемъ съ чиномъ майора. Черезъ полтора мѣсяца получено было разрѣшеніе и утвержденіе, и мы отправились обратно.

Въ Соукъ-су собраны были старшины и народъ (явилось весьма немного). Князь Михаилъ объявленъ былъ владѣтельнымъ княземъ и утвержденнымъ государемъ императоромъ, и при парадѣ войскъ предъ императорскимъ знаменемъ была выполнена присяга на вѣрность.

Князь Горчаковъ, принимая въ соображеніе юность новаго владѣтеля и сомнительное поведеніе нѣкоторыхъ старшинъ, счелъ нужнымъ оставить при его домѣ на нѣкоторое время 2 роты Мингрельскаго полка съ 2 легкими орудіями.

Вскорѣ нѣкоторые старшины, и тутъ по кознямъ Асланъ-бея, начали домогаться какихъ-то правъ, вовсе не сообразныхъ съ пользами правительства и народа, и, получивъ рѣшительный отказъ, подняли возстаніе такъ внезапно, что князь Михаилъ съ матерью, братьями и сестрами едва успѣлъ запереться съ 2 ротами въ своемъ домѣ, коего дворъ былъ впрочемъ обнесенъ палисадомъ, или частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ.

Окруженные нѣсколькими тысячами бунтовщиковъ, они были доведены до такой крайности, что на одного человѣка въ сутки давали по полгорсти кукурузы, а воду доставали съ бою изъ рѣки Соукъ-су, чрезъ подземный подкопъ, — и въ этомъ затрудненномъ положеніи они находились около двухъ мѣсяцевъ. Но никакія лишенія не могли поколебать храбрости русскихъ и мужества юнаго князя.

¹⁾ Ему было тогда 16 или 17 лѣтъ отъ роду, но онъ былъ уже высокъ ростомъ.

²⁾ А. П. Ермоловъ говорилъ ему по-русски безъ переводчика, а князь Михаилъ отвѣчалъ по-черкески (по-абхазски) чрезъ переводчика, ибо понималъ по-русски все, но изъяснялся неправильно. А. П. Ермоловъ обласкалъ его чрезвычайно, только обдарилъ весьма скупо.

Главнoкомандующій, принявъ вѣсть объ этомъ весьма гнѣвно и грозно въ отношеніи къ князю Горчакову, оставившему самопроизвольно горсть войскъ въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ нашихъ въ то время операционныхъ сношеній, предписалъ ему спасти роты непременно, подъ личною его, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностію.

Отрядъ, сформированный наскоро для этой экспедиціи, состоялъ изъ 6 ротъ пѣхоты (около 1.000 чел.), 2-хъ легкихъ орудій и 600 всадниковъ мингрельской милиціи, а изъ Черноморскаго флота, по требованію генерала Ермолова, прибыли къ Сухуму фрегатъ «Евстафій» и 3 брига: «Меркурій», «Орфей» и «Ганимедъ».

До Сухума отрядъ дошелъ благополучно, впрочемъ не безъ потери въ вѣкоторыхъ стычкахъ; но отъ Сухума идти далѣе, сухимъ путемъ на разстояніи 50 верстъ, столь малому отряду не было никакой возможности. Ибо въ 20 верстахъ отъ Сухума были подвѣлены абхазцами укрѣпленія и завалы, на трудной мѣстности, столь сильныя, что и 5.000 отряду съ сильною артиллеріею должно было встрѣтить величайшее затрудненіе. Притомъ же и абхазцевъ съ другими племенами было тогда въ сборѣ болѣе 10.000. Посему рѣшено было посадить на суда 600 чел. пѣхоты и сдѣлать десантъ у урочища Пицунды, отъ коего въ 6 верстахъ лежало селеніе Соукъ-су.

21 іюля 1824 года была сдѣлана первая высадка, съ незначительною потерей, а 24 числа, когда и остальные войска были перевезены изъ Сухума, предпринято было съ 400 чел. движеніе къ Соукъ-су. Въ этомъ мѣстѣ, берегъ, на 100 и на 150 саж. пологіи отъ моря, вдругъ поднимается круто и на разстояніи 2 верстъ въ ширину покрытъ огромнѣйшими деревьями, рѣдко расположенными. На этомъ берегу выбрана была выгодная позиція, укрѣплена наскоро съ трехъ сторонъ и снабжена 4-мя орудіями съ кораблей.

При первой высадкѣ войскъ, непріятель понесъ великую потерю отъ морской артиллеріи, коей мало знакомое для горцевъ дѣйствіе порвало въ ихъ толпахъ, нахлынувшихъ на берегъ, цѣлыя ряды. Это дало имъ такую острastку, что они отступивъ ожидали насъ за опушкою лѣса; но и тутъ, увидѣвъ, что мы, не трогаясь съ мѣста, укрѣпляемся на берегу, а корабли перевозятъ войска изъ Сухума, и прождавъ три дня понапрасну, соскучились неизвѣстнымъ ожиданіемъ и отправились въ сосѣднія деревни, разставивъ караулъ на деревьяхъ въ лѣсу. Между тѣмъ мы, воспользовавшись ихъ оплошностію, 24 іюля, во время предразсвѣтной темноты, тронулись въ глубочайшей тишинѣ, такъ что часовые ихъ прозѣвали, и абхазцы выступили густыми колоннами тогда, когда мы уже были подѣ Соукъ-су, изъ коего осажденныя двѣ роты вышли къ нимъ на встрѣчу. Тогда непріятель, убоясь быть между двухъ огней, не осмѣлился насъ атаковать.

Во время слѣдованія отряда, я былъ по генералѣ главнымъ распорядителемъ, ибо подполковникъ Лисаневичъ былъ раненъ при десантѣ, а майоръ Грабовскій оставался съ 2 ротами въ береговомъ укрѣпленіи, изъ ротныхъ же командировъ опытнаго и распорядительнаго офицера не было.

У дома владѣтеля осажденные встрѣтили насъ съ великою радостію. Вскорѣ запылали костры, явились быки, бараны, птица, а князь Михаилъ, не желая оставлять что-либо на пользу злодѣевъ-бунтовщиковъ, разсудилъ за благо предать на распітіе весь запасъ своего погреба; разумѣется, что наилучшее вино пало на офицерство,—и обѣдъ былъ на славу. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, въ 4 часа по полудни мы тронулись обратно. Съ ротою карабинеръ (44 Егер. п.) и однимъ орудіемъ, везеннымъ на людяхъ, мнѣ поручено было прикрывать отступленіе и охранять отъ нападенія.

Густыя колонны горцевъ конвоировали насъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла и, кажется, душевно желали поздороваться съ нами, но.... недоставало духу. Однакоже было не безъ грѣха. Когда отрядъ вошелъ уже въ береговое укрѣпленіе, мой арьергардъ, тоже подходя къ оному, былъ растаануть по лѣсу, а я, видя окончаніе похода, закуривалъ трубку фитилемъ у орудія и разговаривалъ съ шт.-кап. Горяиновымъ, потерявшимъ свой кисетъ и просившимъ у меня табаку. Въ это время вдругъ внезапный глухой шумъ съ дикими криками поразилъ нашъ слухъ, и въ то же мгновеніе мы увидѣли у себя подъ носомъ стаю конныхъ горцевъ, скачущихъ, рубящихъ и стрѣляющихъ направо и налево. Изъ 6 солдатъ, везшихъ орудіе, двое уже лежали вмѣстѣ съ канониромъ и кричали, а прочіе, ошеломленные столь ужаснымъ налетомъ, бросились, кто куда попалъ. Я и Горяиновъ захватили счетомъ 17 человекъ изъ бѣгущихъ и съ ними засѣли у огромнаго дерева, держа ружья на изготовкѣ. Орудіе стояло саженьяхъ въ двухъ отъ насъ, между нами и черкесами, во трудно было его достать, высунувшись изъ-за дерева и не подвергнувшись, пораженію, ибо у противоположнаго дерева, за большимъ кустомъ, саженьяхъ въ 10 отъ насъ, стояли кучки удалцевъ съ ружьями на прицѣлѣ. Но мы нашли: ефесомъ сабли, легши на-земь, я зацѣпилъ и притянулъ, лежавшую недалеко, петлю веревки, которою везли орудіе,—потащили разомъ, и орудіе очутилось возлѣ насъ. А какъ оно было заряжено картечью, чего ребята наѣздники не подозревали, то, наведя по возможности на кустъ, за коимъ они были, хватили,—и страшный крикъ возвѣстилъ, что выстрѣлъ былъ не понапрасну. И дѣйствительно,—когда разошелся пороховой дымъ, мы увидѣли на землѣ четырехъ горцевъ, великолѣпно растаанувшихся, да тутъ же лежали еще трое, положенные нами прежде изъ ружей, когда они хотѣли было полакомиться орудіемъ. Въ это время приближало къ намъ

нѣсколько охотниковъ, солдатъ съ ружьями въ однихъ рубашкахъ. Самъ кн. Горчаковъ, схвативъ 1-ю гренадерскую роту, шелъ къ намъ на помощь; но, благодаря Бога, все уже было кончено. Горцы, подхвативши тѣла убитыхъ, усакали; а мы рады, что дешево отдѣлались, впрочемъ съ потерей двухъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ, вступили важно въ лагерь. Здѣсь ожидалъ меня самоваръ,—и тутъ, на берегу морскомъ, подъ прекраснымъ небомъ, проведена была прелестнѣйшая юльская ночь, въ кругу веселыхъ товарищей, за продолжительнымъ ужиномъ и съ отличнѣйшимъ княжескимъ виномъ, которое пилось и пилось съ душевнымъ наслажденіемъ...

Черезъ два дня мы уже были въ Сухумѣ, вокругъ коего весь отрядъ расположился на бивуакахъ. Абхазцы въ досадѣ дѣлали каждодневныя нападенія, но всегда не удачно. Наконецъ, рассчитывая на прекрасныхъ лошадей Мингрельской милиціи,—они подѣлали ужасные завалы по дорогѣ, коею должно было проходить, но, увы!—и тутъ были надути. Мингрельскій владѣтельный князь Леванъ Григорьевичъ Дадіанъ, начальствовавшій своею милиціею, приказалъ перестрѣлять всѣхъ лошадей и предать на съѣденіе морскимъ тварямъ, что и было исполнено, а люди были перевезены на судахъ въ Редутъ-Кале. Такъ окончилась вторая экспедиція въ Абхазію.

Того же года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ходили съ отрядомъ въ Рачу и доходили до Дигорскаго ущелья, чрезъ которое было намѣреніе провести большую дорогу въ Россію. Отрядъ дороги долго стоялъ у мѣстечка Малая-Они. Мѣстечко это, или городокъ, лежитъ у самой подошвы горы Фазисъ-мда, изъ коей вытекаетъ величественный Ріонъ, именовавшійся у грековъ рѣкою Фазисомъ, отъ чего получили и фазаны названіе свое.

Весь Рачинскій округъ изобилуетъ картинами удивительной мѣстности, и есть такія мѣста, что никакое перо, никакая кисть изобразить не могутъ. Здѣсь невольно съ изумленіемъ благоговѣешь предъ дикою, но величественною природою. Во многихъ мѣстахъ памятники глубочайшей древности поражаютъ васъ. Но взглядъ мой на Кавказъ будетъ изложенъ послѣ.

Близъ Малыхъ-Оней, у подошвы горы, есть небольшая пещера, или, лучше сказать, нора вершковъ 12 въ діаметрѣ, изобилующая удрушнымъ газомъ, въ такой степени сильнымъ, что мелкое животное, опущенное въ нее, въ нѣсколько секундъ умираетъ. Собака и небольшая свинья выдерживаютъ не болѣе одной минуты. Опытъ этотъ я дѣлалъ самъ. Народное повѣрье гласитъ, что этотъ газъ дѣйствуетъ на безплодность женщинъ, и по этой причинѣ каждое лѣто пріѣзжаютъ къ этой норѣ много молодыхъ поклонницъ, даже съ отдаленныхъ мѣстъ.

Не знаю, содержитъ ли этотъ газъ такое чудное врачеваніе, но если

принять въ соображеніе, что молодыя жены ревнивыхъ мужей содержатся дома, по азіатскому обычаю, весьма подъ строгимъ надзоромъ, то, вырвавшись на просторъ, онѣ могутъ легко наткнуться на плодотворную силу, которую и азіатки такъ же, какъ и наши европейки, мастерицы находить чутьемъ, и весьма скоро. Стѣдственно, эта удивительная нора есть просто камень преткновенія, прославляемый женами и проклинаемый мужьями.

V.

Пребываніе на Кавказской линіи. — Смерть генераловъ: Лисаневича и Грекова. — Воинственность горцевъ. — Переѣздъ въ Тульчинъ.

Въ концѣ сентября 1825 года я прибылъ на Кавказскую линію, начальникомъ коей назначенъ былъ тогда кн. Горчаковъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта Дмитрія Тихановича Лисаневича, убитаго кинжаломъ въ кр. Грозной ¹⁾.

Вотъ сущность этого событія.

Главнокомандующій Ермоловъ, изыскавъ всѣ средства къ сближенію съ русскими племенъ, заселяющихъ нѣдра Кавказа, предположилъ чеченцевъ, мирныхъ ауловъ, употреблять на казенныя работы, съ производствомъ имъ высокой платы, что и поручено генералу Грекову, жившему въ Грозной и начальствовавшему всею окрестною странюю. Въ продолженіе долгаго времени чеченцы употреблялись на работы, а плата имъ или производилась очень малая, или вовсе не производилась; разумѣется, что она получалась исправно изъ казны и исправно выводилась по книгамъ въ расходъ.

Неудовольствіе и ропотъ въ мирной Чечнѣ были послѣдствіемъ столь безсовѣстнаго дѣйствія ²⁾. Въ это время явился въ Чечнѣ знаменитый

¹⁾ Въ 1825 году я былъ на водахъ въ Пятигорскѣ и представлялся тамъ Д. Т. Лисаневичу, какъ старому моему дивизіонному начальнику еще во Франціи. Онъ меня очень ласково принялъ и, долго со мною разговаривая, прибавилъ, что сейчасъ отъѣзжаетъ въ Грозную: Это было 15 іюля, а 22 іюля уже онъ былъ мертвъ.

²⁾ Когда, по смерти Грекова, открытъ былъ его сундукъ, то въ немъ найдены нарчи, сукна, брилліантовые перстни, золотыя часы, табакерки и прочія дорогія вещи, кои дарились чеченскимъ старшинамъ за ихъ заслуги, были исправно выведены въ расходъ, но въ нимъ не вошли... А. П. Ермоловъ, бывшій при вскрытіи этого почтеннаго сундука, держалъ въ это время въ рукѣ золотую, осыпанную брилліантами, табакерку, съ вензелемъ Государя, жалованную генералу Грекову. Увидѣвши это тайное хранилище благородства

Бей-булатъ. Непреклонные чеченцы, вѣчно враждующіе противъ русскихъ, признали его своимъ верховнымъ вождемъ, и всеобщее возстаніе, какъ пламя, обхватило всю Чечню. Молодежь мирныхъ ауловъ стала подъ знамена Бей-булата. Амиръ-Гаджи-юртское укрѣпленіе съ ротой егерей, съ нѣсколькими орудіями и со всѣми офицерами превращено было въ прахъ, и ни одна душа не спаслась.

Когда чеченцы ворвались въ укрѣпленіе, то капитанъ роты, не видя спасенія, зажегъ пороховой погребъ, и ужасный пороховой взрывъ поднялъ на воздухъ и разметалъ по Сунжѣ многіе десятки и чеченцевъ, и русскихъ, а остальныхъ погребъ подъ развалинами.

Генералъ Лисаневичъ, какъ главный начальникъ края, поскакалъ въ Грозную, собралъ всѣхъ чеченскихъ старшинъ мирныхъ ауловъ, числомъ болѣе 300 и, вышедъ къ нимъ, началъ кричать и бранить ихъ съ чрезвычайнымъ жаромъ. Онъ былъ необыкновенно вспыльчивъ, такъ что въ прежнюю его службу, въ Грузіи, татары называли его Дели-ага—бѣшенный майоръ, за то, что молодежь чеченская приняла участіе въ возмущеніи.

Толпа этихъ чеченцевъ, при входѣ въ крѣпость, была обезоружена, но одинъ изъ нихъ, какой-то Гаджи, удержалъ при себѣ подъ широкой рысой свой кинжалъ. Этотъ-то Гаджи, когда его Лисаневичъ подымалъ изъ толпы къ себѣ, бросился мгновенно и поразилъ кинжаломъ генерала Лисаневича въ животъ и въ бокъ, а генерала Грекова въ спину подъ лопатку навылеть. Грековъ испустилъ духъ на мѣстѣ, а Лисаневичъ мучился четверо сутокъ.

Это было 18-го іюля 1825 года.

Ужасная тревога поднялась въ крѣпости. Весь гарнизонъ хватился за оружіе, и болѣе 300 чеченцевъ были подняты на штыки. Ожесточеніе солдатъ было такъ велико, что даже слуги офицерскіе и всѣ маркизаны, кои были въ черкесскомъ платьѣ, были безъ пощады убиты.

Въ этомъ Гаджи видно какое-то фанатическое, или, лучше сказать, безразсудное самоотверженіе. Ибо, рискуя собственною жизнью, онъ

Грекова, онъ пришелъ въ такое негодованіе, что бросилъ табакерку съ такою силою, что металлъ свернулся въ комъ, а брильянты разлетѣлись во всѣ стороны. „Боже мой, Боже!“—сказалъ онъ, покачавъ головою,—„и этотъ человѣкъ, за мою милость, за мое довѣріе, заплатилъ мнѣ такъ безсовѣстно, такъ подло...“ Грековъ былъ адъютантомъ у князя Дмитрія Захаровича Орбелянова и имѣлъ сомнительную репутацію относительно безкорыстія. Его слѣдовало удалить изъ службы или предать суду, но А. П. Ермоловъ, видя въ немъ замѣчательныя способности, повѣрилъ его завіреніямъ и простилъ его. Этого мало, въ семь лѣтъ онъ его вывелъ изъ армейскихъ капитановъ въ генералы, не считая орденовъ и подарковъ. Правда, что Грековъ, въ военномъ отношеніи, былъ такой офицеръ, какихъ мало было на Кавказѣ.

погубилъ болѣе 300 своихъ товарищей. Но гораздо одушевленнѣе примѣръ самоотверженія явили два лезгина, кон, желая отомстить смерть своего друга, убитаго русскими, отправились въ Нижегородскій драгунскій полкъ и, рано утромъ, въ первый день свѣтлаго Христова воскресенья, когда всѣ были у заутрени, проникли, не видимые никѣмъ, въ казарму и въ ней спрятались, а когда люди пришли изъ церкви, то, бросившись съ кинжалами, перерѣзали до шестнадцати человекъ, пока не были убиты сами.

У кавказскихъ горцевъ, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, самоохраненіе есть душа военной тактики. На семъ основаніи, всѣ кавказскія племена, исключая даже лезгинъ и чеченцевъ, грозны въ нападеніяхъ внезапныхъ, страшны въ лѣсахъ, въ ущельяхъ, въ скалахъ, въ завалахъ и, однимъ словомъ, вездѣ тамъ, гдѣ можно убивать другихъ и не быть убиту самому. Но, чтобы горцы въ чистомъ полѣ вступили съ хладнокровіемъ въ открытый бой, особенно съ неравными силами, это бываетъ весьма и весьма рѣдко, и то въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. За всѣмъ тѣмъ, этотъ народъ удивительной храбрости, а самоотверженіе ихъ бываетъ невѣроятное. Зато распорядительность въ дѣлахъ болѣею частію бываетъ очень дурная, а духъ свободы, разрушая дисциплину и единство въ дѣйствіяхъ, приводитъ ихъ военныя предпріятія къ результатамъ безуспѣшнымъ и нерѣдко разрушительнымъ для ихъ самихъ. Но самый ужасный бичъ ихъ благосостоянія—это ихъ собственные раздоры. Большая Кабарда, выставившая болѣе 30.000 панцирниковъ и наѣдниковъ, первѣйшей кавалеріи въ мірѣ, растерзана собственными раздорами, а чума довершила истребленіе этой прелестной страны, коей нынѣ безмолвныя и цвѣтущія равнины представляютъ однѣ развалины прежде грозныхъ и многочисленныхъ ауловъ.

На Кавказской линіи я находился съ ноября 1825 года по октябрь 1826 года.

19 января 1825 года скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ I. По обнародованіи этой печальной вѣсти, была выполнена присяга на вѣрность старшему по первородству брату покойнаго государя, не оставившаго дѣтей, Константину Павловичу. Вскорѣ затѣмъ объявлены были акты отреченія отъ престола, сдѣланнаго великимъ княземъ Константиномъ. Посему принесена была присяга нынѣ царствующему императору Николаю.

14 декабря того же года былъ день ужасный для Россіи, — онъ запечатлѣнъ кровію русскою, русскими же пролитую.

При полученіи объ упомянутой перемѣнѣ извѣстія въ Петербургѣ, заговоръ, давно таившійся объ измѣненіи правленія, въ этотъ день разразился бунтомъ. Но милосердный Богъ еще не оставилъ Россію своимъ милостивымъ покровительствомъ. Сила воли и осторожное благо разуміе

новаго государя императора спасли Россію отъ величайшихъ бѣдъ, а можетъ быть и отъ гибели.

Въ бытность мою на Кавказской линіи заведены пикеты съ маяками и предпринято переселеніе станицъ на новую линію по Кубани.

А. П. Ермоловъ находился тогда съ отрядомъ войскъ въ Чечнѣ противъ Бей-булата, имѣвшаго въ сборѣ до 14 т. чеченцевъ. Искусный старый вождь долго лавировалъ и изыскивалъ средства къ нанесенію чувствительнаго удара непріятелю. Наконецъ онъ достигъ цѣли. Нетерпѣливые храбрецы приняли бой, — и бой былъ ужасный. Спѣшившіеся и взявшіеся за кушаки, съ кинжалами въ рукахъ, они шли толпами на колонны и на орудія, извергавшія смерть. Тысячи тѣлъ покрыли поле битвы, а избѣгшіе отъ картечей, пуль и штыковъ погибли въ водахъ Сунжи. За всѣмъ тѣмъ это страшное пораженіе успокоило Чечню на время, — на всегда же успокоится она тогда, когда не будетъ на свѣтѣ ни одного чеченца. Эта истина доказана съ тѣхъ поръ Кази-Муллою и Шамилемъ.

1826 годъ ознаменованъ открытіемъ славной войны съ Персіею.

Съ началомъ XIX столѣтія начался и великій героическій періодъ, въ который руссiйское оружіе покрыло себя безсмертною славой.

15 лѣтъ сряду, почти въ одно и то же время, Россія вела борьбу съ Персіею съ 1802 по 13, съ Турціею съ 1806 по 12, съ Наполеономъ съ 1805 по 8, съ Швеціею съ 1807 по 10, наконецъ Россія выдержала ужасную войну 1812, 13 и 14 годовъ, вышла изъ этого труднаго поприща со славой и стала превыше всѣхъ государствъ Европы.

Но вотъ не стало Наполеона, и въ Европѣ, послѣ бранной эпохи, водворился миръ; не стало и Александра, и въ Россіи, послѣ одиннадцатилѣтняго спокойствія, первый годъ царствованія Николай огласился воинственными кликами на югъ.

Персія, съ той отдаленной роковой эпохи, какъ Александръ Великій наложилъ на нее свою побѣдоносную руку (въ 333 году до Р. Х.), въ продолженіе болѣе 2.000 лѣтъ не могла поправиться. Въ этотъ длинный интервалъ на ея престолѣ исчезло нѣсколько царственныхъ династій и ни одна не возродила ни Кира, ни Камбиза, ни Дарія Гистаспа. Были воинственные таланты, и между ними преимущественно одинъ, какъ метеоръ, мелькнулъ на ея политической сферѣ. Этотъ случайный герой. Надыръ-шахъ, проложивъ себѣ путь мечемъ отъ ничтожества до трона, прошелъ какъ ураганъ по Ирану и Индіи, обозначилъ свой путь кровію и развалинами и палъ самъ подъ кинжалами убійцъ, не оставивъ по себѣ ничего существеннаго для Персіи.

Уже въ недавнее время генералъ Котляревскій доказалъ персіанамъ, подъ Асландизомъ и Ленкоранью, изумительное превосходство руссiйскаго

оружія, уничтоживъ 28 т. армию Шахъ-Заде съ 4 т. отрядомъ ¹⁾. Но этотъ поучительный урокъ еще не успѣлъ изгладиться изъ памяти очевидцевъ,—еще не прошло и 14 лѣтъ, какъ тотъ же самый бездарный иа полѣ брани, Шахъ-Заде ²⁾ ворвался съ 40 т. арміею въ границы Россіи, и война загорѣлась.

Причина войны была не важная. Дѣло шло за незначительный кусокъ земли и именно за долину Шахъ-Майданъ. Но кажется, наследникъ персидскаго престола, человекъ замѣчательно хитрый, имѣлъ въ этой войнѣ совсѣмъ другіе виды.

Въ 1834 году, въ бытность мою въ Нахичевани, для составленія obligательныхъ табелей о податяхъ, Эксапъ, ханъ нахичеванскій, рассказывалъ мнѣ, что Шахъ-Заде побѣжденъ былъ въ войнѣ не за долину Шахъ-Майданъ, но совершенно по другому обстоятельству. Незнаю, было ли это обстоятельство дѣйствительною причиною войны, но поелику самый фактъ есть истинный, то считаю неизлишнимъ рассказать его ³⁾.

Фетъ-Али-шахъ имѣлъ до 600 дѣтей и въ томъ числѣ болѣе ста сыновей. Изъ числа ихъ, Абась-мирза, самый старшій, былъ его любимый сынъ преимущественно предъ прочими и имѣлъ надъ шахомъ, отцомъ своимъ, большую власть. Но этотъ старшій сынъ былъ рожденъ отъ простой любовницы, между тѣмъ какъ былъ, другой гораздо младшій зѣтами, рожденный отъ какой-то принцессы. По законамъ придворнаго персидскаго этикета, а можетъ быть и по брачному условію, этотъ принцъ, по аристократическому происхожденію матери, несмотря на то, что былъ моложе многихъ братьевъ, считалъ свои права на престолъ сильнѣйшими и законными. Но шахъ хотѣлъ сдѣлать наследникомъ Абась-мирзу, своего любимца. Для этой цѣли было сдѣлано чрезвычайное собраніе первѣйшихъ сановниковъ и всѣхъ шахскихъ сыновей. Въ этомъ собраніи Фетъ-Али-шахъ, послѣ высокопарной рѣчи, объявилъ,

¹⁾ И Александръ великій съ 30 т. пѣхоты и 5 т. кавалеріи разбилъ несмѣтныя Даріевы полчища при Границѣ въ 334 году до Р. Х.; а въ слѣдующемъ году, съ тѣмъ же самымъ количествомъ, разгромилъ въ прахъ миллионную персидскую армию при Исфъ, гдѣ и самъ Дарій едва избѣжалъ плѣна.

²⁾ Шахъ-Заде—наследникъ престола.

³⁾ Этотъ фактъ, кажется, былъ гораздо прежде войны, слѣдовательно причиною ея въ томъ смыслѣ быть не могъ. Гораздо ближе къ истинѣ то, что Абась-мирза, несмотря на свой умъ и глубокую хитрость, былъ увлеченъ интригами англичанъ, къ тому же имѣлъ притязанія на военный талантъ. Въ 1824 году, прѣзжалъ въ Грузію изъ Индіи англійскою компанейскою службой инженеръ-майоръ Монтисъ, который, не играя ни въ какую игру, въ два или три мѣсяца прожилъ въ Тифлисѣ болѣе 3 т. червонцевъ. И я бывалъ у него на обѣдахъ и на вечерахъ и знаю его лично. Послѣ ояъ былъ высланъ изъ Тифлиса и изъ Грузіи, какъ подозрительный агентъ.

что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, видитъ необходимость назначить по себѣ наслѣдника, комѣ избираетъ и торжественно объявляетъ своего любезнѣйшаго сына Абаса-мирзу, имѣющаго всѣ права на престолъ персидскій, какъ по старшинству первородства, такъ и по достоинству. При столь рѣшительномъ указаніи всѣ раболѣпно преклонились предъ грозчымъ повелителемъ. Но юный претендентъ сказалъ: «Великій государь, говорить предъ тобою неправду значило бы не любить и не уважать тебя, какъ отца и государя. Твое собственное величіе и царственная кровь твоя и моей матери, отражаясь во мнѣ, твоимъ сынѣ, не позволяютъ мнѣ попрасть мои права. Если они не уважатся, то оружіе рѣшитъ, кому быть на персидскомъ тронѣ послѣ тебя».

Добродушный Фетъ-Али-шахъ, будучи человѣкомъ умнымъ и литераторомъ, былъ удивленъ подобнымъ отвѣтомъ своего 15-лѣтняго сына. Говорятъ, что даже улыбка сердечнаго удовольствія мелькнула на его челѣ. Но не то происходило въ душѣ хитраго и проницливаго Абаса-мирзы. Онъ видѣлъ въ своемъ юномъ братѣ страшнаго соперника, потому что юный принцъ и по красотѣ, и по уму, и по душевнымъ качествамъ былъ необыкновенно любимъ и народомъ, и знатью. Надобно было отъ него отдѣлаться. Замышлено и сдѣлано. Но чтобы убійство не произвело смуты въ государствѣ, затѣяна была война для отвлеченія общественнаго вниманія и дѣятельности. Абасъ-мирза трудился не для себя. Онъ умеръ еще при жизни Фетъ-Али-шаха, а престолъ наслѣдовалъ одинъ изъ сыновей Абасовыхъ, но не старшій.

Послѣдствія персидской войны 1826 и 1827 годовъ извѣстны. Паскевичъ, покрывъ себя славой подъ Елизаветполемъ и Эриванью, въ сѣвѣхъ Тавриза заключилъ знаменитый миръ, по коему три ханства: Эриванское, Нахичеванское и Ордуабатское отошли къ Россіи съ 20 м. р. сер. и съ другими значительными выгодами.

Я не былъ въ этой славной войнѣ, тогда какъ долженъ былъ участвовать въ ней и имѣлъ къ тому очень благопріятный случай. Не воспользовавшись имъ, быть можетъ, я симъ оттолкнулъ отъ себя мое счастье, но судьба влекла меня по другому пути, весьма для меня неудачному.

Въ августъ того же 1826 года, князь Горчаковъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ и продолжать служить вмѣстѣ и въ Россіи такъ же, какъ служилъ въ Грузіи. Признаюсь, мнѣ очень этого не хотѣлось; но, къ несчастію моему, бывъ ослѣпленъ его обѣщаніями, я не имѣлъ духа отказаться. Впослѣдствіи горько объ этомъ сожалѣлъ.

Въ октябрѣ я переѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ была тогда главная квартира 2-ой арміи.

Главнoкомандующимъ былъ въ то время генералъ-фельдмаршалъ

графъ П. Х. Витгенштейнъ, начальникомъ главнаго штаба арміи генералъ-маіоръ П. Д. Киселевъ.

Въ Тульчинѣ я прожилъ полтора года, съ октября 1826 по апрѣль 1828 года и весь 1827 годъ, начиная съ 6 января, пролѣчился, не бывши ни боленъ, ни здоровъ. Болѣзнь моя была та общая язва нашего вѣка, отъ которой рѣдкій человѣкъ благороднаго сословія ускользнетъ. Къ несчастію, она развилась нынѣ и въ простомъ народѣ болѣе, нежели въ высшемъ сословіи, такъ что есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлыя деревни, зараженныя этимъ пагубнымъ истребителемъ рода человѣческаго.

Питая постоянно отвращеніе къ публичной торговлѣ прелестями, какъ человѣкъ, я изыскивалъ въ моихъ паденіяхъ предметы, по возможности соответствовавшіе моему вкусу; поэтому много, много случилось испытать въ жизни любовныхъ приключеній и обыкновенныхъ, и опасныхъ, и смѣшныхъ до невѣроятія. Описаніе ихъ, безъ преувеличенія, составило бы весьма занимательный романъ; но я упомяну въ своемъ мѣстѣ объ одной только встрѣчѣ и то потому, что она имѣла значительное на меня впечатлѣніе.

По причинѣ такой разборчивости я сберегъ себя и былъ невредимъ до 28-лѣтняго возраста; но здѣсь, несмотря на мою осторожность, настоящій случай былъ просто несчастіе, искавшее меня само.

Заболѣвши зимою, во время лѣченія, я простудился и, бывши золотушнаго сложенія, симптомы сдѣлались сложны и упорны, а лѣченіе было неискусное, несмотря на знаменитость пользовавшихъ меня врачей.

Я имѣлъ несчастіе подвергнуться этой болѣзни первый и послѣдній разъ въ моей жизни, однако, несмотря на самое тщательное лѣченіе, долго я не могъ избавиться отъ ея гибельныхъ послѣдствій и лишь въ 1831 году въ Кишеневѣ налѣчился совершенно.

Кажется, нигдѣ и никогда я не читалъ такъ много, какъ въ Тульчинѣ. Ибо во время лѣченія моего весь 1827 годъ я долженъ былъ сидѣть дома и во избѣжаніе скуки, волею и неволею, предавался чтенію всякаго рода книгъ на понятныхъ мнѣ языкахъ, а пхъ въ Тульчинѣ было достаточно.

Въ началѣ 1828 года, съ формальнымъ объявленіемъ о турецкой войнѣ, сдѣлано было распоряженіе, что всѣ тѣ чины главной квартиры, кои, бывъ удалены отъ родныхъ, встрѣтятъ затрудненіе въ сохраненіи своихъ вещей, излишнихъ для предстоящаго похода, могутъ оставить ихъ въ казенномъ складѣ въ Тульчинѣ, подъ надзоромъ коменданта, а по окончаніи войны получать ихъ въ цѣлости. О чемъ и отданъ былъ приказъ по главной квартирѣ. Складъ этотъ назначенъ былъ въ огромной комнатѣ въ домѣ гр. Потоцкаго, — и я, пользуясь столь благодѣтельнымъ распоряженіемъ, отдѣлилъ всѣ излишнія вещи, наполнилъ ими великолѣпный сундукъ и отдалъ оный въ помянутый складъ. Не видалъ я его болѣе, и за всѣми розысканіями не могъ и слѣдовъ найти, куда

онъ дѣвался. Только могъ и узнать въ утѣшеніе, что въ 1830 году, при открытіи бунта въ Польшѣ, въ Тульчинѣ тоже сдѣлалась суматоха; коменданта перемѣнили, и всякъ изъ этого склада хваталъ, что попало; поэтому не было возможности добиться, по какой дорогѣ отправился мой почтенный сундукъ. На переписку мою объ немъ даже и не отвѣчали; а между тѣмъ, въ этомъ сундукѣ заключалось все мое достояніе. Разные акты, книги, записки, платье, оружіе и значительное количество серебряныхъ и дорогихъ вещей, такъ что по умѣренной оцѣнкѣ стоимость всего простиралась болѣе, нежели на 10 т. р. асс.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Іосифа Петровича Дубецкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ¹⁾.

1828 годъ.

1.

Подъ Браиловымъ.—Императоръ Николай.—Анекдотъ.

Въ 1828 году мая 1-го рано утромъ прибылъ подъ Браиловъ великій князь Михаилъ Павловичъ и остановился въ чефликѣ (хуторъ или мыза) въ 2-хъ верстахъ отъ Гаджи-Капудана и въ верстахъ отъ Браилова, а 2-го числа въ 6 часовъ по полудни прибылъ государь императоръ и остановился въ томъ же домѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ.

Утромъ 3 мая весь генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры представлялись Его Величеству.

Императоръ Николай Павловичъ былъ тогда 32 лѣтъ; высокаго роста, сухощавъ, грудь имѣлъ широкую, руки нѣсколько длинныя, лицо продолговатое, чистое, лобъ открытый, носъ римскій, ротъ умѣренный, взглядъ быстрый, голосъ звонкій, подходящій къ тенору, но говорилъ нѣсколько скороговоркой. Вообще онъ былъ очень строенъ и ловокъ. Въ движеніяхъ не было замѣтно ни надменной важности, ни вѣтренной торопливости; но видна была какая-то неподдѣльная строгость. Свѣжесть лица и все въ немъ выказывало желѣзное здоровье и служило доказательствомъ, что юность не была изнѣжена и жизнь сопровождалась трезвостью и умѣренностію.

Въ физическомъ отношеніи онъ былъ превосходнѣе всѣхъ мужчинъ изъ генералитета и офицеровъ, какихъ только я видѣлъ въ арміи; и могу сказать по истинѣ, что въ нашу просвѣщенную эпоху, величайшая рѣдкость видѣть подобнаго человѣка въ кругу аристократіи.

Вотъ анекдотъ, въ коемъ я самъ разыгрывалъ плачевную роль.

Весь главный штабъ арміи тѣснился въ небольшой деревушкѣ Гаджи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1895 года.

Капуданъ, состоявшей изъ 8 или 10 избы. По этой уважительной причинѣ, даже нѣкоторый генералитетъ лѣпился въ сараяхъ и хлѣвахъ, а офицерство—гдѣ кто попалъ. Будучи адъютантомъ генераль-квартирмейстера, я по преимуществу имѣлъ помѣщеніе въ овечьемъ хлѣвкѣ той избы, въ коей расположился мой генераль. Хлѣвокъ этотъ стоялъ возлѣ самой дороги, напротивъ избы, въ коей было дежурство. Посему это мѣсто было вѣчный толкучій рынокъ. Со мною квартировалъ свитскій офицеръ Ганъ.

3 числа мая, часу въ 5 утра (въ этотъ день готовились представляться государю императору), отдавши моему Павлушкѣ приказаніе о разныхъ разностяхъ, я въ утреннемъ походномъ костюмѣ, т. е. въ туфляхъ, шинели и черкесской шапкѣ, вышелъ изъ хлѣвка, сѣлъ на завалинѣ и, въ ожиданіи чаю, любовался майскимъ утромъ. Ко мнѣ присоединились сосѣди, квартировавшіе подъ небомъ, и пошла пріятельская бесѣда. Вскорѣ подъѣхала почтовая тройка, изъ коей соскочивъ подошелъ къ намъ юноша лѣтъ 16 или 17, въ артиллерійскомъ сюртукѣ и съ сумкою на груди, и поздоровавшись спросилъ: гдѣ главнокомандующій?

— Вотъ, тамъ, гдѣ ходитъ часовой. А вамъ онъ на что?

— Я присланъ курьеромъ съ депешами отъ генерала Рудзевича.

— Изъ третьяго корпуса?

— Да.

— А что, смотрѣлъ государь вашъ корпусъ?

— Какъ же. Я былъ у государя на ординарцахъ. Онъ остался совершенно доволенъ всѣмъ, и корпусъ уже готовъ былъ къ переходу чрезъ Дунай.

— Не угодно ли стаканъ чаю,—сказалъ я,—ибо въ это время принесли чай.

— Ахъ! сдѣлайте одолженіе, съ мѣста не пилъ чаю,—отвѣчалъ молодой прапорщикъ, взялъ чай, закурилъ трубку и пустился въ рассказы.

— Господинъ офицеръ, подите сюда!—закричалъ государь, внезапно подъѣхавшій въ эту минуту изъ-за угла дежурства, въ бричкѣ четверкой, съ двумя лейбъ-казаками и фельдъегеремъ.

Мы всѣ, шапки долой, незная, кого зовутъ, смутились и прятались другъ за друга, а я проклиналъ и хлѣвъ, и дверь, которая была не близко.

— Пожалуйте сюда!—повторилось громче прежняго,—и я,—яко хозяинъ, подталкиваемый другими, уже выступалъ съ трепетомъ впередъ, подгибая колѣна, чтобы концами полъ шинели закрыть по крайней мѣрѣ туфли и босыя ноги.

Не могу выразить моего въ эту критическую минуту положенія. Я не могъ опомниться, на яву ли, или во снѣ, очутился я предъ грознымъ лицомъ государя императора, и какъ?—въ одной рубашкѣ и прикрытый шинелью, босикомъ, въ туфляхъ и еще въ проклятой черкесской шап-

кѣ... Ужась объялъ меня и, клянусь честію, въ жизнь мою никогда не былъ въ столь отчаянномъ страхѣ!!! Даже теперь дрожь беретъ, когда вспомню эту минуту.

— Не васъ, не васъ, но тотъ офицеръ, чтó съ сумкой, подите сюда скорѣе,—сказалъ государь съ видимою улыбкою.

— Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Дѣво пречистая!—прошепталъ я со вздохомъ. Мнѣ казалось, что я ожилъ изъ мертвыхъ, и въ два шага, но не оборачиваясь впрочемъ назадъ, очутился я у самой стѣнки.

Бѣдняжка нашъ говорунъ, въ одной рукѣ съ стаканомъ чаю, а въ другой съ трубкою и фуражкой, прятая ту и другую руку назадъ, подступилъ къ брничкѣ.

— Откуда вы пріѣхали?—спросилъ государь.

— Изъ Бѣлграда, отъ корпуснаго командира Рудзевича, ваше превосходительство,—отвѣчалъ прапорщикъ.

— Къ кому?

— Къ фельдмаршалу, ваше сіятельство.

— Дайте ваши бумаги!

Это приказаніе совершенно озадачило бѣднаго прапорщика. Ему мелькнуло приказаніе отдать бумаги лично фельдмаршалу, а какъ онъ зналъ, что фельдмаршалъ старикъ, а это лицо, судя по молодости, былъ вовсе не фельдмаршалъ, то онъ растерялся, сталъ втупикъ, лупилъ глазами и не зналъ, что отвѣчать. Къ тому же обѣ руки были заняты чаемъ, трубкою и фуражкой.

— Подайте мнѣ ваши бумаги, которыя вы привезли! — повторилъ государь съ досадою.

Тогда кто-то изъ насъ взялъ у него стаканъ съ чаемъ, а самъ онъ догадался, бросилъ на землю трубку и шапку, досталъ изъ сумки пакетъ и подалъ его государю.

Прочитавши рапортъ и возвращая его офицеру, государь сказалъ:

— Отдайте фельдмаршалу и скажите, что я вскрылъ его.

— Слушаю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ государь, бросивъ на нашу публику свой быстрый взглядъ, съ пріятнѣйшею миною махнулъ намъ головою и ускакалъ.

Государь императоръ ѣхалъ нарочно очень рано къ фельдмаршалу, чтобы предупредить его представленіе. Таковъ былъ его этикетъ.

Тогда началась новая комедія. Юноша-артиллеристъ, произведенный предъ походомъ изъ юнкеровъ въ прапорщики, только-что хвалившійся, что былъ передъ этимъ на ординарцахъ у государя, не зналъ, какъ выпутаться, ибо не хотѣлъ сознаться, что солгалъ, и что никогда не видалъ государя. Мы заливались со смѣху, а онъ удивлялся, охалъ и, наконецъ, рѣшилъ тѣмъ, что государь внезапнымъ появленіемъ до того его переконфузилъ, что онъ не узналъ Его Величества.

Молодежь, адъютантство пустили въ ходъ это происшествіе съ прибаутками, и мнѣ нѣсколько дней не было покоя. Впрочемъ, урокъ этотъ послужилъ мнѣ въ пользу. Съ этихъ поръ, во всю турецкую войну, въ лагеряхъ и на бивуакахъ, я ложился спать не раздвѣваясь. Это было очень полезно по званію адъютанта, и особенно во время фальшивой тревоги подъ Калафатомъ и при внезапномъ ночномъ нападеніи турокъ на укрѣпленный нашъ лагерь подъ Марашемъ.

II.

Дѣло подъ Шумлою 8-го іюля.—Нападеніе на 7-й пѣхотный корпусъ подъ Марашемъ и на редуты праваго фланга 14-го августа.

Генералъ князь Горчаковъ, бывъ назначенъ командовать отрядомъ въ малой Валахіи, на правомъ флангѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, отправился 12-го мая изъ главной квартиры. Мѣсяца полтора мы прошатались по малой Валахіи и доходили до Калафата, но, кромѣ незначительныхъ стычекъ съ турками и пресмѣшной тревоги на Чорон. никакихъ замѣчательныхъ дѣйствій не было.

28-го іюня, князь Горчаковъ, назначенный начальникомъ 18-й пѣхотной дивизіи на мѣсто убитаго на Браиловскомъ штурмѣ генерала Вольфа, прибылъ къ дивизіи, находившейся тогда въ Базарджикѣ, гдѣ уже были сосредоточены два пѣхотные корпуса, дивизія гусаръ, дивизія конноегерская, бригада уланъ и нѣсколько казачьихъ полковъ. Здѣсь находился и государь императоръ со всѣми генералитетомъ и съ иностранными послами.

18-ю пѣхотную дивизію составляли слѣдующіе полки:

Казанскій	} пѣхотные и	35	} егерскіе
Вятскій			
Уфимскій			
Пермскій			
		36	

Нѣкоторые полковые командиры этой дивизіи. Абрамовичъ, Пестель и другіе, конхъ не припомню, а также нѣсколько офицеровъ, были замѣшаны въ бунтъ 14-го декабря 1825 года. Но дивизія эта, пущенная на браиловскій штурмъ, примѣрною храбростію и кровью смыла съ себя всякое подозрѣніе. Государь императоръ при отъѣздѣ изъ-подъ Шумлы подъ Варну, пріѣхавъ къ этой дивизіи и, сойдя съ лошади, велѣлъ стать всему Вятскому полку въ кругъ себя, говоритъ соотвѣтственно этому обстоятельству и благодарилъ за отличную службу.

Въ 1825 году, командиромъ Вятскаго полка былъ полковникъ Пестель, погибшій на висѣлицѣ, какъ главный заговорщикъ по бунту 14-го декабря.

Подъ Базарджикомъ армія простояла нѣсколько дней, пока вся станулась.

3-го іюля, войска тронулись подъ Шумлу. 18-я пѣхотная дивизія ¹⁾ прикрывала императорскую квартиру и была, такъ сказать, въ конвоѣ у государя.

8-го іюля 18-я пѣхотная дивизія и полкъ гусарь съ одною конною и тремя пѣшими артиллерійскими ротами, подъ начальствомъ генерала Дябича, двинулась къ самой Шумлѣ и имѣла очень удачное дѣло противъ 10 т. турецкой кавалеріи съ 20 орудіями ²⁾. Но шансъ былъ весьма не равенъ. Пораженные турки ретировались быстро, а мы, ставъ на позицію верстахъ въ пяти отъ Шумлы, въ ту же ночь заложили передовые редуты. Вскорѣ присоединился къ намъ и 3-й пѣхотный корпусъ.

Подъ Шумлою мы простояли все лѣто и наносили неоднократно поражение непріятельскимъ отрядамъ, завязывавшимъ бой. Замѣчательное дѣло было 14-го августа. Это было ночное нападеніе турокъ на оба наши фланга.

Въ концѣ іюля, принцъ Евгенийъ Виртембергскій назначенъ былъ къ намъ (въ 7 корп.) корпуснымъ командиромъ, на мѣсто генерала Воинова. Одинъ взятый въ плѣнъ, или, какъ утверждали, бѣжавшій къ туркамъ солдатъ объявилъ, что нашимъ корпусомъ командуетъ принцъ, дядя государя. Гуссейнъ-паша ³⁾, командовавшій войсками въ Шумлѣ, смѣшавъ слово принцъ съ словомъ великій князь, вообразилъ, что это долженъ быть великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ государя, а не дядя, и возымѣлъ смѣлую мысль сдѣлать на нашъ отрядъ сильное нападеніе; а чтобы оное было болѣе успѣшно, то для отвлеченія вниманія, предположилъ сдѣлать въ одно и то же время диверсію и на нашъ правый флангъ.

Здѣсь я долженъ сказать, что 7 корпусъ составляли двѣ пѣхотныя дивизіи 18 и 19. Всѣ полки 19 дивизіи были тогда подъ Варной, а изъ 18 дивизіи егерская бригада была въ редутахъ; въ ретраншаментѣ же подъ с. Марашемъ были только четыре полка 18 дивизіи, одинъ батальонъ саперъ и два полка гусарь, да двѣ пѣшихъ и одна конная батарея. Правда, что съ этими силами, находясь въ укрѣпленномъ лагерѣ, можно было раздѣлаться съ турками совсѣмъ иначе, если бы они были и въ пять разъ сильнѣе насъ. Но вотъ причина нашей неудачи.

¹⁾ Я былъ старшимъ дивизіоннымъ адъютантомъ.

²⁾ Здѣсь убитъ одинъ только флигель-адъютантъ полковникъ Реадъ,—и то по собственной винѣ. Онъ безпрестанно вертѣлся передъ фронтомъ и мѣшался, гдѣ его вовсе не спрашивали. Во время канонады батарейной роты, подскочивъ къ командиру оной, полковнику Штейбе, завелъ съ нимъ громкій и жаркій споръ, отдавая свои приказанія. Штейбе, зная свое дѣло, не слушался его приказаній, Реадъ кричалъ, горячился, и въ этотъ мигъ былъ срѣзанъ пополамъ турецкимъ ядромъ.

³⁾ Гуссейнъ-паша, происходя изъ простолюдиновъ, храбрый, замѣчательнаго ума, слѣпой исполнитель воли султана Махмуда, прославился въ дѣлахъ при истребленіи лычарь.

Ретраншаментъ былъ правильный квадратъ, коего каждый фась простирался примѣрно сажень на полтора, но мѣстность для этого укрѣпленнаго лагеря была съ одной стороны очень невыгодная, ибо лѣвый фась этого ретраншамента пролегалъ саженьхъ въ десяти параллельно съ глубокимъ оврагомъ, и турки, отбитые во время нападенія отъ передняго фаса, всѣ сперлись въ оврагъ и изъ онаго сдѣлали самый упорный натискъ на лѣвый фась, на коемъ окопъ, къ несчастію, не былъ еще оконченъ; къ тому же, крутизна оврага защищала ихъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, что и было причиною, что потеря, 117 человекъ убитыми и 132 ранеными, была изъ одного только Уфимскаго полка, бывшаго на лѣвомъ фасѣ; изъ другихъ же полковъ не было потеряно ни одного человека. А одно легкое орудіе, по нераспорядительности артиллерійскаго генерала Черемисинова, бывъ выдвинуто изъ укрѣпленія на самую кручу, само попало туркамъ въ руки. Многіе утверждали, что наша потеря въ этомъ дѣлѣ была самая ужасная; могу увѣрить въ истинѣ показаннаго мною, ибо, бывъ тогда старшимъ дивизионнымъ адъютантомъ 18 пѣхотной дивизіи, я былъ на всѣхъ пунктахъ сраженія отъ самаго его начала до конца, и вѣрнѣ меня никто его не знаетъ. Войсками противъ насъ командовалъ самъ Гуссейнъ-паша. У него было 10.000 регулярной пѣхоты, 6.000 кавалеріи и 20 орудій. Онъ оставилъ на мѣстѣ сраженія болѣе 100 тѣлъ, 86 плѣнныхъ и 122 раненыхъ.

Но не таково было дѣло на правомъ флангѣ.

Извѣстный храбрецъ Галиль-паша ¹⁾, ревнуя славѣ товарища своего Гуссейнъ-паши, вмѣсто фальшивой атаки, для отвлеченія вниманія, сдѣлалъ самое гибельное нападеніе на редутъ № 5. Онъ употребилъ слѣдующій обманъ, который удался вполне. Пользуясь предразсѣтною темнотою, онъ тихо подвелъ турецкія колонны къ нашей передовой цѣпи, бывшей шагахъ въ 30 отъ редута. Стадъа некрасовцевъ, переодѣтыхъ въ наши солдатскія шинели, несли фашиники и, на окликъ часовыхъ, отвѣчали, что они солдаты, возвращаются съ фашинами съ работы и потому не знаютъ ни пароля, ни отъыма. Часовые повѣрили и пропустили. Некрасовцы быстро добѣжали до редута, завалили ровъ фашинами, и въ то же мгновеніе страшная толпа турецкой пѣхоты и кавалеріи, вскочивъ въ редутъ, въ нѣсколько минутъ покончила все. 5 орудій осадной артиллеріи, 4 орудія легкихъ, одинъ батальонъ пѣхоты, 1 генералъ (генералъ-маіоръ Вреде) и всѣ штабъ и оберъ-офицеры погибли. Люди всѣ были перерѣзаны безъ жалости, а оружіе, снаряды и вещи взяты.

¹⁾ Турецкій аристократъ, впоследствии зять султана Махмуда. Онъ былъ молодъ, красивъ, статенъ, превосходный наѣздникъ и чрезвычайно храбръ.

Галиль-паша не удовольствовался столь неожиданнымъ успѣхомъ. Онъ хотѣлъ захватить и другой редутъ посредствомъ новой хитрости. Турки взяли генерала Вреде и повели его впереди пѣшей колонны къ слѣдующему редуту, приказавъ ему кричать въ редутѣ, чтобы не стрѣляли, потому что онъ будто бы идетъ съ своими солдатами. Вреде согласился, подвелъ турокъ къ самому редуту и закричалъ: «стрѣлай, турки, стрѣлай!»—и въ тотъ же мигъ атаганъ вонженъ былъ ему въ глотку, и въ тотъ же мигъ залпъ, пущенный изъ редута въ турокъ изъ всѣхъ орудій, и грохотъ батальоннаго огня оглушилъ турокъ смертію, какъ бы отдавая послѣднюю честь неустрашимому страдальцу. Однако, турки упорно атаквали и этотъ редутъ, но были отбиты съ значительною потерей съ обѣихъ сторонъ.

Дня за два до этого несчастнаго случая, начальникъ главнаго штаба арміи Киселевъ, объѣзжая редуты, сдѣлалъ строгое замѣчаніе бригадному генералу Вреде за то, что ружья нечисты и что люди изнуряются ночью стоянкою подъ ружьемъ посмѣнно. Поэтому слѣдующіе два дня происходила чистка ружей, а во время нападенія, ружья не были заряжены и въ редутѣ, кромѣ часовыхъ, все спало. Турецкій офицеръ, взятый въ плѣнъ подъ Марашемъ, рассказывалъ, что тотъ же бѣглый солдатъ передалъ это обстоятельство Галиль-пашѣ, который имъ вполне воспользовался.

Въ концѣ августа (27 ч.) турки сдѣлали открытое нападеніе на редутъ № XII, но были отражены съ великою потерей.

III.

Дѣло на Курдтепѣ 18-го сентября.

Цѣль записокъ моихъ—есть повѣствованіе замѣчательныхъ фактовъ моей жизни; поэтому, могутъ войти въ нихъ тѣ военныя дѣла, въ коихъ участвовалъ я самъ, а также и тѣ, кои, бывъ въ связи въ событіями, происходили, такъ сказать, передъ глазами. Однакоже, я намеренъ упомянуть хотя вкратцѣ о знаменитомъ дѣлѣ, бывшемъ на Курдтепѣ. Въ дѣлѣ этомъ я не участвовалъ, но оно состоитъ въ связи по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Послѣ турецкой войны, генералъ-лейтенантъ, князь Горчаковъ, назначенъ былъ начальникомъ 19-ой пѣхотной дивизіи, на мѣсто генерала Головина, получившаго другое назначеніе. Дивизія эта ¹⁾, по

1) 19 дивизия составляли следующие полки:

Дзюковский	} пехотные и	37 38	} егерские.
Днепропетровский			
Украинский			
Одесский			

возвращеніи изъ-за Балканъ, простояла въ Варнѣ все лѣто (съ апрѣля по октябрь) 1830 года. Въ полкахъ этой дивизіи еще учѣли въ то время многіе офицеры, кои были въ дѣйствительномъ сраженіи на Курдтепѣ. Они мнѣ рассказывали объ этомъ дѣлѣ. Мѣстность же мнѣ известна лично, ибо во время пребыванія моего въ Варнѣ, въ упомянутое лѣто, я иногда, въ прогулкахъ моихъ верхомъ, доѣзжалъ до Курдтепы и одинъ разъ тамъ обѣдалъ съ товарищами. Здѣсь очевидцы указывали мнѣ мѣста, ознаменованныя кровью и смертью нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ, покоящихся вѣчнымъ сномъ на этой пустынной и не родной землѣ.

Вотъ почему я хочу говорить объ этомъ дѣлѣ. Знаю, что это повѣствованіе будетъ далеко не удовлетворительно въ стратегическомъ отношеніи, зато должно быть приблизительно вѣрно въ событіи, ибо передамъ сущность разсказа очевидцевъ точно такъ, какъ могу ее припомнить. Упуская нѣкоторыя занимательныя подробности, я не могу не упомянуть объ одномъ постыдномъ фактѣ этой печальной драмы, который, быть можетъ, и дѣйствительно былъ причиною гибельной неудачи этого дѣла; о фактѣ, который, вѣроятно, никогда не будетъ переданъ свѣту.

Когда крѣпость Варна была осаждена съ суши и съ моря, то турецкій военачальникъ, Омеръ-Вріони, получившій повелѣніе султана спѣшить на освобожденіе Варны, еще въ августѣ 1828 года, прибылъ изъ Румелии съ корпусомъ войскъ и, остановившись на урочищѣ Эски-тепѣ (верстахъ въ пятнадцати отъ Варны)¹⁾, ожидалъ тамъ присоединенія остальныхъ войскъ. Сюда-то сдѣлана была (10-го сентября) графомъ Залуцкимъ, съ лейбъ-егерскимъ полкомъ, рекогноспировка, по его глупой распорядительности, столь несчастная и неудачная.

Вскорѣ послѣ сего, поручено было генералу Сухованету, съ сильнымъ отрядомъ войскъ, не допустить Вріони приблизиться къ Варнѣ но дѣйствія этого генерала были безуспѣшны. Омеръ-Вріони проникъ на приморскія высоты и расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ, на горѣ Курдтепѣ, отстоящей верстахъ въ четырехъ отъ Варны и отдѣляющейся отъ нея горою Галатою и небольшимъ морскимъ заливомъ.

Позиція эта есть не что иное, какъ плоская высота, выдающаяся угломъ къ морю, коей двѣ стороны отдѣляются отъ сосѣдней мѣстности частью крутыми глубокими оврагами, а частью обрывами на нѣскольکو десятковъ сажень; третья же сторона этой позиціи доступна отъ Цареградской дороги, пролегающей изъ Варны на Камчикъ; но и тутъ покато́сть эта покрыта колючимъ кустарникомъ, мелкимъ лѣсомъ и изрѣ-

¹⁾ Близъ селенія Гаджи-Гассанъ-Ларъ.

зана кое-гдѣ проточными рытвинами; впрочемъ, есть и открытыя площади.

На этой-то позиціи, крѣпкой мѣстностью, съ одной только стороны доступной для пѣхоты и съ трудомъ для артиллеріи, Омеръ-Вріони укрѣпилъ лагерь свой окопами и редутами, имѣя у себя, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, 8 баталіоновъ пѣхоты, до 15 тысячъ нерегулярной кавалеріи и 16 орудій плохой артиллеріи.

Близкое сосѣдство отъ Варны столь сильнаго непріятельскаго отряда могло отдалить взятіе этой крѣпости и угрожало даже нашему осадному корпусу. Посему, видимая необходимость была—сбить Вріони съ этой позиціи, если невозможно разбить его совершенно.

Исполненіе этого важнаго дѣла возложено было государемъ императоромъ на старшаго генерала, принца Евгенія Виртембергскаго, ко-
ему и порученъ былъ отрядъ генерала Сухозанета, усиленный по возможности ¹⁾.

Отрядъ этотъ раздѣленъ былъ на двѣ колонны: первая, подъ командою генераль-маіора Симанскаго и подъ главнымъ начальствомъ генерала Сухозанета, состояла изъ 6 баталіоновъ ²⁾ и 32 орудій, а вторая, подъ начальствомъ генераль-маіора Дурново, изъ 3-хъ баталіоновъ ³⁾ и 8 орудій. Въ арьергардѣ были 4 эскадрона съ 2 орудіями, подъ командою генераль-маіора Алферьева; а остальная кавалерія, подъ начальствомъ генерала Делинггаузена, находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи по причинѣ мѣстности. Сверхъ сего, вблизи этого пункта, находился отрядъ генерала Бистрома, отъ коего для сей же атаки отдѣлены были три гвардейскіе баталіона (лейбъ-гренадерскаго и лейбъ-егерскаго полковъ), 4 эскадрона и 10 орудій.

18-го сентября, около полудня, началось это сраженіе и кончилось въ семи часамъ вечера. Начало дѣла этого было успѣшно и даже блистательно.

Первая колонна, подойдя къ лѣвому непріятельскому флангу на близкое разстояніе и завязавъ упорное дѣло, послѣ нѣсколькихъ атакъ, овладѣла передовымъ редутомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, сильная батарея, подставленная къ центру непріятельской линіи, начала громить его лагерь.

Грозныя массы турецкой кавалеріи нѣсколько разъ ходили въ атаку, но безуспѣшно.

Съ другой стороны (на нашемъ лѣвомъ флангѣ за лѣсистую возвышенностью) неустрашимый генераль-маіоръ Дурново, съ храбрыми пол-

¹⁾ Отрядъ принца Евгенія состоялъ изъ 13 баталіоновъ пѣхоты, 18 эскадроновъ кавалеріи и 62 орудій.

²⁾ Полки Украинскій, Одесскій и 20-й егерскій.

³⁾ Полки Азовскій и Дибровскій.

ками Азовскимъ и Днѣпровскимъ, спустившись въ ложину и приближаясь, подъ страшнымъ огнемъ, къ непріятельскому ретраншаменту, бросился на штыки, прорвалъ линію укрѣпленій и завладѣлъ орудіемъ.

Закипѣлъ ужасный бой. Генераль-маіоръ Дурново палъ. Его мѣсто заступилъ генераль-маіоръ Симанскій, приближавшій съ свѣжымъ подкрѣпленіемъ, и бой усилился. Но и Симанскій, оба полковые командира и многіе офицеры были убиты. Зато непріятельская пѣхота дрогнула и отхлынула назадъ. Смятснiе показалось въ турецкомъ лагерѣ.

Уже перевѣсъ видимо клонился на нашу сторону; слѣдовало только подкрѣпить эту горсть храбрѣйшаго войска, усилить быстроту натиска, и побѣда несомнѣнно была бы за нами.

Этотъ важный моментъ постигъ старый вожь, принцъ Евгеній Виртембергскій. Въ этотъ критическій моментъ, онъ пренебрегъ полученною имъ въ это время легкою раною въ плечо, продолжалъ распоряжаться и приказалъ генералу Сухозанету спѣшить наискорѣе съ войсками на подкрѣпленіе второй колонны, принять надъ нею команду и дѣйствовать съ возможною быстротою.

Но генераль Сухозанетъ отказался. Повторенныя строжайшія приказанія не имѣли успѣха. Генераль Сухозанетъ сказался больнымъ ¹⁾.

Между тѣмъ не дрогнувъ духомъ грозный паша. Онъ быстро воспользовался драгоцѣнными минутами промежутка и, когда, такъ сказать, дали ему перевести духъ, двинулъ свѣжія массы пѣхоты и кавалеріи, остановилъ бѣжавшихъ и самъ бросился съ ними въ огонь.

Еще долго толпа храбрѣйшихъ, остатокъ колонны, истребленной на половину, поддерживала упорнѣйшій бой, какъ бы отплевая потерю своихъ начальниковъ. Наконецъ смерть генераловъ Дурново и Симанскаго, двухъ полковыхъ командировъ, многіхъ офицеровъ и болѣе половины солдатъ, а также невозвратимая потеря того важнаго момента, въ который рѣшался жребій этого дѣла, споспѣшествовали оружію Врioni,—п сраженіе съ нашей стороны было проиграно.

Гвардейскіе баталіоны ²⁾, три или четыре раза ходившіе въ атаку. всякій разъ были отражаемы съ урономъ, не оказали ожиданнаго результата и всякій разъ лишь увеличивали новыми жертвами потерю этого дня, и безъ того слишкомъ чувствительную.

¹⁾ Очевидцы утверждали, что Сухозанетъ еще въ началѣ дѣла ушелъ отъ своей колонны въ аррьергардъ, гдѣ и оставался лежа подъ деревомъ во все продолженіе сраженія.

²⁾ Рассказывали, будто, во время слѣдованія на приступъ турецкаго укрѣпленія, лейбъ-гренадеры заговорили, что первые должны идти въ огонь лейбъ-егеря, такъ какъ недавно они утратили свои знамена. Однако, эти баталіоны, шедевръ регулярной пѣхоты, въ этомъ же дѣлѣ доказали, что они такъ же превосходятъ и въ бою, какъ въ парадахъ и на ученьяхъ.

Юный генералъ-маіоръ Дурново, подававшій величайшую надежду въ будущемъ, за доброту, благородство и храбрость, кумиръ офицеровъ и солдатъ, палъ въ этомъ дѣлѣ. Генералъ-маіоръ Симанскій, заступившій мѣсто Дурново, палъ вслѣдъ за нимъ. Флигель-адъютанты: Фридриксъ и князь Мещерскій пали въ этомъ дѣлѣ. Подполковники Ротмистръ и Полявановъ (мой друзья), оба командиры полковъ, пали въ этомъ дѣлѣ. Около 100 штабъ- и оберъ-офицеровъ и до двухъ тысячъ солдатъ пали въ этомъ дѣлѣ!!!¹⁾.

Принцъ Евгенийъ, говорятъ, дотога былъ огорченъ и раздраженъ, что, при всей кротости нрава и при величайшей деликатности, вышелъ изъ себя и при обратномъ слѣдованіи отряда объявилъ гласно, что причиною столь горестной неудачи и потери былъ поступокъ генерала Сухозанета,—а потому, когда, по приказанію его, арьергардъ, при которомъ находился Сухозанетъ, проходилъ мимо отряда впередъ, то принцъ Евгенийъ закричалъ: «Генералъ Сухозанетъ трусъ!»

Ни одинъ человѣкъ изъ тѣхъ, у которыхъ я освѣдомлялся въ истинѣ этого происшествія, не сказалъ мнѣ, чтобы это была неправда²⁾.

Впрочемъ, извѣстно положительно, что генералъ Сухозанетъ, по прибытіи къ Варшѣ, былъ тотчасъ арестованъ по Высочайшему повелѣнію и находился подъ арестомъ въ вагенбургѣ нѣсколько дней; а принцъ Евгенийъ вскорѣ выѣхалъ изъ арміи.

Если природная позиція на Курдтене была весьма выгодна для турокъ, при оборонѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ, то за то эта позиція представляла величайшія затрудненія къ ретирадѣ. Сначала турки, можетъ быть, и не думали объ этомъ; но послѣ сраженія, увидѣвъ на дѣлѣ изумительную храбрость и мужество русскихъ и смекнувъ, что при повторной атакѣ имъ предстоитъ смерть или плѣнъ, они дотога поражены были страхомъ, что по нѣскольку сотъ человѣкъ бѣжало каждую ночь, такъ что въ концѣ сентября, Омеръ-Вріони, раненый самъ въ этомъ дѣлѣ, оставилъ эту позицію, имѣя у себя едва третью часть того числа войскъ, которое было до сраженія.

Изъ всѣхъ дѣйствій, бывшихъ въ эту войну въ Европейской и Азіатской Турціи, не было сраженія болѣе труднаго, болѣе кровопролитнаго.

¹⁾ Въ донесеніи показано изъ 4.900 сражавшихся, потери 1.858 человѣкъ и одно орудіе.

²⁾ Однако, генералъ Сухозанетъ, будучи начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, въ польскую войну (1830—1832 гг.), показалъ себя болѣе чѣмъ храбрымъ. Въ жаркомъ дѣлѣ подъ ст. Милосною, одна колонна, не выдержавъ огня, начала отступать; онъ самъ лично, подъ градомъ ядеръ, ввелъ ее въ дѣло,—и за это самоотверженіе польское ядро оторвало ему палецъ, а эскулапы отрѣзали ногу.

Полки 19-й дивизіи и генераль-маіоръ Дурново оказали храбрость изумительную. За то и мужество турокъ, по истинѣ, достойно удивленія.

Если принцъ Евгений имѣлъ 13-ть баталіоновъ превосходной пѣхоты противъ 8-ми баталіоновъ неучей, и 60 орудій первѣйшей артиллеріи противъ 16 несчастныхъ пушекъ,—то пятнадцать тысячъ турецкой кавалеріи и крѣпкая позиція почти уравнивали это преимущество. Что же было причиною столь несчастной неудачи?.. Не знаю, выиграно ли было бы дѣло, если бы генераль Сухозанетъ и пошелъ въ бой; но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы три гвардейскіе баталіона не были разъединены и были на томъ же пунктѣ, на коемъ дѣйствовали обѣ колонны отряда, и еслибы хотя половина этой сильной артиллеріи была употреблена въ дѣло, то ни трудность позиціи, ни многочисленная кавалерія не спасли бы Врioni отъ совершеннаго пораженія. Однимъ словомъ, для этого дѣла нуженъ былъ вождь съ большимъ талантомъ и болѣе хладнокровный, нежели принцъ Евгений, коего личной храбрости нельзя не отдать справедливости.

IV.

Отступление на зимнія квартиры.

Изъ войскъ, облежавшихъ Шумлу, 3-му корпусу назначено было зимовать въ Валахія, а 6-й и 7-й корпусы, съ нѣкоторыми полками 3-го корпуса, должны были оставаться въ Болгаріи подъ главнымъ начальствомъ генерала Рота и удерживать линію завоеваній нашихъ за Дунаемъ.

Отступление 7-го корпуса отъ Янибазара въ Базарджикъ, на зимнія квартиры, было весьма затруднительно и сопряжено съ потерей многихъ людей, по причинѣ сильнаго холода и страшной ятели, продолжавшейся почти цѣлыя сутки. Но отступление 3-го пѣхотнаго корпуса было ужасное. Сильные дожди, шедшіе предъ этимъ временемъ, сдѣлали дороги, и безъ того чрезвычайно затруднительныя,—почти непроходимыми. Нужно было проходить тѣсь, пересѣкаемый частыми оврагами и рывтинами, по дорогѣ узкой и врѣзанной въ вязкомъ грунтѣ. Въ одномъ весьма дурномъ мѣстѣ, у крутаго подъема на гору, турки, вышедшіе изъ Шумлы и не выпускавшіе изъ виду корпуса, сдѣлали на него нападеніе. Артиллеріи и войскамъ негдѣ было развернуться, и дѣйствовать было весьма неудобно. Но начальникъ штаба этого корпуса генераль-маіоръ князь Дмитріевичъ Горчаковъ (меньшой братъ того князя Горчакова, у коего я былъ адъютантомъ) явилъ въ семъ критиче-

ческомъ случаѣ великое присутствіе духа и замѣчательный военный талантъ. Онъ не только спасъ корпусъ отъ гибели, но вывелъ его со славой изъ столь затруднительнаго положенія съ незначительною потерей.

II. Періодъ Турецкой войны.

1829 годъ.

V.

Зимовка за Дунаемъ.—Базарджикъ.—Праводы.

Для удержанія завоеваній нашихъ за Дунаемъ оставлены были два пѣхотные корпуса 6-й и 7-й, 10-я пѣхотная дивизія и нѣсколько казачьихъ полковъ съ полною артиллеріею; а 3 пѣхотный корпусъ и вся регулярная кавалерія отправились на зимнія квартиры въ Балахию.

Штабъ 6 пѣхотнаго корпуса съ одною дивизіею расположенъ былъ въ Варнѣ, а штабъ 7 корпуса съ 18 пѣхотною дивизіею помѣщался въ Базарджикъ; прочія же войска занимали въ зимнее время разные посты

Главное начальство надъ всѣми войсками за Дунаемъ поручено было командиру 6 корпуса генералу Роту.

Въ зимнее время, кромѣ маловажныхъ стычекъ на фуражировкахъ, ничего особеннаго не было.

Во время зимовки нашей въ Базарджикъ непрерывная смертность наводила невольное уныніе.

Базарджикъ, находясь въ тылу военныхъ дѣйствій и на распутіи многихъ трактовъ, былъ, такъ сказать, притономъ для сброда изъ всей арміи. Притомъ же, лѣтомъ 1828 года, въ этомъ городѣ помѣщался главный госпиталь, поэтому здѣсь было чрезвычайное скопленіе народа всѣхъ возможныхъ полковъ и командъ. При чрезмѣрной тѣснотѣ не было никакой возможности доставить выгодное помѣщеніе и пріемъ для нѣсколькихъ тысячъ больныхъ, кои, по малому объему турецкихъ домиковъ, были въ такомъ мелкомъ раздробленіи, что нѣсколькихъ сотъ человѣкъ прислуги было бы недостаточно для удовлетворенія нуждъ каждого больного. По таковымъ причинамъ, а болѣе по существу самыхъ болѣзней, смертность была во всю зиму очень велика, но въ началѣ весны дошла до того, что погребали многими десятками и даже болѣе ста человѣкъ въ день.

Впрочемъ, въ нашей дивизіи большой убыли не было, ибо люди кормились и содержались очень хорошо, и къ веснѣ полки укомплектовались значительно.

Обыкновенныя занятія въ нашемъ походномъ кругу составляли карты, обѣды, вино; карты, вечера, вино; карты, и вездѣ, и днемъ, и ночью, карты, и карты,—и рѣдко, рѣдко, кое-гдѣ, книги и письмо. Одинъ какой-то нѣмецкій баронъ, получившій въ наслѣдство значительное количество гогеймару, задумалъ было устрашить насъ этимъ прекраснымъ напиткомъ и нѣсколько десятковъ тысячъ бутылокъ этого вина ввалилъ въ Базарджикъ, а мы ему фактивно доказали, что русскіе болѣе любятъ вино, нежели кровь. Въ одинъ мѣсяцъ прекраснаго гогеймару и праху не было. Но гораздо замысловатѣе выкинуть штуку какой-то молдаванъ или валахъ. Въ числѣ разныхъ удобосѣдомыхъ и удобовыпиваемыхъ снадобій овъ ввезъ въ Базарджикъ три каруцы куконицъ ¹⁾; досталось же имъ бѣдняжкамъ.

И турки, такъ же, какъ и мы, грѣшныя, не любятъ воевать зимою, за то, съ открытіемъ весны 1829 года, все поднялось—и война гораздо съ большимъ ожесточеніемъ закипѣла на всѣхъ пунктахъ.

Въ 50 верстахъ отъ Варны и въ 40 верстахъ отъ Шумлы лежитъ г. Праводы (или Параводы) между двухъ утесистыхъ высотъ, въ ущельи, пролегающемъ верстъ на 10 въ длину и около версты въ ширину. Его обтекаетъ рѣка Праводы, падающая въ Камчикъ. Въ мирное время въ немъ было до 20 т. жителей. Чистый нагорный воздухъ, близость моря, прелестное мѣстоположеніе и превосходная, особеннаго вкуса и легкости, вода дѣлаетъ это мѣсто спасительнымъ для здоровья во всей Турціи. По этой причинѣ каждое лѣто бываетъ здѣсь весьма значительный съѣздъ турецкой женской аристократіи. Прелестныя затворницы, прѣзжая сюда изъ Адрианополя, Константинополя и другихъ городовъ, проводятъ здѣсь жаркіе мѣсяцы въ тѣни прекрасныхъ садовъ, освѣжаясь превосходными фруктами и холодною, необыкновенно здоровою, ключевою водою.

Находясь на распутіи многихъ трактовъ, у подошвы Балканскихъ горъ, г. Праводы считается ихъ ключемъ. Посему, составляя важный пунктъ въ стратегическомъ отношеніи, этотъ городъ, огражденный съ двухъ сторонъ природными гигантскими твердынями, въ остальномъ укрѣпленъ былъ славнымъ инженеромъ Бюрно и преобразованъ въ крѣпость недоступную для турокъ.

Мужественный генералъ Купріановъ удерживалъ со славой этотъ постъ съ малымъ числомъ войскъ противъ 40 тысячной турецкой арміи

¹⁾ Куконяца, по-молдавански, барышня, а каруца большая телѣга въ видѣ фургона, въ коей помѣщается 6 и болѣе особъ.

Въ началѣ весны 1829 года въ Праводахъ было два полка пѣхоты, одинъ казачій (всего около 3.000 человекъ) и 36 орудій артиллеріи.

VI.

Дѣло при Эски-Арнаутъ-Ларѣ 5 мая.

Верстахъ въ 8 отъ Праводъ, по направленію къ Базарджику, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинается Праводское ущелье и гдѣ сходятся дороги въ Варну, Шумлу и Базарджикъ, былъ возведенъ редутъ, коего рвы и валы, въ огромнѣйшемъ размѣрѣ, отдѣланы были съ особеннымъ стараніемъ. Редутъ этотъ съ одной стороны командовалъ открытою весьма пространною площадью, а со стороны оврага, гдѣ начинается между двухъ высотъ лѣсистое ущелье, упираясь двумя фасадами почти въ отвѣстную кручу, былъ рѣшительно недоступенъ.

Это урочище называлось Эски-Арнаутъ-Ларь.

Новый верховный визирь, Рейхшадъ-паша, желая оправдать предъ султаномъ свое назначеніе, возымѣлъ пламенное желаніе отнять Праводы.

Если принять въ соображеніе, что графъ Дибичъ находился съ главными силами въ Балахи, за 200 и болѣе верстъ,—что въ двухъ корпусахъ (6-мъ и 7-мъ) наибольшая численность могла простираться до 28.000, а подъ ружьемъ до 15.000, и то растянутыхъ и разбросанныхъ отдѣльно, такъ что въ бой едва-ли можно было выставить до 10.000 человекъ, тогда какъ у верховнаго визиря было въ сборѣ 22 баталіона пѣхоты и 15.000 превосходной кавалеріи,—и наконецъ, если сообразить и то, что Праводы защищали два полукорпусныхъ полка,—то не возможно не убѣдиться, что верховный визирь весьма привольно основывалъ на этихъ элементахъ несомнѣнную надежду на успѣхъ. И было бы такъ неперемѣнно, еслибы онъ имѣлъ побольше военнаго таланта и умѣлъ воспользоваться критическимъ моментомъ, который рѣшалъ и участь Праводъ, и участь кампаніи этого года, а можетъ быть и судьбу войны, еслибы она протянулась до польскаго возстанія. При такомъ затруднительномъ положеніи нашемъ, генералъ Ротъ сочинилъ самъ этотъ фатальный моментъ, по непростительной ошибкѣ, учиненной имъ 5 мая,—и какая ошибка,—ужасная, преступная! мы ее сейчасъ увидимъ.

Почти въ одно время послѣдовало движеніе войскъ и нашихъ, и турецкихъ. Верховный визирь, для достиженія своей цѣли, показался 4 мая въ виду Эски-Арнаутъ-Лара съ своими грозными массами, а 5 мая,

пользуясь предразсвѣтною темнотою и туманомъ, сдѣлать внезапное нападеніе на три полка, стоявшіе у редута. Но храбрыя войска, ожидавшія гостей, не сробѣли и отразили турокъ безъ всякой съ нашей стороны потери. Напротивъ того, масса турецкой кавалеріи, предводимая храбрецомъ наѣздникомъ Галиль-пашою, пронеслась, какъ вихрь, мимо нашихъ колоннъ и, избѣгая батальнаго огня, въ туманѣ и темнотѣ, наткнулись на ровъ редута. Освѣщенные выстрѣлами орудій, турки ужаснулась, увидѣвъ себя предъ самыми жерлами, извергавшими разрушительный огонь, и бросались стремглавъ въ оврагъ, увлекая за собою пораженныхъ. Здѣсь заняли они Праводскую дорогу, пролегавшую по лѣсистому ущелью.

До сихъ поръ дѣло шло недурно, но вотъ гдѣ начинается та ужасная ошибка, которая грозила гибелью и войскамъ, и славъ нашего оружія.

Генераль Ротъ, извѣщенный объ упомянутомъ нападеніи, явился въ Эски-Арнаутъ-Ларъ, куда прибыли изъ Девно 31 и 32 егерскіе полки. Первымъ его дѣйствіемъ было остановить 18 дивизію, слѣдовавшую къ этому же пункту, на томъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ приказаніе; и мы были оставлены верстахъ въ 4 отъ Эски-Арнаутъ-Лара. Потомъ, узнавъ, что турки заняли Праводскую дорогу и тянутся по ней къ Праводамъ, онъ послалъ на эту самую дорогу Охотскій полкъ съ двумя орудіями, съ приказаніемъ проникнуть по ней въ Праводы. Этотъ полкъ, несчастная жертва, не успѣвъ пройти и одной версты, былъ совершенно окруженъ непріятелемъ; тогда послалъ онъ еще на жертву 31 егерскій полкъ съ двумя же орудіями, но и его постигла та же участь. Оба полка были подавлены страшными массами турецкой кавалеріи и пѣхоты, и засыпаны картечью ихъ многихъ орудій. Генераль Ротъ, видя неизбежную гибель этихъ полковъ, вынужденъ былъ послать къ нимъ на помощь еще два полка, свой послѣдній резервъ, кои, не безъ значительнаго урона съ своей стороны, успѣли спасти лишь ничтожные остатки, не дорѣзанные турками,—и то потому, что турки, уставшіе отъ рѣзни, прекратили это кровавое побоище, по случаю наступленія ночи.

Изъ двухъ полковъ уцѣлѣло отъ истребленія около 150 нижнихъ чиновъ и 7 или 8 офицеровъ; остальное все погибло, въ томъ числѣ 4 орудія и дивизіонный генераль Рынденъ, о смерти коего невозможно вспоминать безъ содроганія. Былъ раненъ, онъ попался туркамъ въ руки и былъ заживо замученъ въ ужасныхъ страданіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Ему вырѣзали на груди крестъ и по вырѣзаннымъ мѣстамъ содрали кожу и отрѣзали уши и носъ. Въ таковомъ положеніи его погребали въ нашей дивизіи и положили въ одинъ гробъ съ его адъютантомъ, княземъ Вадбольскимъ. Я видѣлъ въ то время этого мученика и нынѣ не могу объ этомъ вспомнить безъ содроганія.

Таковы были послѣдствія этой важной ошибки, но они были бы несравненно ужаснѣе, еслибы верховный визирь умѣлъ ею воспользо-ваться.

Въ сумерки, того же 5-го числа мая, 7 корпусъ, или, лучше сказать, 18 дивизія прибыла въ Эски-Арнаутъ-Ларъ. Все было въ какомъ-то безмолвномъ уныніи, а генераль Ротъ въ отчаянномъ безпокойствѣ.

Дорого и дорого заплатились турки за это пораженіе, какъ увидимъ ниже.

Спустя нѣсколько дней Вятскій полкъ, нагруживъ ранцы сухарями, пущень былъ въ темную ночь по охотничьей тропинкѣ, едва проходимой, и по оплошности турокъ проникъ въ Праводы. Вскорѣ открыто было съ этой крѣпостію сообщеніе, и къ 3-мъ полкамъ ея гарнизона присоединились еще 37 егерскій полкъ и два полка уланъ.

VII.

Генеральное сраженіе при с. Кулевчи 30-го мая.

Пораженіе 5-го мая и малочисленность Праводскаго гарнизона и отряда, бывшаго въ Эски-Арнаутъ-Ларѣ, въ коемъ всего было девять пѣхотныхъ полковъ, усилили желаніе верховнаго визиря овладѣть этою крѣпостію до прибытія главнокомандующаго съ войсками изъ Валахіи. Съ этой цѣлю онъ взялъ изъ Шумлы большую часть гарнизона и артиллеріи и, обложивъ Праводы, началъ вести осаду съ возможною дѣятельностію.

Генераль Ротъ, провѣдавъ объ этомъ, возмѣнилъ мысль, что если главнокомандующій явится внезапно съ войсками предъ Шумлою, чрезвычайно ослабленною гарнизономъ, выведеннымъ визиремъ, то, заградивъ ему, въ трудныхъ дефилеяхъ при Кулевчи, обратный проходъ къ Шумлѣ, можно заставить его принять сраженіе или при Кулевчи, или на Невчинской долигѣ, еслибы визирь захотѣлъ прорваться въ Шумлу по этому пути. Эта мысль была одобрена и принята графомъ Дибичемъ и графомъ Толемъ, и для приведенія ея въ исполненіе начались дѣйствія.

Во-первыхъ, распущена была молва, что главнокомандующій, ожидая изъ Россіи партій для укомплектованія 2-го и 3-го корпусовъ, понесшихъ отъ войны и смертности значительную потерю въ людяхъ, ранѣе половины іюня тронуться съ мѣста не можетъ.

Во-вторыхъ, дѣлано было однообразное движеніе 6-го и 7-го корпусовъ отъ Эски-Арнаутъ-Лара къ Кистенджи и обратно, съ цѣлю показать этимъ бездѣйствіемъ, что генераль Ротъ, по слабости силъ, и не думаетъ о наступательномъ движеніи.

Въ третьихъ, всѣ дороги, изъ Валахін къ Шумлѣ, строго были оберегаемы казачьими разъѣздами и пикетами, дабы вѣсть о движеніи главнокомандующаго съ войсками изъ Валахін не могла дойти до визиря.

При такомъ положеніи дѣлъ, верховный визирь, усиленный слухами о нескоромъ прибытіи войскъ и желая воспользоваться временемъ, занялся усердно осадю Праводъ и спѣшилъ взять крѣпость до прибытія главныхъ силъ.

Такъ протекали три недѣли послѣ пораженія 5-го мая. Между тѣмъ въ теченіе этого времени, стянулись многія команды, разбитые полки укомплектовались, три пѣхотные полка присоединились къ нимъ, и прибыли двѣ уланскія дивизіи съ артиллерією въ полномъ составѣ.

Вдругъ, 28-го мая, главнокомандующій графъ Дибичъ, съ 26 баталіонами, съ 26 эскадронами, съ двумя казачьими полками и съ 120 орудіями конной и пѣшей артиллеріи явился неожиданно у Коалуджи. Тотъ же часъ пославъ два сильные наблюдательные отряда, изъ кавалеріи и артиллеріи, къ Шумлѣ и на Невчинскую долину къ Праводамъ и два полка кавалеріи на Марашскую дорогу, идущую изъ Праводъ, — самъ съ главными силами двинулся быстро, — на разсвѣтъ, 29-го мая, прибылъ въ Янибазаръ и въ тотъ же день подступилъ къ Кулевчинскимъ высотамъ, оставивъ въ тылу, при Невчинской долині, 6-й и 7-й корпуса, съ ихъ артиллерією и кавалерією.

Распоряженія эти, плоды глубокихъ соображеній искуснаго вожда, вели къ несомѣнному результату вызвать визиря на бой.

Шумла, сильнѣйшая сухопутная крѣпость въ Европейской Турціи, постоянный оплотъ для турокъ въ Болгаріи, постоянная гроза для русскихъ, вмѣщала въ себѣ, притомъ, огромнѣйшіе провіантскіе магазины, арсеналы и многіе склады военныхъ запасовъ, аммуничныхъ и обмундировочныхъ вещей. Поэтому верховный визирь скорѣе согласился бы отдать свою голову, чѣмъ это сокровище, ибо грозный султанъ Махмудъ ни во вѣки не спустилъ бы подобной шутки. Посему видимо было, что визирь, внезапно захваченный у Праводъ, долженъ былъ броситься на спасеніе Шумлы, чрезмѣрно имѣ же самимъ обезсиленной выводомъ войскъ и артиллеріи. Между тѣмъ предначертанія генерала Дибича были такъ обдуманнны и положительны, что Рейхшидъ-паша поставленъ былъ въ неизбежную необходимость принять сраженіе, по какой дорогѣ ни вздумалъ бы пробираться въ Шумлу. Ибо изъ Праводъ въ Шумлу были только три дороги проходимыя. Одна чрезъ Невчу и Янибазаръ, — здѣсь былъ генералъ Ротъ съ двумя корпусами; другая чрезъ Кулевчинскія высоты, чрезвычайно затруднительная, но ближайшая, на семъ пунктѣ былъ самъ графъ Дибичъ съ главными силами, — и третья, самая отдаленная, дорога пролегла чрезъ с. Марашъ, которое находилось отъ главныхъ силъ нашихъ верстахъ въ шести и

было тоже подь строгимъ наблюденіемъ. Можетъ быть, визирь и пустился бы по этому пути, еслибы былъ менѣе обезпеченъ и болѣе смѣливъ. Но, кажется, сама судьба влекла его къ погибели, — въ награду за его кровожадную жестокость, — и споспѣшествовала оружію нашему. Къ вѣвшему несчастію турокъ, ихъ высокостепенный садыръ-аазамъ ¹⁾ только 29-го мая по полудни извѣщенъ былъ о появленіи русскихъ войскъ у Шумлы, у Кулевчинскихъ высотъ и у Невчи, а хуже всего было то, что онъ не вѣдалъ своего затруднительнаго положенія и, по дурной распорядительности, не зналъ и даже не подозрѣвалъ, чтобы это былъ генераль Дибичъ, прибывшій съ главными силами изъ-за Дуная. Напротивъ, принимая всѣ эти войска за два корпуса генерала Рота, усиленные, какъ извѣстно было, свѣжими подкрѣпленіями, Рейхшидъ-паша, при этомъ извѣстіи, пришелъ въ страшный гнѣвъ, бросился тотъ же часъ къ Кулевчинскимъ тѣснинамъ со всею арміею и, — въ полной увѣренности разгромить эти корпуса, — грозился клятвенно дать жесточайшій урокъ генералу Роту, дерзнувшему, какъ онъ самъ выражался, стращать его осадю Шумлы и мечтавшему этимъ маневромъ спасти Праводы ²⁾).

Приступая къ разсказу о генеральномъ сраженіи, бывшемъ подь Кулевчи 30 мая 1829 года, считаю необходимымъ упомянуть какъ вообще о мѣстности этой части театра войны, такъ равно и о той, на коей происходило это важное дѣло. Дать ясное объ этомъ понятіе невозможно, по крайней мѣрѣ я постараюсь изложить мою о семъ идею такъ, какъ я ее затвердилъ, съ возможною при томъ краткостію.

Болгарія разстлана въ долинѣ праваго берега Дуная длинною полосою по сѣверному склону Балканскихъ горъ, лежащихъ параллельно съ Дунаемъ. Ея плоскость, у Дуная ровная, съ удаленіемъ отъ этой рѣки, становится волнообразною и потомъ болѣе и болѣе гористою и гѣсистую по мѣрѣ приближенія къ Балканамъ.

По этой мѣстности, отъ Чернаго моря къ Дунаю, оказываются почти на одной линіи: Варна, Праводы, Шумла, Разградъ и Русчукъ на Дунаѣ. Эту линію, между Праводами и Шумлою, перерѣзываетъ длинная гора въ перпендикулярномъ направленіи отъ Эски-Арнаутъ-Лара къ Балканамъ. Гора эта, или высота, со стороны Шумлы тянется утеси-

¹⁾ Садыръ-аазамъ, верховный вождь, главнокомандующій.

²⁾ Послѣ адрианопольскаго мира, въ январѣ или февралѣ 1830 года, верховный визирь Рейхшидъ-паша, идучи изъ Шумлы въ Константинополь, останавливался въ Ямболѣ, гдѣ стояла тогда 18 дивизія. Ему былъ выставленъ почетный караулъ и угощали въ продолженіе двухъ дней. Бывшій при немъ эфендія познакомился со мною и послѣ, бывши въ Варнѣ, видѣлся со мною и разсказывалъ мнѣ приводимое обстоятельство, которое подтвердили и другіе турки, бывшіе въ Кулевчинскомъ дѣлѣ.

стымъ хребтомъ, а къ Праводамъ разстилается пологимъ скатомъ и представляетъ обширную равнину, оканчивающуюся лѣсомъ у Камчика.

Кряжъ горы этой, извиваясь разными линіями, противъ Шумлы образуетъ продолговатую впадину, по срединѣ коей еще другая впадина же въ видѣ острого угла, или копья. Площадь, вмѣщающаяся въ этомъ огромномъ углубленіи, занимаетъ болѣе 3 верстъ по направленію къ Шумлѣ и около 5 по протяженію горы, со стороны коей окружена высокими утесами, а къ Шумльской равнинѣ открыта, спускается склономъ и перерѣзывается, въ томъ же направленіи, тремя рытвинами, соединяющимися въ одинъ глубокій и широкій обрывъ. Черезъ этотъ обрывъ, въ глубинѣ коего течетъ горный протокъ, перекинутъ каменный мостъ. Напротивъ его деревня Кулевча, расположенная подъ самыми скалами; возлѣ Кулевчи, ея присѣлокъ, или другая деревня Чырковна, а изъ самаго углубленія острого угла выходитъ Праводская дорога въ Шумлу, пролегающая чрезъ Чырковну, мимо Кулевчи, на каменный мостъ. Дорога эта камениста, узка, мѣстами глубоко врѣзывается въ землю и идетъ по крутымъ спускамъ и подъемамъ.

Самая поверхность описанной площади, перерѣзанная обрывомъ, представляется въ двухъ совершенно противоположныхъ видахъ. Та часть, по коей идетъ Праводская дорога мимо Кулевчи, холмиста, частію покрыта лѣсомъ и рытвинами; поэтому чрезвычайно неудобна и затруднительна для дѣйствія артиллеріи и кавалеріи, между тѣмъ какъ противоположная ей сторона, представляя обширную открытую высоту, имѣетъ природное превосходство для военныхъ дѣйствій и особенно для артиллеріи.

И въ эту-то трущобу, или, лучше сказать, западню, влѣзъ высоко-степенный визирь съ своею арміею!..

Соображая умственно эту мѣстность, сколько могу ее припомнить, кажется, невозможно было избрать для сраженія позиціи, болѣе выгодной для російской арміи и болѣе невыгодной для турецкой.

Отдавая справедливую славу графу Дибичу, такъ умно и искусно заманившему визиря въ разставленныя сѣти, невозможно не удивляться крайней оплошности Рейхшидъ-паши, столь простоудушно поддававшегося военной хитрости. Однакоже нельзя не отдать справедливости и турецкому оружію въ томъ, что побѣда обошлась намъ не дешево и съ потерей со стороны турокъ не въ такомъ видѣ, какъ бы ожидать слѣдовало.

Начало Кучевчинской битвы извѣстно мнѣ по слуху ¹⁾ и по разска-

¹⁾ Говорю,—по слуху, ибо, бывъ въ это время верстахъ въ двухъ, я слышалъ стрѣльбу, крики и вопли людей, но не могъ видѣть ничего, находясь подъ самой горой у Мадарды.

замъ очевидцевъ, а потому, въ повѣтствованіи о немъ, не могу распространяться, окончавія же этого дѣла я былъ самъ очевидцемъ, слѣдовательно, опишу его такъ, какъ видѣлъ.

Въ ночь, съ 29 на 30 мая, 6 и 7 корпуса (въ числѣ 22 баталіоновъ, 26 эскадроновъ, 8 ротъ артиллеріи и 3 казачьихъ полковъ) прибыли къ Мадардѣ и остановились подъ горою. Главнocomандующій находился здѣсь съ сильною артиллеріею и нѣсколькими баталіонами.

Еще съ вечера, 29 числа, авангардъ, подъ командою генералъ-маіора Отропченки, состоявшій изъ 11 и 12 егерскихъ полковъ, изъ 1 баталіона Муромскаго и 3 эскадроновъ Иркутскаго гусарскаго п., съ 10 орудіями, занялъ позицію между Кулевчею и Чирковною, имѣя гусаръ съ 4 конными орудіями и Муромскій баталіонъ впереди Чирковны.

1 бригада 6 пѣхотной дивизіи съ батарейною ротою поставлена была на противоположной высотѣ не далеко отъ каменнаго моста, имѣя въ резервѣ Копорскій пѣхотный полкъ и гусарскую бригаду съ конно-батарейною ротою № 19; а ниже того же моста при спускѣ находились двѣ бригады 5 пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріею.

Съ разсвѣтомъ 30 мая, многочисленныя массы турецкой конницы и пѣхоты показались предъ Чирковною и на высотахъ горъ, а артиллерія продолжала спускаться по кручамъ Праводской дороги.

Вскорѣ послышалась бѣглая стрѣльба баталіоновъ; затѣмъ, грехотъ батальнаго огня, то прерывистый, то продолжительный, умолкалъ и раздавался вновь, смѣшиваясь съ ревомъ орудій и съ отчаянными криками и воплями людей. Этотъ ужасный бранный ликъ возвѣщалъ начало великаго дѣла.

Не входя въ подробное описаніе, скажу кратко, что авангардъ нашъ въ самое кратчайшее время былъ разбитъ совершенно. Иркутскій полкъ (3 эскадрона) потерялъ свой штандартъ, пушки и болѣе половины гусаръ; въ двухъ егерскихъ полкахъ едва-ли уцѣлѣла пятая часть людей, а Муромскій баталіонъ былъ истребленъ до послѣдняго человѣка.

Между тѣмъ, въ то время какъ происходила смертельная рѣзня у Кулевчи, на противоположной высотѣ показалась Анадольская конница, въ числѣ 6 или 7 колоннъ, и съ яростію атаковала 1-ю бригаду 6 пѣхотной дивизіи; но стройные полки Софійскій и Невскій приняли эту атаку съ удивительнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ; къ нимъ подошли на помощь Копорскій пѣхотный и два полка гусаръ съ конно-батарейною № 19 ротою, и отчаянные храбрецы были опережены, обозначивъ свой страшный путь собственными тѣлами.

Эта кровавая схватка, чувствительная для нашей арміи, была впрочемъ, не безъ пользы въ томъ отношеніи, что турецкая кавалерія, долетѣвшая до моста, не могла видѣть остальныхъ нашихъ войскъ, стоявшихъ у Мадарды и закрытыхъ высотой; поэтому визирь, не вѣдая о нихъ,

остался при мысли, что имѣть дѣло съ корпусами генерала Рота, а потому, ободренный удачнымъ началомъ, продолжалъ спускаться съ высоты артиллерію и войска, тѣснимыя генераломъ Купріяновымъ со стороны Праводъ.

Въ это время я посланъ былъ съ свѣтскимъ офицеромъ для занятія мѣста подъ дивизію по новой диспозиціи.

Остановившись на высотѣ, я былъ пораженъ величественнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужаснымъ зрѣлищемъ этого браннаго поля. Здѣсь, у моста, нѣсколько тысячъ превосходной пѣхоты и страшная артиллерія стояли неподвижно въ боевомъ строю, въ какомъ-то грозномъ безмолвіи;—а тамъ, вдали, бѣлѣлись груды обнаженныхъ труповъ храбрыхъ муромцевъ и егерей, нѣмые свидѣтели того, что недавно происходило. Бѣлѣлись, и невольно вызывали благоговѣйный вадохъ сожалѣнія. Съ другой стороны, ясная погода южнаго климата и прелестнѣйшее майское утро представляли въ восхитительномъ видѣ дикую дѣвственную мѣстность, на коей выглянувшее изъ-за горъ солнце, освѣтивъ кровь и смерть, казалось, съ скорбію смотрѣло на страждущее человѣчество, люто терзавшее другъ друга вмѣсто наслажденія спокойною жизнію и благами природы...

По новой диспозиціи войска стали въ слѣдующемъ порядкѣ:

18-я и 16-я пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллерією, стали на высотѣ, въ подковыхъ колоннахъ, фронтомъ къ Кулевчѣ, имѣя на правомъ своемъ флангѣ три полка 2-й гусарской дивизіи. Во второй линіи стали три полка 3-й гусарской дивизіи, три полка уланъ и казачьи полки, съ ихъ артиллерією.

Затѣмъ, четыре полка 5-й пѣхотной дивизіи и при нихъ 12 орудій легкихъ, 24 батарейныхъ и 8 конно-батарейныхъ единороговъ ¹⁾, подъ предводительствомъ начальника главнаго штаба арміи, графа Толя, выстроились у моста и изготовились къ бою.

Эти новыя массы пѣхоты и кавалеріи, съ многочисленною артиллерією, поразили взвиря изумленіемъ и ужасомъ. Тутъ-то увидѣлъ онъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ хотѣлъ было ретироваться на Марашскую дорогу или на Камчикъ, но уже было поздно.

Быстро повелъ графъ Толъ въ Кулевчинскія тѣсины свои полки и артиллерію. Находясь въ головѣ колоннъ, онъ ѣхалъ верхомъ съ необыкновеннымъ, свойственнымъ ему, хладнокровіемъ и въ эти минуты казался героемъ. Подведя войска на близкое отъ непріятеля разстояніе, онъ поставилъ конную батарею и двѣ батарейныя роты на весьма выгодномъ мѣстѣ и открылъ разрушительный огонь по многочисленнымъ колоннамъ турецкой кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи,

¹⁾ Конно-батарейная рота № 19 подъ командою капитана Бобылева.

сбившимся, такъ сказать, въ кучу и отъ тѣсноты, на этой невыгодной позиціи, не имѣвшимъ возможности развернуться и дѣйствовать съ успѣхомъ.

Скоро замолкли турецкія пушки,—и нашей превосходной артиллеріи предоставлено было рѣшить жребій этого генеральнаго сраженія.

Капитанъ Бобылевъ мѣткими выстрѣлами своихъ 24-хъ фунтовыхъ единороговъ взорвалъ на воздухъ турецкіе зарядные ящики и произвелъ ужасное пораженіе въ турецкихъ войскахъ.

Ужасъ овладѣлъ турецкою арміею. Верховный визирь заплакалъ, произнесъ нѣсколько разъ имя султана Махмуда и удалился съ поля сраженія, подъ прикрытіемъ тысячи албанскихъ всадниковъ.

Все дрогнуло. Страшное смятеніе закипѣло въ турецкомъ воинствѣ. Всякъ бросился спасаться, куда попалъ.

Это было около 4-хъ часовъ по полудни. Преслѣдованіе непріятеля продолжалось быстро и, разумѣется, успѣшно. 60 орудій, зарядные ящики, обозъ и множество плѣнныхъ были добычею побѣдителей.

Такъ совершилось генеральное сраженіе подъ Кулевчею. Описание мое о немъ не подробно и въ стратегическомъ отношеніи не удовлетворительно; за то, я передаю мой разсказъ по строгой справедливости о томъ, что видѣлъ собственными глазами.

Мнѣ остается изложить мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ.

Если принять въ соображеніе, что на полѣ сраженія было съ нашей стороны 58 баталіоновъ превосходной регулярной пѣхоты, 60 эскадроновъ кавалеріи, пять казачьихъ полковъ и 250 орудій первѣйшей артиллеріи,—то могъ ли противъ такихъ силъ держать борьбу верховный визирь съ своими 22-мя баталіонами неучи, съ 15 т. кавалеріи, правда, неистово храброй, за то съ 60-ю орудіями разнокалиберной и самой жалкой артиллеріи?.. Да притомъ безталантный визирь имѣлъ противъ себя геніальнаго вождя и никакой позиціи!!!

Посему пораженіе турецкой арміи, собственно, какъ пораженіе, было дѣло весьма далекое отъ тѣхъ великихъ сраженій, въ коихъ обезсмертили себя наши геніальные полководцы: Румянцевъ подъ Кагуломъ, Суворовъ на Рымникѣ, а Котляревскій подъ Ленкоранью и Асландузомъ. Но завлечь визиря съ его арміею на такую позицію было дѣло, по истинѣ, чрезвычайно трудное. Оно совершено съ глубокимъ соображеніемъ, умно и успѣшно. Въ этомъ нелестная слава принадлежитъ графу Дибичу и его знаменитому помощнику, графу Толу.

Съ другой стороны, пораженіе верховнаго визиря, не важное на полѣ брани, есть дѣло весьма важное великими результатами. Переходъ черезъ Балканы и взятіе городовъ Айдоса, Карнабата, Селимпо, Ямболя, Адрианополя и другихъ, наконецъ, заключеніе Адрианополь-

скаго мира, на указанныхъ условіяхъ, было послѣдствіемъ Кулевчинской побѣды. Однимъ словомъ, побѣда при с. Кулевчѣ рѣшила участь всей войны.

At ludit in humanis Divina potentia rebus,—
Et saepe in paucis claudere magna solet vires..
Но промыслъ Божій непреложный
Во всемъ свой дивный перстъ являетъ—
И случай, явогда ничтожный,
Судьбу великихъ дѣлъ рѣшаетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

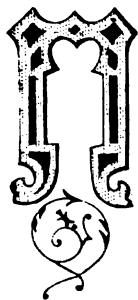

Записки Іосифа Петровича Дубецкаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ¹⁾.

VIII.

Боязнь. — Переходъ чрезъ Камчикъ и за Балканскія горы. — Дѣло подъ Айдосомъ.

Первымъ результатомъ Кулевчинской побѣды было перенесеніе театра войны за Балканы, за коими отъ существованія турецкой монархіи не была нога русскаго воина. Въ ожиданіи нужныхъ для сего приготовленій, мы простояли въ окрестностяхъ Шумлы до начала іюля.

Въ іюнѣ показалась въ войскахъ чумная горячка, а мѣстами и самая чума. Боязнь и ужасъ овладѣвали самыми твердыми людьми.

Заболѣвъ этою горячкою, я былъ семь дней въ совершенномъ безпамятствѣ. Въ одну ночь лежа въ палаткѣ одинъ, въ бреду горячечномъ, когда не было при мнѣ никого изъ прислуги, я сѣлъ на постели, поджавши ноги, поставилъ на колѣни тазъ, высыпалъ въ него нѣсколько пистолетныхъ патроновъ, лежавшихъ подъ головами вмѣстѣ съ пистолетами, — и придерживая лѣвою рукою тазъ, правою зажегъ порохъ пустымъ патрономъ, запаленнымъ на свѣчѣ. Всѣ эти подробности я припомнилъ ясно, когда пришелъ въ себя. Сильная вспышка охватила пламенемъ правый рукавъ бывшаго на мнѣ бешмета и длинные концы шелковаго платка, бывшаго на шеѣ, опалила обѣ руки и немного лицо. Я закричалъ, быстро началъ тушить воспламенившійся платокъ и бешметъ, и въ этотъ мигъ пришелъ въ совершенную память. Мой Па-

¹⁾ См. «Русскую Старину» май 1895 года.

влушка, храпѣвшій возлѣ палатки, проснулся, прискочилъ ко мнѣ, помогъ потушить горѣвшее платье и подалъ остальную помощь.

Не знаю, испугъ, или боль отъ обжоговъ явили удивительное дѣйствіе:—только съ этой минуты я почувствовалъ совершенную перемѣну. Явился аппетитъ къ разнымъ любимымъ кушаньямъ, къ вину и даже къ трубкѣ, тогда какъ семь сутокъ крошки не было во рту, кромѣ лѣкарствъ и воды. Этотъ переломъ произошелъ въ ночи на 29 числа іюня, а въ ночи 4 іюля я уже ѣхалъ верхомъ при дивизіи, слѣдовавшей чрезъ Кулевчинскія высоты на Камчикъ. Правда, возлѣ меня шелъ человекъ и поддерживалъ меня, но я все-таки ѣхалъ, употребивъ всѣ мои силы. Ибо несравненно лучше желать умереть отъ пули, чѣмъ отъ подлой чумы. Въ продолженіе этого форсированнаго марша, я ѣхалъ то верхомъ, то на орудіи, то шелъ пѣшкомъ и не могу выразить, какъ трудно и беспокойно было для меня подобное путешествіе при слабости моей послѣ горячки. Зато здоровье мое поправлялось съ каждою минутою; зато,—прибывъ на Камчикъ, съ какимъ восторгомъ повалился я на коверъ, съ какимъ наслажденіемъ пилъ чай и ужиналъ,—и какимъ богатырскимъ сномъ уснулъ!..

Для исторической связи повѣствованія о турецкой войнѣ, я долженъ упомянуть здѣсь, что 6-й корпусъ, подъ командою генерала Рота, направленъ былъ по приморской дорогѣ; 7-й, подъ командою генерала Ридигера, шелъ правѣе и составлялъ авангардъ арміи; за нимъ слѣдовалъ 2-й пѣхотный корпусъ подъ командою графа Палена, при коемъ находилась и главная квартира, — а 3-й пѣхотный корпусъ, подъ командою генерала Красовскаго, оставался подъ Шумлою и въ Варнѣ.

Утромъ іюля 6 числа, мой Павлушка ¹⁾ съ трудомъ разбудилъ меня. Его возгласъ: «вставайте скорѣе, — идуть за Камчикъ; уже и мостъ навели, князь приходилъ сюда два раза, да не велѣлъ васъ будить; вонъ смотрите, егеръ идетъ уже на мостъ», — подѣйствовалъ на меня какъ электрическій ударъ. Я вскочилъ, пѣшкомъ догналъ дивизію на мосту и въ нѣсколько минутъ очутился на другомъ берегу при генералѣ, который привѣтствовалъ меня съ искреннимъ участіемъ. Заботливый мой денщикъ, Павлушка, не хотѣлъ, чтобы труды его пропали понапрасну, а потому, уже во время перестрѣлки, отозвавъ меня въ сторону подъ огромное дерево, къ крайнему моему изумленію и радости, показавъ мнѣ и чайный дорожный приборъ, и булку, кои другой мой денщикъ Иванъ держалъ вмѣстѣ съ лошадыю. Нашлись друзья раздѣлить эту радость,—и чайникъ былъ осушенъ въ нѣсколько минутъ.

¹⁾ Онъ былъ мой вѣрный слуга, будучи у меня денщикомъ въ теченіе 12-ти лѣтъ.

Погода была прелестная. Дѣло было небольшое, кончилось скоро и снѣжно, такъ что къ 6-ти часамъ по полудни корпусъ нашъ былъ уже въ д. Куприкой, а 7 іюля въ Дервишъ-джованѣ.

Въ три перехода мы перешли Балканскія горы. Дорога въ этихъ горахъ лучше, нежели по ровнымъ мѣстамъ, и не представляетъ затрудненій въ пути, кромѣ нѣсколькихъ крутыхъ спусковъ и подъемовъ. Побѣда сопутствовала намъ вездѣ,—и говоря правду, дѣла были такъ не важны, что даже нечего объ нихъ и писать.

Самое замѣчательное дѣло, какое имѣлъ 7-й пѣхотный корпусъ за Балканами, было подѣ Айдосомъ іюля 14 дня.

Отрасль Балканскихъ горъ, отдѣляясь отъ главнаго кряжа, пролегаетъ по Румелии на нѣсколько десятковъ верстъ. Въ этой вѣтви горъ есть впадина въ видѣ буквы П, болѣе двухъ верстъ въ поперечникѣ и около шести верстъ въ углубленіи. Въ этой впадинѣ раскинутъ у подошвы горы небольшой, но красивой и богатый городокъ Айдось.

Ночью съ 13 на 14 іюля, 7-й корпусъ, приблизясь къ городу, былъ построенъ въ боевой порядокъ на высотѣ, имѣя на правомъ флангѣ уланскую бригаду и два казачьихъ полка.

Предъ фронтомъ 18-й дивизіи, на разстояніи полуружейнаго выстрѣла, начинался крутой скатъ высоты, на коей стояли войска, и закрывалъ ложину, или, лучше сказать, равнину, разстилавшуюся предъ городомъ.

При восхожденіи солнца, когда еще не исчезнулъ туманъ, густая колонна турецкой кавалеріи вдругъ вынырнула изъ-подъ ската предъ 18-ю дивизією и наткнулась прямо на батарейную роту полковника Штейбе. Два, или три залпа картечью изъ 12 орудій большого калибра на столь близкомъ разстояніи были удачны дотого, что съ исчезнувшимъ пороховымъ дымомъ исчезла и колонна,—и лишь чрезъ нѣсколько минутъ показалась вдали удаляющеюся за горами, усыявъ путь свой трупами.

Удачное начало было благовѣстію побѣды. Баталіонъ турецкихъ стрѣлковъ, залегшихъ въ канавѣ подѣ городомъ, не долго могъ держаться; а массы турецкой конницы и пѣхоты, занимавшія высоты, окружавшія городъ, не могли сопротивляться быстрому натиску двухъ егерскихъ полковъ и остальной пѣхоты. Чрезъ нѣсколько часовъ г. Айдось былъ занятъ съ незначительною съ нашей стороны потерей.

У насъ вышло изъ фронта до 100 человекъ; у турокъ убитыхъ и раненыхъ, полагаю, было болѣе 300, да взято въ плѣнъ болѣе 200 низамовъ ¹⁾ и до 20 чиновныхъ лицъ и проч.

¹⁾ Низамъ, или низамъ-джедидъ,—солдатъ регулярнаго войска, пѣхотинецъ.

Дня чрезъ два 7-й пѣхотный корпусъ расположился на бивуакахъ предъ г. Кирнабатомъ, отстоящимъ верстахъ въ 25-ти отъ Айдоса и занятымъ нашею конницею безъ боя.

31 іюля взятъ былъ городъ Салимпо.

Наконецъ на разсвѣтъ прелестнѣйшаго лѣтнаго дня 8 августа, пѣхотные и кавалерійскіе полки, съ ихъ артиллеріею, 2-го, 6-го и 7-го корпусовъ, предстали предъ величественнымъ Адрианополемъ и, вытянувшись на высотахъ въ 3-хъ верстахъ отъ города, изобразили великолѣпное зрѣлище грозной арміи въ боевомъ строю.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ турки, уstraшенные приготовленіями къ бою, положили оружіе. Сераскиръ Галиль-паша и генералъ-губернаторъ Адрианополя подписали конвенцію о сдачѣ города, а жители, не дождавшись этой конвенціи, толпами вышли на встрѣчу войскамъ. Главнокомандующій со всѣмъ штабомъ расположился въ дворцахъ Эски-сарая, древней резиденціи султановъ, 18-я пѣхотная дивизія, назначенная къ занятію города, раскинула лагерь свой между городомъ и рощею, или паркомъ; 2-й пѣхотный корпусъ, перейдя за Адрианополь, остановился на константинопольской дорогѣ, а 6-й со стороны Кирьлиссы.

Здѣсь окончились военныя дѣйствія наши за Балканами, а съ ними окончилась и турецкая война.

IX.

Адрианополь.

Едва успѣли публичные глашатаи прокричать по городу вѣсть о сдачѣ Адрианополя, какъ тотчасъ толпы турокъ, грековъ, армянъ, жидовъ нахлынули на нашъ лагерь; одни изъ простаго любопытства, а другіе изъ видовъ торговли, — и нашъ лагерь изъ тихаго сдѣлался шумнымъ торжищемъ. Разныя матеріи, всевозможные свѣжіе фрукты, конфеты, вино, ромъ, табакъ, булки, даже рыба и мясо разносились и продавались по выгоднымъ цѣнамъ и для покупателей, и для торговцевъ. Нѣкоторые явились даже съ ручными кухнями, или желѣзными очажками, и пріютившись въ удобныхъ мѣстахъ въ кругу нашихъ солдатъ, жарили имъ свои кибобы, шашлыки и пирожки.

Въ 5 часовъ заиграла въ полкахъ музыка, составились кружки пѣсенниковъ, и въблизи лагеря заестрѣлись группы женщинъ, изъ коихъ каждой сердечно хотѣлось побывать въ русской палаткѣ, разумѣется, изъ любопытства, общаго всему женскому полу.

Изъ числа прогуливавшихся по лагерю посѣтителей, два степенные турка, прилично одѣтые, были приглашены мною въ палатку, и, къ удивленію моему, одинъ изъ нихъ началъ объясняться по-русски очень понятно. На вопросъ мой, гдѣ онъ выучился русскому языку, онъ разсказалъ мнѣ, что въ бывшую войну съ Россіею, въ 1810 году, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и болѣе двухъ годовъ жилъ въ Курской губерніи, гдѣ былъ очень хорошо принятъ въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ и съ искреннѣйшею признательностью отзывался о хлѣбосольствѣ русскихъ. Гости мои Османъ и Таиръ-ага, угощаемые чаемъ и пуншемъ, въ пріятной бесѣдѣ просидѣли у меня до ночи. На другой день они прислали мнѣ превосходныхъ свѣжихъ фруктовъ и были приглашены вечеромъ на чай.

Между тѣмъ, на третій день по занятіи Адрианополя, былъ торжественный въѣздъ главнокомандующаго въ городъ. Графъ Дибичъ, со всѣмъ своимъ штатомъ, окруженный генералитетомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ и конной артиллеріи, съ музыкою проѣхалъ по главнымъ улицамъ города и прибылъ въ греческую церковь. Греческій епископъ отслужилъ обѣдню и молебенъ, при чемъ находились сборныя команды разныхъ пѣхотныхъ полковъ и артиллерія. По окончаніи молебна при возглашеніи многолѣтія государю императору, громъ русскихъ пушекъ потрясъ древнюю столицу оттомановъ. За симъ преосвященный угощалъ у себя въ домѣ всѣхъ превосходнымъ завтракомъ, а солдатъ на обширномъ дворѣ.

Адрианополь, огромный древній городъ, разстилается на высотѣ на протяженіи болѣе 12 верстъ и имѣетъ до 90 т. жителей. Дома всѣ почти деревянные, большею частію двухъ и трехъ-этажные. За исключеніемъ весьма немногихъ улицъ, достаточно просторныхъ для ѣзды въ экипажахъ, всѣ остальные улицы очень узки и есть нѣкоторыя дотога тѣсныя, что два конные всадника встрѣтившись не могутъ разъѣхаться, не задѣвъ другъ друга, а выдающіеся на улицу балконы заставляютъ нерѣдко слѣзать съ лошади. Въ такихъ улицахъ нечистота и зловоніе превосходятъ всякое описаніе. Мнѣ часто случалось проѣзжать нѣкоторыя улицы, зажимая носъ и ротъ платкомъ, ибо не было возможности выносить отвратительнѣйшую вонь. Къ тому же кладбища, въ близкомъ разстояніи облегающія городъ на необозримое пространство, въ коняхъ магометане не заваливаются землею, но закрываются сводами, или досками, смотря по состоянію, заражая воздухъ вредными испареніями, споспѣшествующъ развитію эпидеміи, столь частой въ южномъ климатѣ. Это—одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой чума вѣчно гнѣздится въ Турціи.

На сѣверной сторонѣ Адрианополя, вѣковые дубы, чинары, орѣхи и другія южнаго климата деревья покрываютъ на нѣсколько верстъ рав-

нину, орошаемую большою рѣкою Тунджемъ, и образуютъ великолѣпнѣйшій паркъ, именуемый Султаніею или Эски-Сараемъ. Его дворцы, теплицы, купальни, кіоски служатъ нынѣ обиталищемъ турецкимъ сановникамъ, а проглядывающія изъ земли развалины и удѣлѣвшія подземелья пробуждаютъ грустное воспоминаніе о древнемъ величіи бывшаго нѣкогда на этомъ мѣстѣ жилища греческихъ царей и послѣ ихъ турецкихъ султановъ (до 1361 года). Но уже тому прошло около 500 лѣтъ!..

Ихъ дома вѣтеръ разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги.

Въ верстѣ отъ Эски-Сарая, возвышается великолѣпное, каменное, двухъ-этажное зданіе въ видѣ продолговатаго четырехугольника, объемлющаго около ста сажень по переднему фасаду и болѣе 200 въ длину. Въ жизнь мою я не видалъ строенія, въ родѣ казармъ, красивѣе, прочтѣе и удобнѣе. Въ первомъ этажѣ этого огромнѣйшаго зданія всѣ залы со сводами, а во второмъ прекрасныя большія комнаты для генералитета и офицеровъ, и обширныя залы для нижнихъ чиновъ. Съ внутренней стороны идетъ шпрокая галлерейя съ колоннадою вокругъ всего зданія. Казармы эти построены на 10 т. человѣкъ, но могутъ вмѣщать гораздо болѣе 12 т.

X.

Сердечная встрѣча. — Не вымышленный романъ.

Quisquis in primo obstitit	Разсудокъ говорить:
repulitque amorem, tutus	Себя ты не губи,
ac victor fuit; qui vero	А сердце все твердить
blandiendo dulce nutrit	Свое: люби, люби ..
malum, sero recusat	
ferre quod obligat	
jugum.	Sen...

Здѣсь начинается мой собственнoличнѣйшій эпизодъ. Я хотѣлъ было умолчать и о немъ, такъ же, какъ не упомянулъ ни объ одномъ изъ многочисленныхъ приключеній, составляющихъ темную сторону жизни, — говорю темную, — если должно назвать пятномъ сердечныя слабости человѣка; но случай этотъ есть выше всѣхъ моихъ паденій сего рода; поэтому считаю не излишнимъ разсказать его. Прошло тому уже болѣе 20 лѣтъ, и въ настоящее время онъ составляетъ лучшее воспоминаніе изъ всего бывшаго. Такъ глубоко врѣзался онъ въ душу; такъ незабвенна память милаго существа, любив-

шаго меня безграничною любовію. Постараюсь изложить это происшествіе по всей откровенности. Однако, вижу впередъ, что нѣтъ возможности обойтись безъ нѣкотораго романтизма. Ибо самый фактъ, истинный въ сущности, есть уже романъ моей жизни. Слѣдовательно, изложить его въ нѣсколькихъ строкахъ, безъ сопровождавшихъ обстоятельствъ, значило бы отнять всю прелесть этого яснаго луча жизни. Впрочемъ, въ приводимомъ мною разговорномъ изложеніи соблюдена возможная правдивость, сколько могла служить мнѣ въ этомъ моя память.

Въ Адрианополѣ русскія войска простояли около трехъ мѣсяцевъ, даже послѣ ратификаціи и разнѣна трактата о мирѣ, пока не началось по оному условное дѣйствіе. Время это проведено мною съ нѣкоторымъ удовольствіемъ и даже съ пользою.

Мои знакомцы, турки, посѣщали меня болѣе недѣли каждодневно и всякій разъ были угощаемы и чаемъ, и закускою, и превосходнымъ греческимъ виномъ, добываемымъ у грековъ же не за дешевую цѣну, которое правовѣрными мусульманами, какъ запрещенный плодъ, пилось съ наслажденіемъ. Признаюсь, я подумывалъ, какая могла бы быть причина столь быстрой и столь радушной привязанности ко мнѣ этихъ турокъ. Загадка эта разрѣшилась скоро, какъ увидимъ ниже.

Когда знакомство наше, такъ сказать, утвердилось, Османъ пригласилъ меня къ себѣ и познакомилъ съ своимъ младшимъ братомъ, у ко-его онъ жилъ. Этотъ братъ его (не помню имени) велъ торговлю весьма успѣшно; смышленный и къ тому же много путешествовавшій по Азіи и Европѣ, показался мнѣ человѣкомъ пріятнымъ и занимательнымъ, тѣмъ болѣе потому, что изъяснялся нѣсколько по-французски и былъ замѣчательно веселаго нрава. Послѣ сего и Тамръ-ага пригласилъ меня къ себѣ въ домъ на обѣдъ, и такимъ образомъ въ самое короткое время я сблизился съ этими янычарами, и отъ частаго съ ними обращенія и самъ началъ болтать по-турецки и понимать если не все, то многое. Таковая быстрота происходила какъ отъ способностей моихъ къ изученію языковъ, такъ и отъ того, что въ бытность мою въ Грузіи (въ Елизаветполѣ) я учился немного по-татарски, а татарскій языкъ съ турецкимъ имѣетъ небольшую разницу.

Мои знакомцы, видя мои азіатскія ухватки и наклонности, съ кони я сблизился во время пребыванія моего за Кавказомъ, и думать не хотѣли, чтобы я былъ коренной русскій. Я сидѣлъ, поджавши ноги такъ, какъ и они, любилъ азіатскія кушанья и ѣлъ нѣкоторыя руками такъ, какъ и они, курилъ одинъ турецкій табакъ, ѣздилъ верхомъ по-черкесски или по-татарски, а изъ моего привѣтливаго обращенія видно было мое особенное къ нимъ расположеніе. Все это въ совокупности съ моимъ малороссійскимъ обликомъ и усами утвердило моихъ пріятелей-турокъ

въ идеѣ, что я по крови и роду азіатецъ, но русскій подданный. Это предположеніе скрѣпило еще болѣе нашу пріязнь, которая расположила ихъ открыть мнѣ тайное намѣреніе и просить по оному моего совѣта и содѣйствія.

Уже недѣли двѣ продолжалась эта связь, какъ однажды вечеромъ Османъ и Таиръ, пріѣхавъ ко мнѣ, объявили, что они желаютъ посовѣтоваться со мною объ одномъ дѣлѣ, которое по важности должно содержать въ величайшемъ секретѣ. Когда я завѣрнулъ ихъ моею скромности и готовности услужить имъ, то они открыли мнѣ слѣдующее: когда султанъ Махмудъ уничтожилъ на вѣчныя времена янычарское войско и имя и истребилъ ихъ самихъ на половину, то оставшихся въ живыхъ янычаръ лишилъ всѣхъ правъ и преимуществъ, коими, они, по роду службы, прежде пользовались. Поэтому янычары, питая ненависть къ Махмуду и его низамамъ ¹⁾ и видя крайнюю опасность въ Турціи для себя и для своихъ семействъ, желали бы перейти въ Крымъ, или Казань, образовать на правахъ Донскихъ казаковъ войско янычаръ и служить вѣчно въ подданствѣ Россіи. Затѣмъ объяснили, что таковыхъ янычаръ въ Адрианополѣ до 9.000, а въ Константинополѣ и другихъ городахъ до 25.000 человекъ; что если домогательство адрианопольскихъ янычаръ, отъ коихъ они депутаты, будетъ принято, то и всѣ прочіе единодушно послѣдуютъ ихъ примѣру. Для сего Османъ и Таиръ, отъ всего своего общества, просили меня узнать какъ наименѣе, будетъ ли уважена ихъ просьба или нѣтъ. Если будетъ, то они тотчасъ обратятся къ главнокомандующему съ формальною просьбою, — а если нѣтъ, — то должно оставить этотъ вопросъ въ непроницаемой тайнѣ. Иначе, если султанъ Махмудъ узнаетъ о ихъ замыслѣ и поступкѣ, то, по уходѣ русскихъ войскъ, имъ не миновать окончательнаго истребленія.

Вотъ въ чемъ заключалась ихъ тайна, впрочемъ, весьма основательная, — и причина быстрого и пріязненнаго знакомства.

Я былъ весьма радъ, что на этотъ разъ могъ самъ услужить имъ, посредствомъ генерала князя Горчакова, который за неприбытіемъ гр. Орлова и гр. Палена открывалъ въ это время переговоры съ турецкими уполномоченными, прибывшими тогда въ Адрианополь ²⁾, и который могъ объ этомъ предметѣ доложить фельдмаршалу лично. Посему, съ моей стороны къ удовлетворенію ихъ просьбы было сдѣлано все, но имъ было отказано.

Обстоятельство это еще тѣснѣе связало знакомство мое съ этими янычарами. Да иначе и быть не могло, ибо, избравъ меня повѣрен-

¹⁾ Регулярныя войска.

²⁾ Это было 18 августа.

нымъ въ столь важномъ дѣлѣ, они старались всемирно расположить меня къ себѣ и снискать мою дружбу. Послѣ сего нисколько не покажется удивительнымъ, если я былъ принимаемъ въ ихъ домахъ съ полнымъ радушіемъ, особенно у Таира, коего даже семейство отъ меня не пряталось. Но въ отношеніи сего послѣдняго были еще и другія причины.

Посвщенія мои къ Осману были, такъ сказать, литературныя. Этотъ почтенный янычарь, подъ старость, предался учености и любилъ преимущественно исторію. Онъ всегда принималъ и угощалъ меня въ прекрасномъ саду. Въ тѣни вѣтвистыхъ каштановъ сидя на коврѣ, онъ мнѣ переводилъ и толковалъ изъ древнихъ рукописей разные эпизоды о Магомедѣ II, о Баязетѣ и проч., а братъ его, весельчакъ и острякъ, всегда встрѣчалъ меня упреками, что не часто у нихъ бываю. Въ домѣ его видно было изобиліе и даже роскошь. Но связь моя съ Таиромъ была совсѣмъ другого рода.

Таиръ-ага, бывшій янычарскій офицеръ, имѣлъ небольшой домикъ и жилъ очень скромно, по весьма ограниченному состоянію. Онъ любилъ и почиталъ меня дотого, что въ домѣ его все было для меня открыто, а добрѣйшая жена его Эминне всегда принимала меня какъ роднаго брата, — особенно послѣ того, когда я, узнавъ о ея горести, сдѣлался миротворцемъ, убѣдилъ Таира любить и почитать ее какъ вѣрнаго друга и какъ благодѣтельницу, искупившую его отъ смерти. Эпизодъ этой сцены заключался въ слѣдующемъ.

Во время дѣвчества, Эминне была приближенною горничною одной султанши, жены Махмуда. Видѣвъ часто Таира, въ числѣ придворной султанской стражи, влюбилась въ него. Да и мудрено было не влюбиться пылкой турчанкѣ въ юнаго мушину, и по лицу, и по сложенію красавца. Но препятствіе, трудно преоборяемое для турка, было въ томъ, что Эминне была лѣтами старше Таира. На этомъ остановилось дѣло, и Эминне въ тиши вздыхала и таяла.

Между тѣмъ, вскорѣ грозный султанъ Махмудъ предпринялъ истребленіе янычарь. Таиръ былъ въ числѣ обреченныхъ на смерть, но Эминне, чрезъ посредство своей госпожи, султанши, искупила его голову 30.000 піастровъ, съ вѣчнымъ отреченіемъ отъ янычарства. Сдѣлавшись его женою, тоже съ условіемъ, что Таиръ не долженъ имѣть другой жены, пока жива Эминне, они удалились въ Адрианополь, купили домикъ и остались въ этомъ городѣ въ спокойной жизни.

Въ то время, когда я съ ними познакомился, Таиръ, имѣя лѣтъ за тридцать, былъ въ полной силѣ и красѣ; а Эминне уже смотрѣла старушкой, хотя, впрочемъ, еще не изгладились слѣды исчезавшей красоты.

Таиръ, на правахъ турка, пріобрѣлъ любовницу, хорошенькую молдаванку по имени Марюку или Марицу (Марію) и держалъ ее въ домѣ.

Оскорбленная Эмине вопила противъ этого, а Таиръ защищался тѣмъ, что онъ далъ обѣтъ не имѣть другой жены, пока жива Эмине, — и держать его свято; но никогда не общалъ не имѣть любовницы, чего Эмине не должна и запрещать. Бѣдная женщина, пойманная на буквальный смыслъ условія, видѣла справедливость на сторонѣ своего мужа, терзалась и лишь въ слезахъ находила утѣшеніе.

Вотъ причина супружескихъ раздоровъ и горести Эмине.

Легче было бы рѣшить трудный государственный вопросъ, нежели уладить эту постельную распрю. Однакоже, постѣ продолжительныхъ упрековъ, слезъ и споровъ, дѣло рѣшилось на слѣдующихъ пунктахъ: 1-й, что Таиру дозволяется имѣть любовницу, но только одну, настоящую, или другую, если надобность эта; 2-й, что любовница таковая будетъ въ домѣ, какъ служанка, а не какъ госпожа, и 3-й, что Таиръ обязуется не уклоняться отъ супружескихъ обязанностей и сверхъ того будетъ любить и почитать Эмине, какъ друга и жену. При послѣднемъ пунктѣ Таиръ со вздохомъ утвердилъ ратификацію, и согласіе, по крайней мѣрѣ на сей разъ, между супругами водворилось.

У Таира и Эмине было всего-на-всего одно дитя, мальчикъ Измаилъ лѣтъ 4-хъ или 5-ти, и это — то единственное дѣтище они отдавали мнѣ безусловно, дабы этимъ, какъ они выражались, скрѣпить на-вѣки нашу пріязнь и предъ Богомъ, и предъ людьми. Но когда я сказалъ, что уже имѣю одного мальчика турченка ¹⁾, и поэтому отказывался отъ этого предложенія затрудненіемъ возиться съ двумя дѣтьми по походамъ, то Эмине весьма не шутя возразила: «такъ возьми съ собою и мою Гедіа; — она будетъ смотрѣть за Измаиломъ и служить тебѣ вѣрно. Притомъ же она такая умница и...» — «Довольно, довольно», — сказалъ Таиръ, махнувъ рукою.

Этотъ поступокъ глубоко тронулъ меня и доказалъ, до какой степени эти добрые люди любили и уважали меня. Ибо Эмине, касаясь къ сороковымъ годамъ, не могла уже имѣть дѣтей, а ея родная племянница Гедіа, круглая сирота, заступала мѣсто дочери. Не входя въ романтическое описаніе прекраснаго смуглаго лица, прелестныхъ очей, поразительной улыбки, гармоническаго голоса и стройной талии этой пятнадцатилѣтней дѣвственницы, скажу кратко, что эта юная азіатка была въ полной мѣрѣ изъ тѣхъ красавицъ, на конхъ невозможно глядѣть безъ упонительныхъ ощущеній.

¹⁾ Въ Селимпо взять мною мальчикъ лѣтъ 7-ми, у коего матери не было, а отца убили тутъ же. Этотъ мальчикъ Николай служить мнѣ въ мусульманскомъ полку урядникомъ. Офицеры, кто желалъ, брали и мальчиковъ, и дѣвочекъ изъ турецкихъ и христіанскихъ семействъ, и это нисколько не воспрепятствовало.

Однако, несмотря на столь сильные знаки расположения, поведение мое въ этомъ домѣ было неизмѣнно. Зная изъ опыта, какъ высоко чтится азіатцами уваженіе правъ гостепріимства и какъ жестоко отомщается въроломное ихъ нарушеніе, я старался вести себя такъ, чтобы не набросить вѣтъ подозрѣнія на чистоту моей связи. Поэтому я никогда не ѣздилъ къ нимъ безъ приглашенія, и если и бывалъ въ ихъ домѣ, то въ обращеніи съ женщинами, кои отъ меня не скрывались, былъ всегда серіозенъ, скромнъ и вѣжливъ до строгости. Но подобное поведение лишь увеличивало ихъ ко мнѣ довѣріе и вниманіе.

Адріанопольскій караванъ-сарай, — огромнѣйшее каменное зданіе, составляющее великолѣпную галлерей въ два свѣта, простирающуюся до 300 сажень въ длину, есть пунктъ постояннаго, величайшаго стеченія народа обоихъ половъ, всѣхъ сословій и племень, находящихся въ городѣ.

Здѣсь вы найдете дорогія ткани востока, парчи, матеріи, сукна, бумажныя и шерстяныя издѣлія, галантерейныя вещи, бронзу и, однимъ словомъ, вы здѣсь найдете всякаго рода мануфактурныя произведенія четырехъ странъ свѣта. Наряду съ этими богатствами, вы увидите и ювелировъ, и часовыхъ мастеровъ, и портныхъ мужскихъ и жовскихъ, и сапожниковъ, и башмачниковъ и проч. и проч. Тутъ красуется европейская ресторація, тамъ турецкая кофейня; въ одномъ мѣстѣ кондитерская, въ другомъ аптека; тамъ жарятъ кибасы в пирожки, а воятъ, лукавыи армянинъ или каранимъ смотритъ съ умильною улыбкою на кучки лежавшаго предъ нимъ благороднаго металла и мѣняетъ всякаго рода деньги. Наконецъ здѣсь происходятъ всякаго рода коммерческія и даже любовныя сдѣлки, ибо въ этомъ удивительномъ хаосѣ племень, лицъ и нарѣчій, прелестныя затворницы (средняго класса) умѣютъ инстинктивно отгадать, что кому нужно, и находятъ въ этой шумной толкотнѣ безопасное средство ускользнуть на часъ или два отъ ревнивой бдительности. Мнѣ не одинъ разъ случалось быть въ этой галлерей и обрѣтаться въ такой же тѣснотѣ, какая бываетъ у насъ въ церквахъ или при большихъ процессіяхъ. Однимъ словомъ, эта великолѣпная галлерей есть адріанопольскій Невскій проспектъ, или, лучше сказать, парижскій Пале-Рояль.

Близость морей, представляющихъ удобство и быстроту водяныхъ сообщеній съ Европою, Азією, Африкою—ничтожная таможенная пошлина, свобода торговли и извѣка господствующая страсть туземцевъ къ торговой промышленности довели цѣнность ввозныхъ товаровъ до невѣроятной дешевизны. Эта дешевизна въ особенности поразительна на издѣліяхъ шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ, такъ что десятиаршинный кусокъ прекрасной аладжи и камчи, продающейся въ Россіи по 10 и 12 р., здѣсь покупается по 4 и по 5 р. серебромъ, и т. п.

Посѣщая часто Адріанопольскій караванъ-сарай, однажды, бывши

въ выигрышѣ, я накупилъ, червонцевъ на десять, разной матеріи и уборовъ, отдалъ эти вещи Таиру и просилъ его вручить по назначенію женѣ и племянницѣ, завѣривъ его при томъ, что дѣлаю это въ отвѣтъ за подарки, ими мнѣ сдѣланные, и изъ признательности моей за нихъ ко мнѣ приязнь и довѣріе. Таиръ повѣрилъ мнѣ откровенно и благодарилъ отъ души. Но не таковы были мысли женскаго пола. По ихъ понятіямъ, признательность мужчины къ женщинѣ и обратно должна выразиться совсѣмъ другимъ путемъ. Въ этихъ идеяхъ пылкая Эмине, считая себя и безъ того обязанною мнѣ за оказанное участіе въ ея сердечной горести, сочинила для меня благодарность по своему усмотрѣнію.

Удивительно, какъ глубоко инстинктъ женщины можетъ проникнуть въ душу занимающаго ее человѣка. Она угадала запавшую въ сердце любовь и съ радостію рѣшилась содѣйствовать ей, какъ изъ благодарности, такъ и по сердечнымъ побужденіямъ, порожденнымъ ревностію. А ревность азіатки ужасна... Блаженъ мужъ, иже не испылъ ее...

Прелестная племянница, до сихъ поръ рѣдко показывавшаяся, рѣдко поглядывавшая в то украдкой, вдругъ измѣнила свое поведеніе. Увлеченная собственною страстію и ободренная наставленіями тѣтушки, она начала выходить часто, старалась проходить близко меня, изыскивая къ тому предлогъ; а иногда, какъ будто нечаянно, задѣвала меня рукой или ногой; но ея взгляды, улыбка, мимика, въ коей столь искусны азіатки, не могутъ быть выражены перомъ. Этотъ языкъ доступенъ сердцу, понятенъ только любви. Таиръ, казалось, не обращалъ на это вниманія; но хитрая Эмине сопровождала иногда эти сцены значительною улыбкою, поглядывая лукаво то на меня, то на мужа. Я былъ въ упорныхъ мечтахъ отъ подобнаго обращенія, но мысль о будущемъ поражала боязнію и отталкивала увлекательныя фантазіи.

Во всю мою жизнь я постоянно избѣгалъ сильной привязанности къ неравному предмету, дабы не завлечься невозвратно въ предосудительную связь. Безчисленные примѣры подобныхъ женитьбъ въ Грузіи были слишкомъ для меня поразительны. Посему и въ настоящемъ случаѣ я очень опасался за себя; тѣмъ болѣе, что, отбросивъ воспитаніе и происхожденіе, юность, красота и любовь могли имѣть на меня такое вліяніе, за послѣдствія коего я не могъ ручаться. Вскорѣ я несомнѣнно убѣдился въ моемъ опасеніи по тѣмъ усиліямъ, съ коими я долженъ былъ выдержать сердечную борьбу при разлукѣ. Однако:

Равсудокъ говоритъ:
Себя ты не губи,—
А сердце все твердитъ
Свое: люби, люби...

Такъ прошло около двухъ недѣль.

Въ одинъ день Таиръ пригласилъ меня обѣдать. Приѣхавъ въ назна-

ченый часъ, я былъ встрѣченъ хозяйкою, которая, сказавши мнѣ, что мужъ ея въ городѣ, но что сейчасъ будетъ, просила пожаловать въ гостиную, а сама ушла на кухню.

Домякъ ихъ былъ трехъ-этажный. Первый этажъ былъ каменный со сводами и заключалъ кухню и кладовую, во второмъ были три комнаты, одна мужская, т. е. гостиная и двѣ поменьше, женскія, и открытая галлерей; третій этажъ не занимался никѣмъ.

Поставивши лошадь на конюшню, едва вошелъ я въ гостиную, какъ въ тотъ же мигъ выбѣжала изъ сосѣдней комнаты Гедіа, всегда рѣзвая, всегда веселая, на этотъ разъ съ лицомъ, сіяющимъ какимъ-то восторженіемъ. Подскачивъ ко мнѣ и дергая мой эскельбантъ, она вперила свой свѣтлый взоръ въ мои глаза и съ милою улыбкою спросила:— Капитанъ, зачѣмъ прислалъ ты мнѣ съ дядей вотъ это?—и указала на фугоньерку и красивый платокъ, составлявшій, по убору турчанокъ, ея головную повязку.

— Это твой дядя подарилъ тебѣ,—отвѣчалъ я.

— Такъ тетка говорила неправду, ты меня не любишь?—сказала она, колебля голову.

Едва я успѣлъ позать ея руку, какъ она бросилась цѣловать мою. Я ее не допустилъ, и она обхватила обѣими руками мою голову, прижала ее къ своей дѣйственной груди, и уста наши слились.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Когда я опомнился, она смотрѣла съ улыбкою въ полурастворенную дверь, грозила пальцемъ и посылала рукой подѣлун.

Тридцати одного года, не изнуренный болѣзнями и излишествами, отъ природы сильнаго сложенія, я былъ въ это время въ полной красѣ жизни: строенъ, ловокъ и пригожъ. Къ тому же, почти отъ начала войны я мучался въ воздержаніи, имѣя цѣлю предстать въ возможной чистотѣ, плотію и духомъ, на судъ божій, еслибы жребій войны указалъ туда дорогу. При таковомъ физическомъ состояніи, страстное прикосновеніе пламеннаго существа произвело въ моемъ грѣшномъ тѣлѣ невыразимое потрясеніе. Нужна была вся сила воли, чтобы преодолѣть заплывшій огонь. Я скрѣпился и истолковалъ, какъ могъ, милой искусительницѣ эти слова:

— Если я тебя полюблю, то это будетъ мое несчастіе.

— А я, съ тѣхъ поръ, какъ тебя увидѣла, о тебѣ только и думаю, и ночью и днемъ,—проговорила она, печально качая головою.

Я выбѣжалъ изъ комнаты, выпилъ стаканъ воды, закурилъ трубку и, усѣвшись на галлерей, погрузился въ думу.

За обѣдомъ я былъ скученъ; ѣлъ и пилъ очень мало и на участіе радушныхъ хозяевъ отговаривался недорозвѣемъ, ибо и, дѣйствительно,

чувствовать себя не хорошо. Но зоркая Эминне кидала на меня испытующіе взгляды, и, нѣтъ сомнѣнія, угадала бушевавшій пламень.

Послѣ обѣда я тотчасъ собрался ѣхать. Прощаясь съ хозяйкою, когда Таиръ ушелъ выводить моего коня, она спѣшила въ разговоръ со мною и старалась и словами и жестами истолковать мнѣ мысли свои, кои, сколько могу припомнить, были въ этомъ родѣ: «Не тоскуй, капитанъ-джанымъ ¹⁾, прошу тебя; это мнѣ очень больно. Знаю твою печаль. Если будешь жить въ городѣ, а не въ казармахъ, то все сбудется по желанію. Переѣзжай же хоть сегодня и увидишь, умѣетъ ли Эминне понимать тебя и благодарить за дружбу, которой никогда, никогда не забудетъ. Я не простая, ты это видишь. Вѣрь же мнѣ, капитанъ-джанъ, все будетъ хорошо; переѣзжай по скорѣе.

Пріѣхавши въ казармы, въ коихъ расположенъ былъ нашъ 7-й корпусъ со штабомъ, я тотчасъ принялся за гидропатію и діету и въ тотъ же день, съ разрѣшенія генерала, сдѣлано было распоряженіе объ отводѣ для меня, по случаю болѣзни, приличной квартиры въ городѣ, гдѣ лѣкарь не шутя совѣтовалъ мнѣ обратиться къ существенному лѣченію, во избѣжаніе бѣлой горячки, коей признаки были явственными и которой, въ жизнь мою, я подвергался три раза: одинъ разъ во время пребыванія моего въ Парижѣ и два въ бытность мою въ Грузіи, единственно по причинѣ продолжительнаго терпѣнія.

На другой день утромъ Таиръ, навѣстившій меня, искренне соболѣзновалъ о моемъ нездоровьи, но причины его не зналъ. Я поручилъ ему съѣздить и посмотреть указанную квартиру. Возвратившись, онъ объявилъ, что квартира очень хорошая, съ ходомъ совершенно отдѣльнымъ съ улицы, отведена въ греческомъ кварталѣ, въ домѣ богатой молодой вдовы, которая, впрочемъ, выходитъ замужъ за родственника покойнаго мужа; но что въ сосѣдствѣ есть юная гречанка, слывавшая адрианопольскою красавицею, которую не стыдно было бы представить и въ султанскій геремъ. Это была дѣйствительная правда. Впослѣдствіи, познакомившись съ ея отцомъ, я бывалъ у него въ домѣ, видѣлъ красавицу, родителямиъ коей, а болѣе ей самой, очень и очень хотѣлось сыграть свадьбу, но эта фантазія была для меня не по душѣ, несмотря на искренніе намеки съ ихъ стороны, мнѣ предложенные. Сверхъ сего Таиръ сказалъ мнѣ, что въ этой же улицѣ, дома черезъ два, живетъ у своего сына одна старая гречанка, которая приходится родной теткой его женѣ.

— Какъ,—спросилъ я,—развѣ Эминне гречанка?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но ея мать, старшая сестра этой ста-

¹⁾ Джанъ, душа, джанымъ, душенька. Турки въ пріятельскомъ разговорѣ прибавляютъ это слово къ имени или званію.

рухи, была урожденная гречанка; такъ точно, какъ и бабка Гедіа была замужемъ за магометаниномъ, но по происхожденію болгарка. Подобные браки бывали прежде въ Турціи, нынѣ по милости Махмуда, весьма рѣдки, — добавилъ онъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я переѣхалъ въ Адрианополь на новую квартиру, куда еще утромъ было все перевезено. Помѣщеніе, по климату и обычаямъ, было очень удобное и даже роскошное. Квартира эта состояла изъ двухъ комнатъ, расположенныхъ вѣрѣ, концы двери выходили на широкую и длинную галлерей, украшенную рѣзною рѣшеткою съ диванами. Галлерей эта была въ садъ, а изъ нея шли двѣ лѣстницы, одна въ кухню, помѣщавшуюся подъ комнатами, а другая прямо на улицу, въ особый ходъ. Въ одной изъ комнатъ тянулся во всю длину лѣвой со-входа стѣны низкій турецкій диванъ, устланный коврами и подушками; въ противоположной стѣнѣ была широкая ниша для спальной постели, по обѣ стороны коей были въ стѣнѣ же шкапы съ рѣзбой; а въ третьей стѣнѣ, напротивъ двери, красовался огромный каминъ изъ мрамора. Другая комната была попроще.

Къ чаю явился Таиръ и между прочими разговорами объявилъ мнѣ, что жена его въ восхищеніи, что я перешелъ въ городъ и поручила сказать, что она завтра же пришлетъ мнѣ пешкешъ ¹⁾ на новоселье.

— Э, какъ можно. Поблагодарите ее, пусть не беспокоится, — сказалъ я.

— Отчего, вѣдь и у васъ, я думаю, такъ же, какъ и у насъ, пріятеля на новоселье присылаютъ хлѣбъ и соль, — отвѣчалъ онъ.

Я замолчалъ, ибо догадывался, какого рода пешкешъ можетъ пожаловать ко мнѣ.

Послѣ чаю, за стаканами вина, я заговорилъ о моей наклонности, или лучше сказать страсти, и заключилъ мой разговоръ изъясненіемъ въ этомъ родѣ:

— Послушай, Таиръ, ты меня знаешь только нѣсколько дней; но знаешь, какъ честнаго человѣка. Увѣряю тебя клятвенно, ты въ семъ отношеніи не ошибся, — и я понимаю тебя тоже за человѣка честнаго. Будемъ же дѣйствовать и поступать, какъ честные люди. Скажу тебѣ откровенно, мнѣ нравится Гедіа, но я боюсь затмить чистоту нашей дружбы поступкомъ, который былъ бы противенъ твоимъ чувствамъ; не хочу дѣлать ничего такого, что могло бы поколебать твою ко мнѣ пріязнь. Мнѣ она нравится, говорю тебѣ. Жениться на ней не могу, но полюбить ее желаю. Скажи твою мысль по всей правдѣ, этимъ только ты докажешь мнѣ твою истинную дружбу.

¹⁾ Пешкешъ — подарокъ.

Таиръ, поглядѣвъ на меня пристально, затянулся трубкой, побрутилъ усы и подумавъ началъ говорить, по свойственной ему привычкѣ, медленно и съ разстановкой: «Что Гедіе тебя любить, я это знаю, къ сожалѣнію, съ того самаго дня, какъ ты у меня обѣдалъ въ первый разъ. Говорю—къ сожалѣнію, ибо она и мнѣ очень нравится. Да иначе, капитанъ-джанъ, и быть не можетъ. Коль скоро съ перваго взгляда мы понравились другъ другу, то все, что хорошо для меня, можетъ показаться хорошо и для тебя. Слѣдовательно, не мудрено, что то, что полюбилось мнѣ, и тебѣ приходится по вкусу. Эминне желаетъ ее сбыть какъ наискорѣе. Знаю, что женою своею она быть не можетъ, но быть своею любовницею будетъ для нея по сердцу, да она лучше и не желаетъ. Притомъ же, я, Эминне и Марица, всѣ мы будемъ этому рады. Я—потому, что люблю и уважаю тебя много, а Эминне и Марица изъ ревности. Вотъ тебѣ, капитанъ-джанъ, вѣрная правда.

— Что же съ нею станеть, когда я уѣду?

— Ничего. Будеть жить у насъ, а случится хорошій человѣкъ, выйдетъ замужъ.

— Да кто же женится на ней, если она будетъ ни дѣвка, ни вдова?

— Станный вопросъ. Этакія женитьбы у насъ бываютъ нерѣдко; а у васъ, я думаю, и того чаще,—ибо у васъ покупаютъ мужей, а у насъ женъ. Была бы хороша и молода, не засидится дома. За нее уже сватался не одинъ; а мой дядя безъ ума отъ нея, только что онъ старъ и вдовъ. Да и тетка ея, Эминне, была, какъ ты говоришь, ни дѣвка, ни вдова, хотя и толкуеть, что я спяна ничего не могъ разобрать въ ту ночь. При томъ же куда дѣвались бы несчетные табуны любовницъ и прислужницъ нашихъ пашей, улемовъ, эфендіевъ и проч. и проч., еслибы всѣ, по-твоему, женились только на дѣвкахъ. Вѣдь всякій правовѣрный можетъ имѣть четыре жены, а любовницамъ и счета не положено.

— Стало быть, этотъ мудрый законъ магометовъ говорить: чего не нашель у одной, того ищи у другой, у третьей и такъ далѣе.—возразилъ я съ улыбкой.

Таиръ при этой остротѣ вытаращилъ на меня глаза и, расхохотавшись отъ души, сказалъ: Ахъ, скажи, пожалуй, эта мысль никогда не приходила мнѣ въ голову; а вѣдь это можетъ быть и правда, и очень правда.—Но только ты понимаешь мое выраженіе какъ турокъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ, подь словомъ: чего не нашель у одной, того ищи у другой, я понимаю любовь и дружбу, т. е. сердце и душу,—безъ конхъ и первѣйшая въ мірѣ красавица принесеть человѣку адъ, а не магометовъ рай.

— Пеки, пеки ¹⁾.

— Да что тутъ много толковать, — продолжалъ Таиръ. — Есть всякому предопредѣленіе свыше. Самъ султанъ Махмудъ не могъ снять моей головы, потому что не такъ было написано въ книгѣ судебъ. И мои предки были христіане, иначе, ни они, ни я не могли бы быть янычарами ²⁾. И у тебя азіатская кровь. Повѣрь мнѣ, во всемъ этомъ, даже въ дружбѣ и любви, есть предопредѣленіе. Никто не можетъ избѣгнуть своей судьбы, и она не избѣгнетъ своей.

— Да,—сказалъ я,—и у насъ вашъ фатализмъ выражается въ пословицахъ: кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ. Чему быть, того не миновать. А я скажу словами Богдана Хмельницкаго: Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

— Олуръ, чохъ олуръ ³⁾,—воскликнулъ мой собесѣдникъ, махнувъ головою, и мы сѣли ужинать въ самомъ веселомъ расположеніи.

На другой день утромъ, едва я успѣлъ сдѣлать визитъ моей хозяйкѣ, принявшей меня очень ласково и вѣжливо, какъ взмошелъ ко мнѣ мой пріятель, полковникъ генеральнаго штаба Никлевицъ ⁴⁾, и мы пошли вдвоемъ осматривать андріанопольскія знаменитости. Мы до того находились, что я едва добрелъ домой.

Послѣ обѣда я тотчасъ залегъ спать и уснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ сумерки, я неожиданно разбуженъ былъ голосистымъ пѣніемъ моего незабвеннаго пріятеля Я., коему вторили два другіе, а съ ними и я началъ припѣвывать и бить тактъ въ ладони.

Гей, муй коханный Юрку,
Пшистанъ, пшистанъ до вербунку.
Въ Вердичовѣ, славномъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцовъ двѣсти.
Семь конюшихъ, семь писаржей,
Вели равныхъ господаржей.
Гей, муй коханный Юрку,
Пшистанъ, пшистанъ до вербунку.

— Vous voilà donc, nous vous avons deniché. Подымайсь и одѣвайсь. Мы рѣшились завербовать тебя на этотъ вечеръ, для того и пропѣли тебѣ твой вербунокъ.

— Брависсимо,—отвѣчалъ я, одѣваясь.

— А посланіе мое получилъ?

¹⁾ Прекрасно.

²⁾ Турецкій султанъ Урханъ или Орканъ въ 1330 году учредилъ войско янычаръ изъ христіанъ, обращенныхъ въ магометанство.

³⁾ Олуръ, чохъ олуръ,—такъ, во истину такъ.

⁴⁾ Этотъ замѣчательный человѣкъ служилъ при Наполеонѣ, въ жизнь мою я не встрѣчалъ никого изъ военныхъ съ такимъ высокимъ образованіемъ и съ такими глубокими свѣдѣніями.

— Нѣтъ.

— Такъ слушай, вотъ оно:

Спѣши,—прошу на пиръ простой,
 На пиръ незваный, холостой.
 Ты здѣсь найдешь друзей бивачныхъ,
 За кубкомъ, въ облакахъ табачныхъ;
 Ты здѣсь найдешь веселый сбродъ,
 Цыганскій таборный народъ,
 Нарѣчій, лицъ, племень стеченье,
 И у гречаночекъ-голубокъ,
 Но въ шароварахъ вмѣсто юбокъ,
 Найдешь быть можетъ развлеченье.
 Спѣши, спѣши, мой милый достъ¹⁾,
 Здѣсь ждетъ тебя ваздравный тостъ.

— Какая высокая мысль, — какой благородный порывъ, — возразилъ я.

Въ тебѣ я узнаю прапрадѣдовску кровь
 Варяжскихъ витязей, и дружбу, и любовь.

— А прогрозь, вотъ прекрасный локаиль для бакханалии. Какая великолѣпная галлерей, — сказалъ мой милый Я., рассматривая квартиру.

— Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, нельзя ли съ этими геніальными идеями подалѣе отъ этого локайля.

— Отчего?

— Оттого, что хозяйка дома адрианопольская аристократка, вдова, да еще и молодая и сверхъ того выходитъ надвѣхъ замужъ. Слѣдовательно, наша бакханалія, восхитительная для насъ, нисколько не будетъ утѣшительна для нея и можетъ даже повредить ея репутація.

— Пошелъ читать мораль. Ну, готовъ, что ли?

Идемъ, готовъ
 На славный зовъ.

И мы отправились.

Было уже совершенно темно. Мы шли версты три и пришли къ двухъ-этажному домику, стоявшему отдѣльно, на большой улицѣ, пролегавшей отъ каменнаго моста, со стороны казармъ. Эта часть города называлась Армянскою и была заселена армянами. Домикъ этотъ, въ коемъ были два покоя вверху и кухня или людская внизу, занималъ мой пріятель Я., для пріѣздовъ въ городъ, или, лучше сказать, для своихъ удовольствій. Гостей было человекъ пять, все своя братія, офицерство. Четыре египтянки или цыганки пѣли и играли на гитарахъ, а три гречанки, какъ граціи, любезничали съ кокетствомъ. Два стола уставлены

¹⁾ Достъ—другъ.

были одинъ конфетами, вареньемъ и фруктами, а другой — батареею винъ. Разносили чай и пуншъ. Все было чинно и весьма любезно.

Въ столь веселой компаніи, одушевленной молодыми азіатками, можно было развлечься офицеру, проведенному года полтора бивуачной жизни, ибо прелестницы сіяли молодостью, свѣжестью и поражали новостью фізіономій и костюмовъ, и мой милый Я. говорилъ правду:

Что у гречаночекъ-голубокъ,
Но въ шароварахъ, виѣсто юбокъ,

можно было найти развлеченье; но со мною было напротивъ. На меня нашла какая-то хандра, причины коей я не постигалъ. Правда, одинъ п тотъ же предметъ не сходилъ съ ума;—однако въ этотъ вечеръ я не могъ льститься никакимъ ожиданіемъ, ибо зналъ положительно, что и въ Адрианополѣ такъ же, какъ и вездѣ въ Азіи, порядочная женщнна ни за какія блага не выйдетъ изъ дому въ ночное время. Слѣдовательно, если занимавшій меня предметъ и рѣшился бы сдѣлать мнѣ визитъ, то это могло случиться или очень раннимъ утромъ, или въ сумерки,—а иначе никакъ. За всѣмъ тѣмъ упорная грусть отразилась на моемъ лицѣ, и товарищи мои, казалось, уважали мою печаль и не дѣлали мнѣ принужденія. Не желая наводить уныніе на другихъ моею скучной фізіономіей и затмевать веселость этого разгульнаго пиршества, я ускользнулъ незамѣтно и отправился домой. Мой Иванъ, крутой малороссъ, ожидалъ меня съ лошадью и фонаремъ внизу; за всѣмъ тѣмъ я проѣздилъ болѣе часу, пока добрался до квартиры. Разѣзжая по безмолвнымъ улицамъ, съ досады я бранилъ Ивана, а Иванъ, по свойственной малороссіянамъ поведенціи, честилъ проклятіями и турокъ, и ихъ города.

— Никто не приходилъ,—спросилъ я у моего Павлушки, входя въ комнату.

— Нѣтъ, никто.

— А Таиръ?

— Онъ приходилъ, когда вы еще спали послѣ обѣда, спросилъ и ушелъ.

— Сдѣлай чаю.

— Развѣ вы тамъ и чаю не пили?

— Какой тамъ чай.

Взявъ «*La contemporaine*» *) изъ книгъ, кои всегда и вездѣ возилъ

*) Это любопытное сочиненіе одной красавицы, знаменитой своими похождениями. Происходя изъ голландской аристократической фамиліи, урожденная графиня, она была замужемъ за однимъ французскимъ генераломъ. Бывъ любовницею Нел, находилась съ нимъ въ Россіи и въ Москвѣ, въ 1812 году. И прежде сего, и послѣ, ознаменовала себя любовными приключеніями съ первѣйшими того времени людьми и даже съ Наполеономъ. Все

съ собою въ возможномъ количествѣ, я улегся на диванъ противъ ниши и принялся читать. Но чтеніе этого любопытнаго сочиненія, несмотря на его занимательность, не дѣлало въ голову. Погрузившись въ размышленіе, я рѣшилъ положительно, что для благовоспитаннаго человѣка, съ разсудкомъ здравымъ, нѣтъ ничего глупѣе, какъ сильная любовь, что эта увлекательная страсть, поражая сердечную сторону человѣка, разстраиваетъ его воображеніе, убиваетъ моральную его силу и дѣлаетъ его какъ бы безумнымъ. Въ сихъ идеяхъ, обращаясь къ собственному положенію, я радовался, что интрига моя не клеится и рѣшился выбросить изъ головы эти глупости; а для вѣншей разсѣянности я предполагалъ навѣщать почаще мою хозяйку, согласно сдѣланному ею мнѣ приглашенію, въ бытность мою у нея съ визитомъ. У нея, какъ мнѣ сказали, собирались часто молодыя барыни и барышни-гречанки, въ числѣ коихъ и сосѣдка-красавица; я предполагалъ также, подобно другимъ, шататься ежедневно въ знаменитой галлерей и искать приключеній, въ полной надеждѣ тамъ или тамъ, найти то, что мнѣ нужно. Но не сейчасъ ли самъ я бѣжалъ отъ того, чего добиваюсь съ такой жадностью? Вотъ до какой степени одурачила меня безразсудная страсть, сказалъ я самъ себѣ и началъ искренне сожалѣть о томъ, что оставилъ пирушку, и уже подумывалъ возвратиться туда, но боялся, что не найду дороги.

Среди таковыхъ и подобныхъ мечтаній, сидя по-азіатски на диванѣ, я допивалъ уже другой стаканъ чаю и курилъ медленно трубку. Было уже около полуночи. Мрачность обширной комнаты, слабо освѣщенной мерцаніемъ горѣвшей возлѣ меня свѣчи, и глубочайшая тишина, казалось, согласовались съ моимъ мрачнымъ состояніемъ.

Вдругъ послышался шорохъ. Я взглянулъ въ ту сторону, — и ужасъ объялъ меня... Въ огромной нишѣ, прямо противъ меня, стояла у моей постели фигура, женская, знакомая... Страшная мысль, какъ молнія, мелькнула, что со мною начинается припадокъ бѣлой горячки, что моя бѣдная голова помѣшалась... Сердце заныло, какой-то электризмъ пробѣжалъ по нервамъ, и я близокъ былъ къ безчувствію, но въ ту же минуту видѣніе осуществилось. Въ объятіяхъ моихъ было пламенное юное тѣло той, которая такъ сильно тревожила меня въ теченіе двухъ недѣль и особенно въ послѣдніе дни.

Переходъ отъ ужаса къ радости повергъ меня въ столь тревожное

это излагая откровенно, не только не посовѣстилась открыть свѣту свою моральную наготу, но напротивъ въ нѣкоторыхъ интригахъ описывая подробности тайныхъ процессовъ любви, она этимъ хвалится и величается, какъ знаменитый вождь побѣдами.

состояніе, что я едва чрезъ часъ могъ прійти въ нормальное положеніе, и то не прежде, какъ послѣ холодной ванны ¹⁾).

Пришедши въ себя, первый вопросъ моей милой гостьѣ былъ о томъ, какимъ способомъ очутилась она въ нишѣ и какъ пробралась въ комнату совершенно никѣмъ не замѣченная? Усѣвшись возлѣ меня, за чаемъ и ужиномъ, она рассказала очень внятно и подробно слѣдующее:

Въ тотъ день, когда отведена была мнѣ квартира, о коей сказалъ Таиръ, Эмине пошла къ своей теткѣ, живущей возлѣ занимаемаго мною дома, и взяла ее съ собою. Идучи туда и назадъ, онѣ проходили медленно мимо моей квартиры, замѣтили ее и рассмотрѣли входъ. Въ этотъ день, часовъ за пять предъ симъ, тетка нарядила ее въ лучшій костюмъ, сверху коего надѣла она худое греческое платье простой служанки, прикрылась грубою чадрой ²⁾ темносняго цвѣта и въ этомъ нарядѣ, вышедши передъ вечеромъ изъ дому, проникла въ греческій кварталъ уже въ сумерки, и улучивъ время, когда ни одной женщины не было на улицѣ, она прошла никѣмъ не замѣченная прямо въ мою комнату. Здѣсь она чрезвычайно обрадовалась своей удачѣ, но видя меня спящаго, не осмѣлилась разбудить, за всѣмъ тѣмъ сочла за лучшее спрятаться гдѣ-либо и ожидать моего пробужденія. Наконецъ, посматрѣвъ въ нишу, она тотчасъ увидѣла потаенную дверцу въ особый ходъ, ведущій внизъ, точно въ такомъ видѣ, какъ это устроено и въ комнатѣ ея тетки, пробралась туда тихо и въ этомъ мѣстѣ оставалась до той минуты, когда показалась мнѣ. Причемъ добавила, что когда она услышала пѣніе и голоса чужихъ людей, то была отъ страха ни жива, ни мертва, и рѣшилась не выходить изъ своей засады, пока не уснутъ всѣ, но сидя въ углу, и сама уснула, и спала до этой поры. Сверхъ сего она передала просьбу Эмине, чтобы я ея племянницу любилъ и жаловалъ хорошенько; чтобы никогда не пріѣзжалъ къ нимъ въ домъ и даже не ѣздилъ по ихъ улицѣ, дабы этимъ не дать повода сосѣдямъ къ злословію и сплетнямъ, что она сама будетъ посѣщать меня разъ или два въ недѣлю, смотря по возможности и, наконецъ, чтобы я содержалъ знакомство наше въ величайшей тайнѣ.

Протекли два мѣсяца, и ничто не разстроило, ничто не потревожило любви тихой, вѣрной и безусловной. Никакое перо, никакой языкъ не можетъ выразить наслажденія, коимъ я упивался въ это ко-

¹⁾ Окачиваніе водою употреблялось мною въ это время, оно было очень полезно для меня въ Имеретіи и въ настоящемъ случаѣ было для меня спасительно.

²⁾ Чадра, кусокъ полотна или другой матеріи въ величину простыни, коею азіатики покрываются сверху платья, закутывая и лицо, кромѣ глазъ. Чадры у бѣдныхъ коленкоровыя, а у богатыхъ шелковыя, разноцвѣтныя.

роткое время. Мое счастье, въ этомъ смыслѣ, было такъ велико, что я не надѣялся встрѣтить въ другой разъ подобное даже законнымъ путемъ. Предчувствіе сбылось!... Прошло тому уже болѣе двадцати лѣтъ, и эта сердечная встрѣча и нынѣ отражается наилучшимъ лучемъ моей жизни,— и нынѣ глубокой вздохъ чтить ея отрадную память.

Однажды, въ знаменитой галлерей, встрѣтился я съ однимъ армяниномъ, къ сожалѣнію, забывъ его имя, говорившимъ по-французски лучше, чѣмъ на своемъ природномъ языкѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ воспитывался во Франціи, въ Марсельскомъ лицей. Отецъ этого молодого человѣка былъ въ Константинополѣ банкиромъ и содержалъ на откупъ монетный дворъ съ правомъ чекана. Все шло хорошо и благополучно. И султанъ Махмудъ благоволилъ къ нему, и государственные сановники уважали его и искали его дружбы. Вдругъ, въ одну ночь, въ 1824 году, явились незванные гости,—гости ужасные, нѣмые исполнители воли султана. Они проникли прямо въ спальню хозяина, удалили жену и дѣтей, и чрезъ пять минутъ все было кончено. Банкиръ и откупщикъ монетнаго двора былъ задушенъ въ своей постели, а его поновѣсные мѣшки съ золотомъ очутились въ султанской казнѣ. За всѣмъ тѣмъ мать, жена, братья и сестры моего знакольца оставались въ Константинополѣ, въ собственномъ домѣ, подъ милостивымъ покровительствомъ султана, а самъ онъ проживалъ въ Адрианополѣ по коммерческимъ дѣламъ. Столкнувшись нечаянно, мы скоро сблизились и часто бывали другъ у друга. Узнавши о моей связи, въ одинъ вечеръ, за чашей свѣтлаго вина, въ дружеской бесѣдѣ онъ началъ уговаривать меня ѣхать съ нимъ въ Константинополь. «Мы остановимся въ нашемъ домѣ,— говорилъ онъ,— вы познакомитесь съ моими родными; у меня есть сестра, невеста, замѣчательной красоты, а у дяди моего есть дочь, дѣвушка лѣтъ 15-ти, тоже очень хороша, но главное, единственная наследница огромнаго состоянія, простирающагося на нѣсколько милліоновъ рублей, тамъ я васъ тотчасъ сосватаю, завѣраю васъ, а это будетъ хорошо и для васъ, и для насъ, ибо имѣніе и капиталы подъ вашимъ именемъ будутъ неприкосновенны для безсовѣстнаго турецкаго правительства». Но голова моя была дотога занята любовнымъ чадомъ, что никакіе расчеты, какъ бы они выгодны ни казались, не могли въ это время быть доступны моему разсудку. Этотъ мой знакомецъ былъ мнѣ полезенъ въ послѣдствіи касательно моей связи.

XI.

Конецъ войны.—Взглядъ на Россію.

Послѣ заключенія въ Адрианополѣ трактата о мирѣ, подписаннаго 2-го сентября 1829 года, 17-го октября послѣдовалъ размѣнъ ратифи-

кацій при торжественномъ парадѣ войскъ въ присутствіи многочисленной публики, — и въ тотъ же день данъ былъ главнокомандующимъ для турецкихъ уполномоченныхъ большой обѣдъ и сожженъ у Эски-Сарая знаменитый фейерверкъ, коего финалъ, павильонъ въ 12 т. ракетъ, гармонизируемый залпами 200 орудій, взвился съ оглушительнымъ трескомъ въ облака и возвѣстилъ небу и землѣ заздравный тостъ двухъ величайшихъ своего времени государей-союзниковъ и конецъ ихъ войны.

Зрѣлище удивительное! идея достойная факта.

Но чего стоила эта война?—Изъ всѣхъ войнъ, бывшихъ между Россією и Турцією со временъ политическаго быта сихъ государствъ, исторія не представляетъ войны менѣе кровопролитной и болѣе смертоносной. Лѣтомъ 1828 года кровавый поносъ былъ печальнымъ предвѣстникомъ ужаснѣйшей эпидеміи. Чума, проявлявшаяся кое-гдѣ въ этомъ году, въ слѣдующемъ 1829 разразилась, и тысячи пали ея жертвами. Всѣ занятые нами города и крѣпости были завалены больными, изъ коихъ едва-ли уцѣлѣлъ десятый человекъ. Изъ 12 тысячъ больныхъ, оставшихся въ адрианопольскихъ казармахъ, вышло около 700 человекъ. Наисчастливѣйшіе полки были тѣ, кои вошли въ Россію въ половинномъ комплектѣ; но таковыхъ было очень немного. Напротивъ, были такіе полки, коихъ наличность ограничивалась десятью или двадцатью человекъ рядовыхъ и таковымъ же числомъ музыкантовъ. Я видѣлъ собственными глазами такіе полки, въ коихъ, за неимѣніемъ людей, музыканты несли знамена. Кажется, можно безошибочно сказать, что изъ числа 150 т., перешедшихъ за Прутъ и Дунай, возвратилось въ Россію не болѣе третьей части, не считая гвардію, которая, по благо-разумному распоряженію, успѣла выйти изъ Турціи въ-время.

Издержки, въ продолженіе двухъ-годовой войны, на содержаніе двухъ армій, съ ремонтировкой кавалеріи и артиллеріи, въ европейской и азіатской Турціи и двухъ флотовъ въ разныхъ моряхъ, могли простираться приблизительно до 30 мил. р. сер.; да убили людей, убитыми, ранеными и умершими, должно положить не менѣе 100 т. человекъ. Столь огромное пожертвованіе далеко не вознаграждается 1.500.000 червонцевъ и приобретеніемъ Анапы и Ахалцыха съ нѣкоторыми землями за Кавказомъ; зато признана самостоятельность Греціи, утверждены права и выгоды Сербіи, Валахіи и Молдавіи, а главное,—поддержано достоинство націи и прославлено ея оружіе.

Бросивъ взглядъ на событія послѣдняго пятидесятилѣтія, невозможно не убѣдиться, что въ этотъ періодъ Россія выдержала гораздо болѣе борьбы, нежели въ продолженіе предшествовавшихъ двухъ вѣковъ (съ 1600 по 1801 годъ).

Война съ Наполеономъ въ 1805—6—7, война съ Швецією въ 1808—9, война съ Турцією съ 1806 по 1812, безсмертная отечественная война

1812 и послѣдовавшія за ней 1813—14—15, двѣ персидскія войны, одна съ 1802 по 1813 и другая 1826 и 1827, война съ Турціею 1828 и 1829, польская 1831, венгерская 1849 и, наконецъ, непрерывныя военныя дѣйствія за Кавказомъ,—составляютъ эту великую героическую эпоху, въ которую побѣдоносное руссiйское оружіе покрыло себя неувядаемою славой и поставило свое отечество на степень первѣйшихъ государствъ Европы и всего міра.

Что была Россія за 200 предъ тѣмъ лѣтъ, до временъ ея великаго преобразователя, и какою является нынѣ! Великій Петръ принялъ ее въ юныя дни грубою, въ дикомъ невѣжествѣ, съ 18 мил. ¹⁾ жителей, 2 мил. р. дохода, безъ арміи, безъ флота; Николай, его знаменитый праправнукъ, передаетъ ее колоссомъ міра, объемлющимъ болѣе 400 т. квадратныхъ миль, съ 70 мил. жителей, съ 300 мил. р. сер. годовыхъ доходовъ, съ грозными флотами, на семи моряхъ и съ миллионною арміею, доведенною до наивысшаго совершенства. Остзейскія провинціи, съ ихъ неприступными крѣпостями и цвѣтущими городами, герцогство Курляндское, царство Польское, Бессарабія, ханство Крымское, весь Кавказскій и Закавказскій край, до Аракса и отъ моря Чернаго до Каспійскаго, земли казаковъ, малороссійскихъ, запорожскихъ, донскихъ и уральскихъ,—слились въ одно цѣлое. Тамъ, гдѣ были въ то время непроходимыя болота и дебри, нынѣ пролегаютъ свободныя пути сообщенія. Шоссе динабургское, отъ Петербурга до Варшавы, шоссе бѣлорусское, до Кіева, шоссе московское и другія и, наконецъ, желѣзная московская дорога, идущая на протяженіи болѣе 600 верстъ. А науки, искусства, фабрики, заводы, промышленность и торговля съ каждымъ днемъ развиваются болѣе и болѣе. Въ то время Россія была въ младенчествѣ; нынѣ она въ юношескомъ возрастѣ. Если же принять въ соображеніе законы возрожденія и долготѣія государствъ, то Россія должна достигнуть полнаго физическаго развитія чрезъ два будущіе вѣка ея жизни, т. е. въ ту отдаленную эпоху, когда народонаселеніе ея, увеличиваясь на 1 проц., возрастетъ до 400 мил. душъ и покроетъ всѣ удобозаселяемыя земли ея въ Европѣ.

Сравнивъ такимъ образомъ младенческій бытъ Россіи съ настоящимъ, насъ поражаетъ изумительная быстрота государственнаго развитія и усовершенствованія. Зато это исполинское развитіе обошлось Россіи не дешево. Какіе удары вынесла она на мощныхъ своихъ раменахъ въ эти два съ половиною вѣка своей жизни и какіе еще должна вынести, пока достигнетъ указанной эпохи. Ей не страшны ни голодъ, ни опустошительныя эпидеміи, ни оружіе иноземное; противъ нихъ она

¹⁾ Въ первую ревнскую перепись, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, оказалось 8.953.000 муж. пола душъ (1670).

найдеть средства въ собственныхъ силахъ; гроза ея въ ней самой. Въ семъ смыслъ первый предметъ, поражающій наблюдательный взглядъ, есть вопросъ объ освобожденіи на волю крѣпостнаго сословія (эманципация). Этотъ важный вопросъ правительство должно рѣшить само и не допустить, чтобы этотъ ужасный «ураганъ» разразился самъ по себѣ. Но и въ дѣйствіяхъ по этому правительству, болѣе всего нужны будутъ осторожное благоразуміе и сила воли нынѣ царствующаго Николая. По крайней мѣрѣ, этотъ знаменитый государь сдѣлалъ все, что могъ, и снялъ съ себя даже упрекъ потомства въ этомъ дѣлѣ. Его мысль объ обязанныхъ крестьянахъ, о правахъ выкупа крестьянъ, при продажѣ населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, и вопросъ объ освобожденіи крѣпостнаго состоянія людей (объ эманципации), предложенный на обсужденіе нѣкотораго дворянства, ясно доказали, что онъ, предвидя неизбежность этого перелома, желалъ предупредить его ужасы. Это стремленіе обнаруживаетъ въ немъ глубокое познаніе моральнаго состоянія Россіи и искреннее желаніе ей добра.

Было бы непростительно не отдать нелестивой признательности рѣдкимъ доблестямъ этого великаго государя. Называю его великимъ, ибо со временъ политическаго существованія Россіи никто изъ царствовавшихъ лицъ, исключая Петра I, не совершилъ такихъ полезныхъ и великихъ улучшеній, какъ онъ; а въ обстоятельствахъ именно критическихъ явилъ рѣдкое благоразуміе и непоколебимую силу воли. На политической сферѣ онъ взялъ перевѣсъ надъ всѣми государями Европы и поставилъ свою Россію на первенствующее мѣсто. Въ жизни частной, онъ лучший супругъ, онъ примѣрный отецъ. Видѣли его глубокую печаль, слышали его тяжкія рыданія при кончинѣ его дочери. Наконецъ, прекрасная наружность, цвѣтущее здоровье, на 56 году, убѣждаютъ, что его физическая жизнь постоянно сопровождалась строгою умѣренностію. Но не моему слабому перу писать біографію сего славнаго государя. Исторія отдастъ ему должную славу, и его жизнь займетъ лучшія страницы россійской лѣтописи.

XII.

1830 годъ.

Ямбольш, Варна и Кишиневъ.

Въ ноябрѣ 1829 года 7-й пѣхотный корпусъ выступилъ изъ Андрианополя на зимнія квартиры, 18-я дивизія въ г. Ямбольш, а 19-я въ г. Селимпо. Проливной дождь и холодъ сопровождали насъ до мѣста чрезъ семь или восемь переходовъ.

Ямболь, не обширный, но красивый городокъ, лежитъ на большой дорогѣ, на высокомъ мѣстѣ. Торговля ничтожная, и кромѣ болгаръ никого не было. Квартира у меня была и выгодна и хороша. Мяснаго было достаточно, зато болѣе ничего, а въ нѣкоторыхъ продовольственныхъ предметахъ мы терпѣли крайность. За фунтъ крупчатой муки платили рубль и болѣе полтора рубля, за фунтъ картофелю 50—80 коп. и даже рубль асс., а фунтъ чаю доходилъ до 80 руб. асс. Я продалъ 5 ф. чаю, половину моего запаса, за 25 червонцевъ.

Зиму провели мы спокойно, но скучно и единообразно. Чтеніе кое-какихъ книгъ и писаніе замѣтокъ составляли мои главныя занятія, а длинныя зимніе вечера убивались за картами. Постоянная игра моя была бостонъ на 4 руки съ кадиями по 10 к. сер. Партнерами были то Бассардинъ, то Аристовъ, то Антоновъ; всѣ трое артиллеристы. Игралось довольно счастливо, и въ зиму я остался съ плюсомъ около 300 р. сер.

Въ мартѣ пріѣхалъ навѣстить меня мой пріятель Таиръ и подтвердилъ извѣстіе, сообщенное мнѣ около этого времени, моимъ знакомцемъ армяниномъ въ письмѣ изъ Адрианопля, т. е. что Гедіа вышла замужъ за родственника Таира, что мужъ ея хотя и пожилой, но человѣкъ не бѣдный, промышленный и проч. Онъ сообщилъ мнѣ много подробностей по сему предмету, интересныхъ собственно для меня. Погостивъ у меня болѣе недѣли, этотъ рѣдкій человѣкъ распростился со мною на вѣки. Признаюсь, я разставался съ нимъ со слезами. Да и можно ли было не любить всей душой человѣка, который жертвовалъ для меня честію своего имени и, что еще болѣе, собственною любовію. По истинѣ, въ грубой корѣ этого турка были высокія чувства благородной души. Гдѣ бы ты ни былъ теперь, въ этомъ, или въ другомъ мірѣ, прими сердечный вздохъ мой, данъ нелицемѣрно признательной души...

Въ концѣ апрѣля 1830 года, 7-й пѣхотный корпусъ пришелъ въ Варну. 19-я пѣхотная дивизія, коей князь Горчаковъ въ это время назначенъ былъ начальникомъ, переименована въ 18-ю, поступила въ 6-й корпусъ, подъ начальство генерала Рота и осталась въ Варнѣ съ прочими войсками, а бывшая 18-я дивизія ушла въ Россію. Для взрыва кр. Варны, по трактату, оставались войска наши по октябрь.

Небольшой двухъ-этажный домъ одного богатаго армянина отданъ былъ весь въ мое распоряженіе. Хозяинъ этого дома, по фамиліи Апель, жилъ въ Варнѣ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, а семейство его находилось въ Константинополь. Чтеніе и письмо и здѣсь были моимъ привычнымъ занятіемъ. Сверхъ того я изрѣдка упражнялся въ изученіи турецкаго языка.

Прекрасной наружности юноша, сынъ знатнаго константинопольскаго турка, по непреоборимой страсти къ военному дѣлу пріѣхалъ въ Варну съ единственною цѣлю насмотрѣться на наши ученія, разводы

и проч. Анель привелъ его ко мнѣ, и онъ просилъ меня, безъ церемоній, учить его по-русски. Онъ уже болталъ кое-какъ по-французски, а читалъ и понималъ довольно хорошо. На просьбу его я согласился съ тѣмъ, чтобы и онъ училъ меня по-турецки,—и наши взаимные сеансы состоялись. Онъ удивлялся, что я такъ много зналъ по-турецки, а я говаривалъ ему, что никогда не встрѣчалъ молодаго человѣка съ такими быстрыми способностями. И дѣйствительно, этотъ 18-ти-лѣтній мусульманинъ очень скоро началъ читать и кое-что понимать по-русски. Онъ выучивалъ, когда хотѣлъ по двѣсти словъ въ день. Зато мои усилія въ турецкомъ языкѣ были далеко не таковы, несмотря на то, что сверхъ молодаго учителя, нашлась еще и учительница помоложе его. Но, быть можетъ, поэтому и грамотка не лѣзла въ голову. Эта интрига была гораздо отвратительнѣе андріанопольской и грозила опаснѣйшими послѣдствіями. Другой, на моемъ мѣстѣ, менѣе опытный и менѣе равнодушный, неизбѣжно содѣлался бы печальной ея жертвою. По крайней мѣрѣ этотъ урокъ окончательно убѣдилъ меня, какъ мало должно довѣрять нѣжностямъ и клятвамъ прекраснаго пола.

При таковомъ препровожденіи времени, купанья въ морѣ и загородныя прогулки, а изрѣдка и служебныя занятія дѣлали пребываніе въ Варнѣ нескучнымъ. Подъ конецъ я получилъ сильную болгарскую лихорадку, съ коею, выѣхавъ изъ Варны, возился около четырехъ мѣсяцевъ. Въ Сатуновѣ въ карантинѣ я лежалъ больной. Здѣсь сырость, холодъ и нечистота дурнаго помѣщенія дѣлали положеніе мое, въ теченіе 28-ми дней, крайне затруднительнымъ.

Въ ноябрѣ мы пришли въ Кишиневъ. Путешествіе наше изъ Варны было весьма продолжительно, потому что въ Сатуновѣ, на Дунаѣ мы держали 28-ми дневный карантинъ, хотя, благодаря Бога, чума давно уже исчезла; зато въ Кишиневѣ мы наткнулись на холеру.

Изъ всего военнаго сословія, находившагося въ Кишиневѣ, кажется, меня перваго постигла эта ужасная болѣзнь. Это было такъ: 25 декабря 1830 года, въ день Рождества Христова, послѣ большаго обѣда, бывшаго у князя Горчакова, я возвращался домой верхомъ. Былъ часъ 10-ый вечера, квартира моя, въ домѣ Кукона Дино-Руссо, была очень далеко. Не зная города и по причинѣ непроницаемой темноты, я сбился съ дороги и проѣздилъ около двухъ часовъ. Я былъ въ мундирѣ и лѣтней шинели, погода же была очень дурная. Холодный вѣтеръ и проливной дождь прохватили до костей.

Пріѣхавъ домой, я спалъ безпокойно, а въ 10-мъ часу утра открылись припадки холеры, въ столь сильной степени, что когда, чрезъ два часа, пріѣхалъ ко мнѣ докторъ Буда, то дѣйствіе поноса, сопровождаемое рвотою, уже было болѣе 20-ти разъ, и уже начинались корчи и обмороки. Тотчасъ посадили меня въ горячую ванну и давали черезъ

каждую четверть часа отъ 5-ти до 10-ти капель Лаудана въ чашкѣ мятнаго чаю. Наконецъ, благодаря Бога, послѣ сильной ванны показалась испарина, и я, закутанный одѣяломъ, шубою, шинелью и даже буркою, потѣлъ чрезвычайно много. Послѣ этихъ и другихъ пособій, къ 8-ми часамъ вечера, я получилъ значительное облегченіе, а на другой день я былъ почти здоровъ, но слабость оставалась долго.

XIII.

1831 годъ.

Кипиневъ.—Причинамъ, побудившія къ перемѣнѣ службы.

Записки эти я пишу не для свѣта и печати, а собственно для васъ, мои милыя дѣти, на тотъ конецъ, дабы вы, достигши зрѣлаго возраста и читая ихъ, когда меня не будетъ, знали въ возможной подробности мою жизнь. Посему, приближаясь къ эпохѣ, когда послѣдовалъ переломъ моей службы, я признаю нужнымъ изложить здѣсь какъ главную цѣль моего первоначальнаго стремленія, такъ и обстоятельства, кон, опрокинувъ мои надежды, дали моему служебному поприщу далеко не то направленіе, коего я добивался. Разскажъ этотъ я долженъ начать издадека и предворяю, что страницы эти объемлютъ самый грустный періодъ моей,—и безъ того не очень счастливой,—жизни.

Еще въ 1816 году, рѣшившись, по совѣту брата Григорія Петровича, поступить въ военную службу, я желалъ служить по генеральному штабу или по артиллеріи. Для этой цѣли и образованіе мое во Франціи было преимущественно обращено на изученіе математики и другихъ наукъ. Но чтобы не потерять, въ отношеніи къ службѣ, время, долженствовавшее употребиться на мое обученіе, я опредѣленъ былъ въ началѣ 1817 года въ 41 егерскій полкъ юнкеромъ, съ тѣмъ, что, до производства въ офицеры, мнѣ позволено было заниматься науками внѣ полка. Выигрышъ въ этомъ опредѣленіи былъ видимый, ибо и ученіе шло порядкомъ, и служба считалась. Да притомъ немаловажная выгода заключалась и въ томъ, что, бывъ впослѣдствіи произведенъ въ офицеры, я могъ бы перейти тѣмъ же чиномъ въ генеральный штабъ или въ артиллерію, разумѣется, выдержавши экзаменъ.

Для достиженія этой цѣли, занимавшей всѣ мои помысленія, я употреблялъ возможныя усилія къ скорѣйшему изученію математическихъ наукъ, и ученіе мое, какъ въ Дуэ, такъ и въ Парижѣ, шло весьма успѣшно. Между тѣмъ, въ то время, когда я подбирался къ половинѣ моего приготовленія, я долженъ былъ оставить науки и явиться въ полкъ, какъ

по случаю производства моего въ офицеры, такъ и потому, что корпусу російскихъ войскъ, находившихся во Франціи, объявленъ былъ походъ въ Россію. Оставаться же во Франціи военному офицеру, собственно для образованія, можно было не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. А какъ, сверхъ этого, нужны были и деньги, а ихъ-то и не было, то и помышленіе объ этомъ отложено. Посему, по совѣщаніи съ братомъ Григоріемъ Петровичемъ, было предположено, чтобы по прибытіи 41 егерскаго полка въ Россію на мѣсто, я просился въ годовой отпускъ, пріѣхалъ къ нему въ Петербургъ, окончилъ мое приготовленіе и старался о переводѣ по экзамену въ генеральный штабъ. Съ этими радостными надеждами явился я въ полкъ и съ нимъ отправился въ Россію.

На походъ, кажется, въ Екатеринославской губерніи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 41 егерскому полку слѣдовать въ Грузію на укомплектованіе 17 егерскаго полка, коему и передать свой номеръ 41 ибо полкъ этотъ поступалъ въ 21-ю пѣхотную дивизію, а егерскіе полки ранжировались по номерамъ дивизій. Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи между прочимъ сказано было: «Полкамъ, поступающимъ на укомплектованіе кавказскаго отдѣльнаго корпуса, передать въ полки по назначенію всѣхъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, а штабъ и оберъ-офицеровъ оставлять по назначенію начальства. Должностные же офицеры могутъ быть оставляемы по ихъ желанію, не иначе, какъ по смѣщеніи во фронтъ». Такая Высочайшая воля успокоивала мои опасенія насчетъ оставленія меня въ Грузіи противъ моего желанія. Сверхъ сего я убѣжденъ былъ что подобный переводъ не могъ случиться и потому, что въ кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ былъ тогда командиромъ знаменитый генералъ Ермоловъ, извѣстный своею строгою справедливостію. Все это, по теоріи вѣроятія, было такъ, но на дѣлѣ вышло иначе.

17 егерскимъ полкомъ командовалъ тогда полковникъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ. 27-ми лѣтъ отъ роду, онъ былъ строенъ, ловокъ и пригожъ, а аристократическое воспитаніе и нѣкоторыя познанія являли въ немъ человѣка свѣтскаго, образованнаго и весьма пріятнаго въ обществѣ. Не буду говорить о его моральныхъ качествахъ, изъ опасенія, что отзывъ мой можетъ показаться одностороннимъ, хотя, впрочемъ, прослуживъ неразлучно съ нимъ болѣе 12-ти лѣтъ сряду, я изучилъ его и знаю его основательнѣе, чѣмъ кто-либо другой; но не могу умолчать, что вопіющая несправедливость этого человѣка убила наилучшія мечты моей юности и была главною причиною тѣхъ горестныхъ случаевъ, о коихъ и нынѣ отражается самое грустное воспоминаніе.

Изъ всѣхъ молодыхъ офицеровъ 41 егерскаго полка князь Горчаковъ удостоилъ меня преимущественно своимъ вниманіемъ. Узнавъ о нежеланіи моемъ остаться въ Грузіи, онъ потребовалъ меня къ себѣ и началъ уговаривать поступить въ его полкъ. Когда же услышалъ отъ

меня рѣшительный отказъ по причинамъ, изложеннымъ выше, и потому, что я не могъ разлучиться съ меньшимъ братомъ моимъ, Васи́лемъ Петровичемъ, бывшимъ тогда прапорщикомъ въ одномъ со мною полку. то онъ отвѣчалъ мнѣ: «въ такомъ разѣ братъ вашъ останется здѣсь, хотя бы вы и ушли въ Россію». За симъ онъ продолжалъ: что мои предположенія, касательно перехода моего въ артиллерію или въ генеральный штабъ, не такъ вѣрны; что въ Грузіи гораздо легче достигнуть этого перехода, чѣмъ въ Петербургѣ; что онъ самъ будетъ мнѣ въ этомъ содѣйствовать; но главное состоятъ въ томъ, что если можно шагнуть быстро по службѣ, то это не въ артиллеріи и не въ главномъ штабѣ, а въ званіи адъютантскомъ; что, бывши адъютантомъ у известнаго генерала, можно безъ затрудненія быть переведеннымъ въ гвардію, получить за отличіе чины, кресты и проч., что это дорога, по служенію въ Грузіи, представляетъ особенную возможность къ быстрому повышенію потому, что здѣсь идутъ непрерывныя военныя дѣйствія, чего нѣтъ для служащихъ въ Россіи въ мирное время, и что, наконецъ, самъ онъ, будучи изъ старыхъ полковниковъ, надѣется быть скоро генераломъ, тогда возьметъ меня къ себѣ въ адъютанты, и все пойдетъ какъ наилучше. Когда же и послѣ этого убѣжденія онъ увидѣлъ мою нерѣшительность, то досадую сказалъ мнѣ эти замѣчательныя слова: «Ахъ, Боже мой! да не могу же я общать вамъ сдѣлать васъ генераломъ, когда я самъ полковникъ. Рѣшайтесь, завѣраю васъ, вы не только не потеряете, но напротивъ выиграете болѣе, нежели ожидать можно».

Подобное приглашеніе, заключавшее такъ много правды и выраженное съ откровенною энергіею, не могло не убѣдить меня. Я рѣшился, и мы разстались друзьями.

Это было въ полковой штабъ-квартирѣ въ с. Квешахъ 2 ноября 1819 года,—день навсегда для меня памятный.

Теперь обратимся къ времени, на коемъ я остановился, т. е. къ 1831 году. Въ это время я былъ арміи капитанъ и имѣлъ два креста.

Повышеніе весьма не быстрое, въ теченіе одиннадцати-лѣтняго служенія адъютантомъ при генералѣ, пользовавшемся известностію и занимавшемъ высшія должности, особенно, если принять въ соображеніе, что до турецкой войны я былъ уже штабъ-капитаномъ и имѣлъ тѣ же два креста.

Для большей видимости я пробѣгу кратко этотъ интервалъ моей службы и укажу на тѣ случаи, въ кои онъ могъ исполнить свои многократныя общанія безъ малѣйшаго затрудненія, но не исполнилъ ихъ. Говорю, безъ затрудненія, потому, что эти случаи заключали дѣйствительныя отличія мои въ сраженіяхъ и два изъ нихъ, въ Рачѣ и Абхазіи, весьма немаловажны. Вотъ они:

Въ 1820 году, за военныя дѣйствія во время бунта въ Имеретіи, я

получилъ 3 ст. Анны, а товарищъ мой, Н. Д. Талызинъ, былъ переведенъ въ гвардію.

Въ 1821 году, за отличіе, оказанное въ сраженіи въ экспедиціи въ Абхазіи, вмѣсто перевода въ гвардію, я былъ произведенъ въ поручики, ибо такъ былъ представленъ.

Въ 1824 году, за отличіе въ сраженіи во второй Абхазской экспедиціи, получилъ Владимірскій крестъ съ бантомъ, а не переведенъ въ гвардію, ибо такъ былъ представленъ.

Въ 1826 году, по приглашенію его, отправился съ нимъ во 2-ю армию, коей онъ назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ. Возвратившись изъ С.-Петербурга въ началѣ 1827 года, онъ объявилъ, что не могъ хлопотать о переводѣ меня въ гвардію потому, что по случаю предстоящей войны съ турками подобные переводы отложены до войны.

Оставалась надежда на эту войну. Что же вышло?

За всѣ дѣйствія 1828 года я не получилъ ничего; а за 1829 годъ я получилъ бантъ на 3-ю ст. Анны и капитанскій чинъ.

Такъ разыгрались мои великолѣпныя мечты и обѣщанія егс сіятельства.

Изъ сего явствуетъ, что невознаградимая потеря по моей военной службѣ произошла отъ того, что я не могъ попасть на дорогу, которая дала бы мнѣ значительный ходъ, или, лучше сказать, что я не достигнулъ перевода въ гвардію.

Разсуждая объ этомъ въ настоящее время, когда прошло тому болѣе 25 лѣтъ, могу сказать по строгой правдѣ, что причины этому заключались частію въ поступкѣ князя Горчакова, противъ меня несправедливымъ, но большею частію во мнѣ самомъ, и именно въ моей нерѣшительности оставить при немъ службу; но факты разъяснять и то и другое гораздо положительнѣе. Постараюсь изложить ихъ въ томъ самомъ смыслѣ, какъ они были. Говорю, въ томъ самомъ смыслѣ, ибо бываютъ случаи въ жизни человѣка, кои никогда не забываются,—и приводимые здѣсь случаи, составляя въ жизни моей замѣчательную важность, навѣки запечатлѣны въ моей памяти. Слѣдовательно, можетъ быть измѣненіе въ словахъ, но не въ сущности.

Въ первую эпоху служенія моего при князѣ Горчаковѣ адъютантомъ, съ мая 1820 по октябрь 1825 года, т. е. по день переезда изъ Имеретіи на Кавказскую линію, я былъ и адъютантъ, и правитель канцеляріи, и казначей, и завѣдывалъ его дѣлами, и жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ домѣ, какъ семьянинъ. Онъ никогда не велъ счета своимъ деньгамъ, кои хранились у меня, ибо вѣрилъ въ мою честность и имѣлъ во всѣхъ дѣлахъ величайшую ко мнѣ довѣренность. Онъ любилъ меня, это правда; зато и я былъ ему преданъ всей душой, и дотога былъ къ нему близокъ, что даже воспринималъ его старшихъ дѣтей. За

всѣмъ тѣмъ, будучи чрезмѣрно вспыльчиваго нрава, онъ часто, въ этихъ припадкахъ, дѣлалъ мнѣ величайшія огорченія, а иногда доводилъ даже до отчаянія; но, приходя въ нормальное состояніе, онъ старался ласковымъ и дружескимъ обращеніемъ изгладить дурное впечатлѣніе, и мы дѣлались друзьями по-прежнему. Однако, бывали иногда сцены ужасныя, изъ коихъ четыре или пять мнѣ памяты и теперь. Во всѣхъ этихъ случаяхъ виновность моя была ничтожная. Подобныя поступки поражали столь сильнымъ потрясеніемъ мою чувствительность, что на меня начало находить какое-то уныніе въ родѣ сплина.

Случалось, что по нѣскольку дней я не выходилъ изъ комнаты, былъ задумчивъ и печаленъ, а если и являлся къ столу, то былъ угрюмъ и молчаливъ. Таковое положеніе мое видимо его беспокоило, чего онъ, впрочемъ, и не скрывалъ. Поэтому, чувствуя въ душѣ несправедливость своего со мною поведенія, онъ, по своей величайшей мнительности, началъ меня опасаться въ томъ смыслѣ, чтобы не задумалъ ему вредить за прошедшее, вышедши изъ-подъ его власти, особенно, достигнувши значительной степени. Въ сихъ идеяхъ, зная за вѣрное, что, попавши на дорогу, могу, по способностямъ моимъ, пойти далеко, онъ рѣшился не давать мнѣ значительнаго хода и для большей безопасности удерживать меня при себѣ. Эта мысль невольно вырвалась у него въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, кои по своей разительности навѣки врѣзаются въ память.

Однажды, прогуливаясь съ нимъ верхомъ, я ѣхалъ на его прекрасномъ карабахскомъ жеребцѣ; онъ просилъ меня проскакать. Пустившись прямо на канаву, довольно широкую и глубокую, я полетѣлъ чрезъ нее на всемъ скаку, но славный «Золотой», при внезапномъ поворотѣ, потерялъ балансъ и упалъ. Князь П. Д. вскрикнулъ при этомъ, а я, удержавшись въ сѣдлѣ, въ тотъ же мигъ подскочилъ къ нему и сказалъ:

— Я не ушибся.

— Да, чортъ васъ возьми, мнѣ нисколько васъ не жаль, а жаль лошади,—закричалъ онъ.

— Прійдетъ время, можетъ быть, и пожалѣете, если не обо мнѣ, то о вашей справедливости,—отвѣчалъ я ему на его чистосердечное объясненіе.

— Умѣрьте ваши мечты,—возразилъ онъ,—очень помню, что вы изъ числа тѣхъ, коимъ не должно давать ходу. Будьте покойны!

Это было въ сентябрѣ 1825 года, не задолго до выѣзда изъ Имеретіи на Кавказскую ливію.

Это уже не была обыкновенная выходка его вспыльчивости. То былъ невольно выказавшійся умыселъ, скрывавшійся въ его душѣ; умыселъ хладнокровный, обдуманый.

Прискорбно было видѣть подобную благодарность отъ того, для

жизни и чести коего я не щадила собственной жизни. Строгая истина сего доказана фактами: во время Имеретинскаго мятежа и во вторую Абхазскую экспедицію. Онъ самъ сознавалъ эти факты и нынѣ не отвергъ бы ихъ, еслибы читалъ эти строки.

Ровно черезъ годъ, послѣ описанной мною сцены, мнѣ представился случай разстаться съ нимъ, но я не умѣлъ имъ воспользоваться.

Въ сентябрѣ 1826 года, при переѣздѣ его изъ Ставрополя въ Тульчинъ, къ должности генералъ-квартирмейстера 2-й арміи, какъ бы почувствуя жребій свой, мнѣ чрезвычайно не хотѣлось съ нимъ ѣхать, и я рѣшился было отправиться обратно въ Грузію, имѣя предлогъ воспользоваться открывавшеюся въ то время персидскою войною и приглашеніемъ князя Паскевича ¹⁾. Но когда я заговорилъ объ этомъ, то онъ сдѣлалъ мнѣ ласковое убѣжденіе продолжать службу вмѣстѣ и въ Россіи, такъ же, какъ служили въ Грузіи, добавивъ при томъ, что переводъ меня въ гвардію, при настоящемъ его мѣстѣ, можно будетъ сдѣлать гораздо легче, чѣмъ когда-либо, — и я не имѣлъ духу отказаться. Этого мало, —

¹⁾ Въ первыхъ числахъ сентября 1826 года, проѣзжалъ чрезъ Ставрополь въ Грузію бывшій тогда генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, нынѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ эриванскій, князь варшавскій. Онъ былъ назначенъ тогда командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса подъ главнымъ начальствомъ генерала Ермолова. Когда прискакалъ его передовой фельдъегерь, то князь Горчаковъ приказалъ мнѣ встрѣтить у станціи генерала Паскевича и распорядиться, чтобы не было остановки въ лошадяхъ и конвоѣ. Около полуночи пріѣхалъ генералъ Паскевичъ, и я, въ мундирѣ и шарфѣ, встрѣтилъ его при выходѣ изъ коляски и сказалъ ему, что лошади и конвой для него готовы; но если угодно отдохнуть, то готова и квартира. — «Далеко ли эта квартира?» — спросилъ онъ. — «Вотъ она, напротивъ, — въ домѣ Дьячковыхъ», — отвѣтилъ я. — «Очень и очень благодаренъ ибо отъ Смоленска ѣду не останавливаясь и чрезвычайно усталъ», — сказалъ и пошелъ со мною. Въ этомъ самомъ домѣ, только съ другой стороны корпуса, была и моя квартира. Едва онъ вошелъ въ комнаты, какъ ту же минуту подали ему чай, который давно уже его ожидалъ. Увидѣвши моего Павлушку, подносявшаго ему чай, въ форменномъ денщикемъ мундирѣ, онъ спросилъ меня: — «Кто это меня угощаетъ такъ кстати?» — «Я имѣю эту честь», — отвѣтилъ я, — «ибо квартира моя въ этомъ же корпусѣ, только чрезъ нѣсколько комнатъ». — «Такъ я вашъ гость», — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, и началъ расспрашивать о Грузіи, о войскахъ, о дѣлахъ, о народахъ, о климатѣ и даже собственно о мнѣ. Онъ пробылъ около сутокъ и не отпустилъ меня отъ себя, кромѣ когда спалъ. Разпросы продолжались непрерывно, то на русскомъ, то на французскомъ языкѣ. Онъ мнѣ совѣтовалъ не уѣзжать въ Россію, но участвовать въ персидской войнѣ и повторялъ это неоднократно; а прощаясь со мною, сказалъ, отдавая мнѣ 25 рублей: «Вотъ деньги, прошу приказать отслужить молебень о здравіи и благополучіи путешествующаго меня грѣшнаго, а если рѣшитесь быть въ персидской войнѣ, то прошу прямо ко мнѣ; а мнѣ очень пріятно будетъ отблагодарить васъ за вашу хлѣбъ-соль и службу вмѣстѣ».

я имѣлъ несчастіе вѣрить этому человѣку. Четыре года спустя я удостоившись въ этой ужасной истинѣ и горько, горько раскаявался, что не воспользовался въ это время моимъ отъ него удаленіемъ.

Былъ еще подобный случай въ началѣ турецкой войны. Это было въ іюлѣ 1828 года въ Краіовѣ, въ малой Валахіи. По какому-то ничтожному обстоятельству, онъ впалъ въ припадокъ вспыльчивости и на-сказалъ мнѣ непріятностей и даже дерзостей, совершенно не заслуженно. Несмотря на то, что я, будучи и отряднымъ и генеральскимъ адъютантомъ, дѣлъ изъ души и ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя. Я дотога былъ оскорбленъ невыносимою несправедливостью, что тутъ же принесть ему всѣ, бывшія у меня, служебныя бумаги и съ растерзаннымъ сердцемъ высказалъ мое прощаніе. Оно мнѣ памятно, и, кажется, было въ этомъ родѣ: «Богъ съ вами, ваше сіятельство, вы дотога меня обижаете, что я рѣшаюсь лучше стать въ рядахъ солдатъ простымъ офицеромъ и искать смерти въ бою, чѣмъ нести подобную службу. Позвольте мнѣ ѣхать въ главную квартиру, и черезъ часъ меня не будетъ въ Краіовѣ. Я не имѣю покровителей. Все мое упованіе на Бога. Ему вручаю и судьбу мою и жалобу. Ему и вы отдадите отчетъ. Прощайте на вѣкъ»...

Подобное изъясненіе, выраженное съ чувствомъ глубокаго огорченія, тронуло его до слезъ. Выслушавъ меня въ молчаніи, онъ подошелъ ко мнѣ съ непритворною печалью и сказалъ: «И ты хочешь оставить меня тогда, когда ты болѣе всего мнѣ нуженъ? Не оставяи меня и не сердись на меня: грѣхъ тебѣ будетъ». Его печаль побѣдила мою рѣшимость, и я остался.

Наконецъ, вотъ еще фактъ, оправдавшій его угрозу, изложеннунъ выше, и выразившій его доброжелательство.

При открытіи польской войны, пріѣхалъ къ нему въ Кишиневъ для свиданія родной братъ его, князь Михаилъ Дмитріевичъ, назначенный тогда начальникомъ штаба 1 пѣх. корпуса. Этотъ прекрасный человѣкъ и славный генералъ зналъ меня по собственнымъ отзывамъ своего брата, князя Петра Дмитріевича, за отличнаго и способнаго офицера, и всегда оказывалъ мнѣ особенное вниманіе. Увидѣвши меня, онъ изумился, замѣтивъ по адъютантскому мундиру, что я не въ гвардіи, и, обратясь къ своему брату, сказалъ:

— Братъ, что это значить, твой Дубецкій не въ гвардіи? Пусти его ко мнѣ, и мы свое возьмемъ; нужно только испросить Высочайшее разрѣшеніе, на основаніи приказа, послѣдовавшаго на дняхъ ¹⁾.

¹⁾ Приказъ былъ такого рода: Если адъютанты генераловъ, не состоящихъ въ войскахъ дѣйствующей арміи, пожелають участвовать въ войнѣ съ согласія своихъ генераловъ, то таковыхъ прикомандировывать на время войны къ штабамъ и генералитету дѣйствующей арміи, испросивъ предварительно Высочайшее соизволеніе.

При этихъ словахъ, князь Петръ Дмитріевичъ вспыхнулъ, ошестивился и съ азартомъ отвѣчалъ:

— Совѣтую вамъ, ваше сіятельство, смотрѣть свои собственныя дѣла и не мѣшаться въ чужія.

Въ этомъ благородномъ порывѣ и отвѣтѣ выразилась его душа... Тутъ-то убѣдился я окончательно, что мнѣ ничего не оставалось ожидать отъ подобнаго человѣка, съ коимъ, къ моему несчастію, связывалъ меня какой-то фатализмъ въ продолженіе 11 лѣтъ.

Вотъ факты, заключающіе причины моей неудачной военной службы. Они правдивы безъ преувеличенія и могу сказать по совѣсти, что въ изложеніи ихъ я даже старался смягчить строгую истину. Но какъ бы то ни было, прошедшее не возвратимо; о немъ осталось одно грустное воспоминаніе и сожалѣніе, почему не сдѣлалось иначе, почему не воспользовался я случаемъ въ 1826 году, во время персидской войны. Но кто можетъ предвидѣть свое будущее. Какъ знать, — было бы къ лучшему или къ худшему, еслибы я пошелъ по той, или по другой дорогѣ. Быть можетъ, не было бы меня на свѣтѣ, быть можетъ, былъ бы далеко не то, что теперь. Но все вѣдь это: быть можетъ, а положительное неизвѣстно. И по неволѣ скажешь: *At ludit cuique incerta sors.*

Но въ жизни каждого играетъ
Его незѣдома судьба.

Итакъ я рѣшился наконецъ въ 1831 году на то, на чтó долженъ былъ рѣшиться еще въ 1826 году. Оставляя адъютантство мое при князѣ Горчаковѣ и не видя никакого разсчета продолжать военное поприще, я предположилъ перемѣнить и самую службу. Для этого я просился о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ Кавказскаго отдѣльнаго корпуса имѣя цѣлью перейти въ гражданскую службу и воспользоваться чиномъ.

Въ Грузію я пріѣхалъ въ апрѣлѣ 1832 года, бывъ перемѣщенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, и въ томъ же году сентября 2 подавъ въ отставку для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

Въ маѣ 1833 года послѣдовала моя отставка съ повышеніемъ чина, а въ іюлѣ я былъ принятъ въ гражданскую службу коллежскимъ ассесоромъ и, по опредѣленію Правительствующаго Сената, награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника за пріѣздъ въ Грузію, по существовавшему въ то время положенію.

Такъ кончилось мое военное поприще. Если гражданская служба моя не была отлично счастлива, то по крайней мѣрѣ она была несравненно спокойнѣе, безопаснѣе и почетнѣе.

24 декабря 1850 года.

